

НФ

НФ

ISSN 0132-6783

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 23

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 23

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
МОСКВА 1980**

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Э. А. Араб-оглы
И. В. Бестужев-Лада
Д. А. Биленкин
Е. Л. Войсунский
Вл. Гаков
Г. М. Гречко
М. Б. Новиков
Е. И. Парнов

**С23 Сборник научной фантастики. Вып. 23. Сост.
Войсунский Е. Л.— М. : Знание, 1980.—224 с.**

1 р. 10 к. 150 000 экз.

Общее тематическое направление данного сборника научной фантастики — человек и машина. В нем принимают участие как известные фантасты (Р. Подольный, Д. Биленкин, В. Колупаев и другие), так и молодые авторы (С. Другаль, А. Силецкий, Е. Филимонов и другие). Зарубежная фантастика представлена повестью Станислава Лема «Голем XIV».

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

70500—093
С 073(02)—80 Без объявл. 4700000000

ББК 84
С6 1

■ «СТРЕМИТСЯ К ЧЕЛОВЕЧНОСТИ...» (О рассказах этого сборника)

А л к в и с т. Роботы — не жизнь. Роботы — машины.

2-й робот. Мы были машинами, господин. Но от ужаса и страданий мы стали...

А л к в и с т. Чем?

2-й робот. Мы обрели душу».

Вы, конечно, узнали диалог из драмы Карела Чапека «R.U.R.». Введя в начале века роботов в обиход фантастики, Чапек сразу же определил и один из важнейших конфликтов, разрабатываемых ею во второй половине столетия. Речь идет о столкновении человека с им же созданными искусственными существами.

Роботы — машины, предназначенные для тяжелой работы на заводах и рудниках, взбунтовались и истребили человечество. Кошмарный сон... Да зачем они нужны, эти роботы? Может, вообще не надо их делать? Вопрос, пожалуй, неправомерный. Дело в том, что давно уже существует Мировой Робот — это механизированная цивилизация в целом. Мировой Робот привычен, как автомобиль, и незаметен, как спрятанная в стене электропроводка. Но иногда он бунтует. Он заявляет о себе то грозной утечкой радиоактивных веществ на атомной электростанции в Пенсильвании, то нескончаемыми очередями у бензоколонок, то авариями сверхтанкеров, после которых по поверхности морей растекаются, губя все живое, гигантские нефтяные поля. Его новейшее достижение — микроэлектроника — открывает возможность широчайшей автоматизации производства, но в капиталистическом обществе это означает резкое увеличение безработицы...

Как обуздать Робота, заставить исправно служить людям — вот вопрос. Фантастика уже давно имеет дело с этой проблемой. Общеизвестны «правила роботехники», предложенные американским фантастом Азимовым, — главный принцип заключается в нанесении вреда человеку. Робот-помощник, робот-нянька — таким он видится в идеале. Столько-то единиц информации в искусственной памяти — и никаких ошибок. Сплошная забота о человеке — но никаких эмоций. Это не обязательно металлическое, будто в латы закованное создание с антеннами, торчащими из круглой головы, мигающее цветными огоньками и отвечающее на вопросы

невыразительным утробным голосом. Робот может быть неотличим от человека — бионд, андроид, скрывающий под квазибелковой оболочкой быстродействующий электронный мозг. Он прекрасно сумеет имитировать главное чудо жизни — саморегулирующийся организм homo sapiens — человека разумного.

Так что же, собственно, отличает столь совершенную подделку от оригинала? Система питания? Да, конечно, автомат обходится без котлет, ему для поддержания жизни нужна розетка электросети. Уровень интеллекта? О да! У робота он может быть узко ограничен специальной программой, и тогда вообще не приходится говорить об интеллекте. Но есть ЭВМ, чей объем знаний несоизмеримо выше, а что до быстродействия, то и фантастике еще недавно и не снилось такое. Новый скоростной компьютер за одну минуту способен произвести столько операций, сколько потребовали бы 190 миллионов лет немашинной, «ручной» работы.

А может, и не в уровне интеллекта главное отличие, а в сфере морали, в области эмоций? Все-таки, вопреки вышеприведенной реплике из пьесы Чапека, роботы пока не обрели ту чрезвычайно тонкую систему организации высшей нервной деятельности, которую мы в обиходе жизни называем душой. И вряд ли обретут.

Новинки советской фантастики, представленные в этом сборнике, исследуют сложную проблему человек — машина в ее различных аспектах. В рассказе Игоря Росоховатского «Что такое человек» учитель рассказывает школьникам XXII века о мощи человеческого разума и трудных путях познания — это три короткие новеллы, и заканчиваются они выводом, который делает ЭВМ в ответ на заданный ей вопрос: «Человек всегда стремится к человечности».

Очень характерно. Машина могла бы ответить, к примеру, что человек весьма несовершенен. Действительно: за 60 лет жизни он в среднем обрабатывает всего 50 миллиардов единиц информации — на несколько порядков меньше, чем компьютер средних способностей. Нет, бесстрастно и добросовестно, как и полагается машине, она выделяет главную черту: «Стремится к человечности»...

Машина в произведениях сборника чаще друг, чем враг. Так, в рассказе «Белый Монастырь» А. Горцева робот-носильщик, созданный для транспортировки людей в горах, вдруг обнаруживает задатки личности. Двое путников проваливаются в занесенную снегом глубокую расселину, и тут машинный уродец Цзамбо, чьи действия до сих пор были всего лишь беспрекословным исполнением команд, добровольно идет на самопожертвование, чтобы спасти людей. А вот иной аспект проблемы: в суровых условиях Марса колонисты, осваивающие планету, развлекаются тем, что устраи-

вают драки роботов между собой. И только в одном поселке нет нужды в таких странноватых «представлениях»: там живет собачка, любимица колонистов. Человеку невозможно жить обособленно, хотя бы и в обществе автоматов, имитирующих жизнь, ему нужны «меньшие братья», нужно живое — к такому выводу приходят герои рассказа Сергея Другаля «Жизненно необходимый». Еще резче выражена мысль о том, что роботу — каким бы приближенным к человеку он ни был — следует знать свое место, в «Киберо-махи» Александра Силецкого: «Вы — только копия человека. И не воображайте из себя бог знает что».

Копия человека... Не помощник, не нянька, а копия, сохраняющая сколь угодно долго, хоть на века, личность оригинала. Так что же — сбудется старинная мечта человечества о бессмертии? Возможно ли это? Сложный вопрос. Фантастика (для которой нет ничего невозможного) во всяком случае такую возможность рассматривает. Неожиданный лирический поворот этой темы читатель обнаружит в рассказе Виктора Колупаева «Исключение».

Надо сказать, что обозначившееся в фантастике последнего времени засилье роботов, компьютеров как бы заставило вспомнить о человеке. Первоначальные восторги, связанные с вторжением кибернетики, поветрились. Настало время серьезного осмысления того, что приносит в жизнь общества автоматизация техносферы, — осмысления ее социальных последствий. Отношения Человека с Машиной — вещь очень не простая. Не просвечивает ли сквозь завесы будущего чрезмерная зависимость человеческого разума от искусственного, с его безошибочной механической прямолинейностью? Не грядет ли своего рода новое машиноборчество, этакий неолуддизм? Вопрос, конечно, не актуальный, но фантастика-то обязана заглядывать в будущее.

В рассказе Михаила Веллера «Тест» компьютер точно определил задатки мальчика и выдал авторитетное заключение: у него призвание выдающегося резчика по камню. Но мальчишка и слышать не хочет о художественном училище, он жаждет стать моряком. Вопреки машинному прорицанию, вопреки воле родителей и уговорам учителей, упрямо одолевая прирожденную неспособность к точным наукам, он становится не просто моряком, а превосходным моряком. Бесспорна логика машины — но прав и человек, осуществляющий свой нелогичный выбор.

Вероятно, нелогично поступает и ученый из рассказа Романа Подольного «Закон сохранения»: принимает на себя жестокий бег времени, укорачивает собственную жизнь, чтобы спасти других, предотвратить беду. Но нет ничего выше такой «нелогичности». Великие научные открытия достигаются дорогой ценой, подчас они требуют «расплаты», повергающей в смятение их творцов, однако

ничто не может остановить поступательный ход познания — об этом остро повествует в рассказе «Париж стоит мессы» Дмитрий Биленикин. Парадоксальность познания, неожиданность встреч на будущих космических дорогах — тема рассказа Александра Горбовского «Иная ступень». Юмором и высокой человечностью отмечен рассказ Е. Филимонова «Грибники». Без человека-гения даже самая умная машина обречена на посредственность, утверждает в своеобразном фантастическом детективе «Фальшивый подвиг» Геннадий Прашкевич.

Сборник завершает статья Вл. Гакова «Человек из машины» — обстоятельный анализ шествия роботов в мировой научно-фантастической литературе от знаменитого «Франкенштейна» до наших дней.

В этом сборнике участвуют наряду с известными фантастами и молодые авторы, в их числе и совсем молодые, начинающие — А. Силецкий, Е. Филимонов, М. Веллер. Широкий географический диапазон сборника: кроме москвичей, в нем представлены фантасты из Ленинграда, Киева, Харькова, Новосибирска, Свердловска, Томска.

Особого разговора заслуживает впервые публикуемый на русском языке большой рассказ польского писателя Станислава Лема «Голем XIV». Воображение знаменитого фантаста создало на этот раз сверхкомпьютер, «гиганта световой мысли», предназначенного для разработки стратегических доктрин. Однако Голем XIV повел себя «не так»: он оказался мыслителем. Основная часть рассказа Лема — лекция, прочитанная Големом ученым Земли и содержащая столь же оригинальную, сколь и спорную концепцию эволюции жизни вообще и человека в частности. Чисто «технологический» подход приводит Голема к парадоксальной мысли о том, что генетический код — главное действующее лицо эволюции — завел человека, как биологический вид, в тупик, и лишь осознав это, человек сумеет из этого тупика выйти на простор дальнейшего своего развития.

Читать новое произведение Станислава Лема очень интересно. Оно, несомненно, вызовет споры. Не все читатели согласятся, скажем, с таким парадоксом: «Разум — как и вся жизнь вообще — является плодом ошибки». Чисто технологический подход к проблемам эволюции жизни явно односторонен и потому вряд ли может служить надежным критерием. Дialeктический метод утверждает двуединство социального и биологического в происхождении и существовании человека. Что же до его будущего, то не забудем фундаментальный вывод теории научного коммунизма: самоцелью развития человеческого общества является всестороннее развитие личности.

Е. ВОЙСКУНСКИЙ

■ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

РОМАН ПОДОЛЬНЫЙ

Закон сохранения

1

Ничто здесь уже не могло помочь.

Заслуженный самосвал — облупившаяся краска, стертые до корда рыжевато-белосые гигантские шины, лицо в кабине с разинутым в крике ртом — навис над зелененьким «жигуленком», зелененьким, как листья молодой березы. Между автомобилями, сошедшими почти нос к носу, еще оставалось какое-то пространство — десятки сантиметров, но не хватало ничтожных долей секунды, чтобы машины врезались друг в друга.

Ничто не могло здесь помочь, но милиционер Севастьянов все равно бежал к месту неизбежной катастрофы, бежал из всех сил. Хотя он не мог успеть одолеть и десятой части расстояния, отделявшего его от автомобилей. А столкновения все не происходило. Только что разво мчался «жигуленок», только что нелепо вывернул ему навстречу с проселка самосвал — тоже на неплохой скорости, недаром его занесло по палым листьям на другую сторону шоссе, — только что они вышли почти в лоб друг другу, и все быстро, стремительно, резко. А то, что сейчас видел бегущий Севастьянов, происходило словно на киноленте, пущенной в замедленном темпе. Самосвал и «Жигули» сближались, сближались и никак не могли сблизиться. Нашлепок грязи на ободке первого колеса самосвала медленно-медленно передвигался вокруг оси... Севастьянов успел подумать, что вот так, наверное, перед смертью успевают в последние секунды обозреть всю свою жизнь, потому что время почти останавливается, но ведь он-то не умирающий? Это на месте водителя «Жигулей» можно так...

И тут он понял, что добежал. Машины сошлись почти вплотную, но «жигуленок» успел отвернуть в сторону, хотя делал он это чрезвычайно медленно — и слава богу, иначе сшиб бы самого Севастьянова.

Из «Жигулей» вывалился толстый потный человек в измятой шляпе. С самосвала прыгнул высоченный детина с бледным застывшим лицом. Его тяжелые ботинки приземлились совсем рядом с Севастьяновым, и тот невольно откатнулся. А в следующую секунду детина уже обнимал и целовал водителя «жигуленка», а тот безвольно подчинялся, опустив крупные руки с желтыми, изъеденными — химией, наверно, какой-нибудь — ногтями.

— С какой скоростью шли? — спросил Севастьянов.

— О чем спрашиваешь, шеф? — крикнул шофер. — На смертельной для такого случая — это точно. Я уже себя на нарах видел, на нарах, а у меня только-только дочка родилась.

Севастьянов записывал показания водителей, потом обмерял место происшествия, делал эту стандартную работу в двухсотый по крайней мере раз. И то, что стало ему ясно сразу, подтвердилось со всей бесспорностью очевидного: машины должны были столкнуться. Это было неизбежно, и вот — не случилось.

Водители, слегка успокоившись, подошли к милиционеру:

— А зачем все это? — спросил человек из «Жигулей». — Ведь ничего же не случилось...

— Не случилось... А вы-то хоть понимаете, почему не случилось?

— Не понимаю, но радуюсь.

— Точно, ребята. Радоваться надо. — Лицо у шофера самосвала порозовело. — Давайте, знаете, у меня с собой «московская». Не журись, шеф, не журись — я прямо в кабине заночую, никуда не поеду отсюда — ноги дрожат.

— А этот товарищ, — невольно засмеялся Севастьянов, — тоже с машиной здесь останется? Да и мне до конца рабочего дня еще далеко. Ты езжай, брат, только талон дай — проколю на память.

— Коли, коли, тут спорить не буду. — Детина излучал радость всеми порами лица, теперь уже красного, хоть к заветной «московской» его и не допустили.

Севастьянов попрощался с водителями — молодой отец при этом ужитрился поцеловать его в щеку — и устало пошел к своему посту.

И тут откуда-то из-за деревьев появился невысокий мужичина в черном свитере, из которого был выпущен зорот мятой коричневой рубахи, в мятых синих брюках, с большим коричневым саквояжем в левой руке. Опытный взгляд Севастьянова автоматически зафиксировал все эти признаки «несамостоятельности» парня, как сказала бы его, Севастьянова, жена, весьма самостоятельная и ответственная — за Севастьянова — женщина.

А вот лицо парня описать было бы трудно, только запомнить легко. Пришлось бы, наверно, просто сказать: подвижное. Глаза,

нос, скулы, брови — все играло, дышало, жило. Подпрыгивали одна за другой и снова опускались брови, похожие то на жирные прямые тире, то на извилистые запятые. Он то и дело морщил лоб и нос, чуть отдувались и снова подтягивались щеки, нижняя губа оттопыривалась...

Поглядев на это лицо, Севастьянов понял, что в измятости одежды виноват не ее хозяин, не его жена, хотя таковая, ежели она есть, мученица: на таком человеке что угодно изомнется в две минуты. Но таких людей — это Севастьянов тоже почувствовал — не по одежке встречают.

— Товарищ милиционер! — Мужчина чуть-чуть заикался, чуть-чуть, самую малость, может быть, только от напряжения.

— Слушаю вас. — Севастьянов откозырял.

— Разрешите узнать, сколько, по-вашему, времени прошло между выездом самосвала на дорогу и... тем, как автомобили разминулись?

— Сам не пойму. — Взгляд любопытного человека был так простодушен, а голос так вежлив, что Севастьянова потянуло на откровенность. — Мне показалось, секунд семь-восемь. Бежал я вон от того столба, тут метров пятьдесят пять — так оно как будто и получается. Но выходит, что машины-то за эти секунды проехали — обе — метра три. И то «Жигули» из трех метров до места, где у машин передние бамперы вровень пришлились, по крайней мере два с половиной проехали. А самосвал словно бы и вовсе на месте стоял.

— Да, любопытно. — Мужчина поставил саквояж на землю, вынул блокнот и углубился, по-видимому, в расчеты.

Говорят, есть люди, которые улыбаются одними глазами. Он улыбнулся всем лицом — от подбородка до корней волос. Но в улыбке этой было что-то грустное.

— Спасибо. Сто восемьдесят тысяч четыреста двенадцать секунд я потерял. Не так уж много, правда? Обидно только, что рассчитал плохо. Можно было втрое меньше отдать. До свидания.

Он поднял саквояж и пошел к подрулившему к обочине маленькому служебному автобусу.

Севастьянов молча смотрел ему вслед. Последних слов собеседника он не понял. Но он сегодня очень многого не понял. Да и вообще на милицейской работе приходится много видеть такого, что понять невозможно.

— Ая, в «Одессе» идет «Благослови детей и зверей». Не ближний край, но нам просто необходимо прогуляться, а фильм прекрас-

ный. Что же, проигрывая в расстоянии до кинотеатра, выигрываем в силе кинофильма. Закон рычага, он же проявление закона сохранения энергии. Сегодня я острою, как Аркадий Райкин. Ах, Аленька, Аленька, я, собственно говоря, сделал только то, что давно надо было сделать. И раньше одни теряли время, другие берегли, третьи просто-напросто растрачивали. Женщины вон вообще отвозили себе право опаздывать всюду, кроме как на работу. Человек ведь только делает вид, что боится времени, на самом деле он с ним запанибрата. Изображает бога времени с косой, страшным стариком, а помните, что с этим Хроносом древние греки сделали? Собственный сын Зевс сверг его с мирового престола и в Тартар отправил.

Храброе существо — человек! Пусть руками бога, а сверг его времени. И — обратите внимание — руками бога, ведавшего громом и молнией. Это, если хотите знать, прямо указание предков, что справиться со временем должна современная электроника. На этом я стою, как Мартин Лютер... который, правда, стоял на чем-то другом.

— Вы шутник, Михаил. А если серьезно — как вы пришли к этой своей идее?

— Да от того самого рычага и пришел. От закона сохранения. Хочешь выиграть в одном — обязательно надо в другом проиграть. Даром в этом мире ничего и никому, Аленька моя, не достается. Я говорю, как Эмерсон — был такой американский философ: если душа твоя жаждет чего-нибудь, о человек, возьми это и заплати положенную цену. Так вот всегда: хочешь взять — плати.

— У людей бывает и иначе! — с вызовом сказала она.

— Так я же про природу, Аленька, про природу говорю, как Мичурин. Милостей от нее не дождешься. Хочешь получить дополнительно время в одном месте, отдай в другом. Вот вчера, знаете, две машины чуть не столкнулись. А я как раз ехал в автобусе на опытный полигон и только-только вышел ноги поразмять. А с аппаратом я расстанусь, лишь когда он в институтском сейфе. Ну, успел включить свое полюшко так, чтобы один из автомобилей в него попал. То есть рисковал, конечно; попала бы граница поля на водителя, его бы холодненьким из машины вынули, но не включил бы поле — так тоже он в живых не остался бы.

— Значит, спасли человека? — Она остановилась.

— Ну да. Не удержался. Хвастаюсь, как Мюнхаузен. Только это правда.

— А сколько времени потеряли?

— Всего пятьдесят часов! А можно было обойтись и четырнадцатью. Понимаете, время ускоряется в небольшом объеме пространства вокруг меня, а в секторе, охваченном полем, замедляет-

ся. Произведения объема каждого пространства на временной коэффициент должны быть равны... Фу! Я заговорил как учебник физики.

— Будущий учебник физики. Ну, и что же дает ваш рычаг времени?

— Все что угодно. Вот в больнице надо на сложную операцию часа два, а в больном жизни на две минуты. Помещаем его в N-поле и растягиваем время.

— Но у кого-то оно пойдет быстрее?

— Да. Почему-то обязательно в том объеме времени, который мы ускоряем, должен находиться человек. Из расчетов это как будто не следовало... Но я предчувствовал. Время идет для всего и всех — для камня, микроба, березы, мыши, — но только человек понимает, что оно идет. Я уже на горах пробовал — не выходит. Не везет, как Галилею... Тому тоже не хотелось каяться, да пришлось.

3

Новый полигон времени расположился в уютной горной долине. Только вот высоковато немного и дышать с непривычки поначалу трудновато. Не хватает воздуха — как марафонцу в конце пути.

Врач Аля качает головой. Сердце у Миханла Григорьевича изношенное, не для гор. Но для новых опытов с N-полем нужны перепады атмосферного давления, а здесь у ущелий такие удобные стенки. И лазить на них будут товарищи с альпинистским опытом. Он, изобретатель, останется там, где ему еще можно дышать. А в вертолете будет кислородная маска.

Врач Алевтина Николаевна может все это поломать. Но с Миханлом слишком трудно. И она сама боится, что вмешается в планы института уже по личным соображениям: чтобы уберечь не просто великого ученого, а близкого ей человека. И еще боится Аля, что не вмешается тоже по личным соображениям — знает, что Михаил этого не простит. А пока она так колеблется, Михаил уже все сделал. То есть делали другие — он только объяснил начальству, чего он хочет, и нашлось кому подобрать подходящую долину в горах, перебросить туда нужное оборудование и людей, собрать финские домики, доставленные на вертолетах.

Врачу Алевтине Николаевне стыдно, что она все это допустила. А Аля гуляет по вечерам с Миханлом. Какие здесь небывалые, невозможные растут цветы — похожи на одуванчик, но размерами с кулак, а то и детскую головку. Детскую головку.

По паспорту он моложе на полтора года. А на самом деле... На самом деле еще моложе. Купается в ледяном озере. Легко

сажает ее на плечо. Она держится, обхватив его голову. Седую уже голову.

Но теперь он осторожен. Он не будет — обещал — стареть быстрее обычного. Есть же в его группе люди, которые с радостью жертвуют минутами и часами — молодые доноры времени, отдающие, как доноры крови, то, что у них пока в избытке. И не зря отдают — опыты ставят, научные работы пишут.

Аля и Михаил сидят ранним утром на сером бугристом камне, спрятавшемся от научного городка за боком огромной скалы.

Он читает Киплинга:

Я думал, будет время,
Мне не изменит пыл,
И, выжидая юность,
Весну я отложил.
И вот, сперева в тревоге,
Потом в тоске узнал,
Что я, Диего Вальдес,—
Великий адмирал!

— Вот как давно это делали! — смеется Аля. — Эх ты, тоже все торгуешься со временем.

— А что? Можно и поторговаться. Только в кредит оно не отпускает. Юность, говорят поэты, рвущийся товар. Все равно ведь она проходит, так лишь бы не напрасно. Я-то старел не зря, как Фауст навыворот.

Из-за угла скалы появляется человек.

— Тревога, Михаил Григорьевич! — говорит он. — Объявлен общий сбор.

По дороге к домикам сбивчиво объясняет. Чуть ниже, на полкилометра, до полусотни километров в сторону, поселку угрожает сель. Время такое, весна, да еще поздняя весна, снег в горах тает, крошечные речушки — курица вброд перейдет — в эту пору превращаются в чудовищные потоки из камней и грязи. Знаете, что было с Алма-Атой пятьдесят лет назад? Аля не знает, и уже Михаил объясняет ей: полгорода обратился тогда в озеро из грязи.

— У нас просят вертолеты — вывезти людей из поселка. Ваше слово, Михаил Григорьевич.

— Просят. Имеют право требовать! Заправляйте.

— Уже заправлены.

Огромные винты дрожат, трепещут, постепенно раскручиваясь над кургузыми кабинами.

Из всего, что только создано современной техникой, вертолеты меньше всего походят на машины — во всяком случае, пока не взлетят. Нет в их очертаниях той строгости, что у самолетов, авто-

мобилей, тракторов. Скорее это добродушные домашние животные, некрасивые, зато живые.

Три вертолета уже поднялись. Четвертый Михаил Григорьевич просит на минуту задержаться. Исчезает в своем домике, появляется оттуда с саквояжем.

— Полечу поглядеть.

Аля смотрит на него. Он на нее не смотрит, и она успевает влезть в кабину.

4

Михаил Григорьевич сидит на туристском походном стульчике. Две изогнутые металлические трубки и кусок полотна... На коленях — общая тетрадь. Справа стоит приоткрытый саквояж. Слева — мешок с консервами, канистра с водой. Он хвалит себя, что сразу догадался сказать про воду. Доставляют регулярно. Речка, конечно, пересохла.

Впервые в жизни у него оказалось достаточно времени — на все, что только он может сейчас делать. И не с кем торговаться из-за времени. Он отгорожен от мира самой прочной на свете стеной, от такого медлительного большого мира. Временной коэффициент сейчас один к двум тысячам. Ничто живое не выдержит, если в части организма время пойдет в две тысячи раз быстрее. Птиц жалко. И насекомых. Заданут хоть крылышком границу — и все. Но делать нечего. Вон вал селя — в сотне метров сзади. Михаил не оглядывается, он и так знает, что никуда этот вал не денется, с места не сдвинется, пока включено N-поле. Жалко, что пришлось охватывать такой огромный объем пространства. Зато ясно теперь, что прибор может и это. До сих пор на таков не замахивались, не рисковали — жалели время. Его и других доноров. А теперь деваться было некуда.

Надо продумать вот такой вариант: что если в N-поле будет помещен человек в состоянии анабиоза? Будет ли в этом случае работать рычаг времени? Вряд ли. Но попробовать следует. Запишу в программу экспериментов.

Деревья — черт их знает какие, вот дурак, никак не мог ботаникой поинтересоваться, все, понимаешь, времени не находил — уже второй раз теряют листья. Программа природы. Для них уже второй раз приходит жестокая горная зима, хоть солнце и палит всю.

Михаил уходит в палатку. Семнадцать часов бодрствования — семь часов сна. Не меньше семи. Он давно обещал это Але. Еще в Москве. Сколько лет прошло с тех пор? Для Али — три недели.

Воду, еду, лекарство, письменные принадлежности ему забрасывают.

Есть удобное место. Аля стоит как раз там. И смотрит. А что она может увидеть? Он же движется в две тысячи с лишним раз быстрее, чем она и все они там, в этом фантастически медлительном мире к северу от зоны N-поля, где живет Михаил. Зато мир к югу от этой зоны еще медлительнее. В один час Михаила укладываются меньше двух секунд людей, которые сейчас хлопочут в поселке, увозя из-под удара детей и женщин, пока мужчины сооружают заградительные заслоны на пути села. Зато там, где нависает над пересохшей речушкой чудовищно-безобразный вал села — песок, глина, обломки скал, серо-желтое вспененное месиво — двум годам Михаила соответствуют только полсекунды. Вал движется не для него и не для них. Полтора года одиночества. Гора исписанных общих тетрадей. Хорошо, что он об этом подумал заранее. Вот книг надо было попросить. Они не догадались. Не успели догадаться. Ведь у них прошло лишь шесть часов.

Хорошо, что он придумал когда-то, как сделать, чтобы можно было отходить от аппаратуры, — оставаясь в пределах зоны, конечно.

Медленно-медленно встает после короткого тревожного сна очень уставший человек. Только не хватает, чтобы он сейчас умер. Аппарат ведь тут же отключится. Валидол под язык. Не помогает. Нитроглицерин. Аля говорила — нитроглицерин надо принимать только лежа. Но и ей не проверить сейчас, как он принимает лекарства.

Сегодня у них вечернее свидание. Он придет — для нее — на три секунды раньше. Должен прийти. А здорово сдвинулось солнце за эти полтора года одиночества. Он выходит на поляну. Аля на месте. Как все эти месяцы. Как все последние часы. Ее видно хорошо. А чтобы она его увидела, требуется выдержка. Как в фотографии. Полчаса надо простоять неподвижно. Увидела. Рванулась к нему. Остановилась — вспомнила про невидимую стену. Бросила к его ногам камень, обернутый в лист бумаги.

«Милый! Эвакуация заканчивается. Остались минуты. Отключай аппарат. Вертолет сбросит тебе лестницу».

Да, вот оно в небе, доброе летающее животное конца XX века. Жалко, она не услышит, а то бы Михаил сообщил, что стоит на своем, как Лютер. Или как статуя Командора. Обратной связи из мира ускоренного времени, к сожалению, нет. Отсюда записку с камнем не кинешь — давно проверено. Начинаются всякие парадоксы, с ними еще предстоит разобраться.

Аля держит руку у сердца. Смотрит на него. Хорошо.

Аля еще видела его стоящим на ногах, а он падал. И снова она

увидела Михаила, когда он уже лежал на земле. Что случилось, она поняла, увидев какую-то букашку, осторожно, медленно-медленно вспрыгнувшую на обтрепанный рукав коббойки.

И тут же в уши ударил рев селя, отпущенного временем.

В вертолет, повисший в полуметре от земли, ее втащили силой.

ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН

Париж стоит мессы

— Итак, ребенок родился,— шепотом сказал Валлах и обтер руки ветошью.

Горд устало кивнул.

Машина висела в воздухе, ни на что не опираясь. Масляный подтек на переднем оиводе напоминал прищуренный глаз — казалось, что машина искоса следит за людьми. В зазор между ней и платформой мог свободно пройти ребенок. Было так тихо, что редкое потрескивание газосветной трубки под сводом наполняло собой весь огромный цех.

Позади Горда и Валлаха теснилась небольшая толпа. Одинаковые спецовки придавали всем облик рабочих, хотя даже инженеров здесь было меньше, чем обладателей научных степеней и титулов. Выделялась лишь плотненькая, в черном переливчатом костюме фигура Миллионера — специального представителя директората. Сложив руки на животе, он с радостной улыбкой проворно оглядывал окружающих. Лица создателей отражали сложную смесь настроений. Машина существовала теперь отдельно от них, она была фактом, над которым уже никто не был властен. В это плохо верилось после того, как она столько лет вынашивалась в сознании, после того, как она принадлежала им даже в материале, который сопротивлялся, капризничал, доводил до бешенства, до упадка сил и который надо было день за днем оживлять, чуть не дыханием отогревая каждый винтик и каждый нерв. В ту секунду, когда она, дрогнув, стала приподниматься, все эти люди сделали такое мысленное усилие помочь ей, подтолкнуть, что сейчас испытывали усталую опустошенность, которая медленно заполнялась сознанием полного и очевидного успеха.

Заговорили все как-то сразу и бестолково.

— Висит, черт ее дерит!

— Теперь и руки можно пойти вымыть...

— Красавица, а?

— Знаете, мне еще не верится...

— Эх, бутылку шампанского не догадались разбить!

Горда хлопали по плечу, тормошили, он растерянно улыбался. Сверкнув золотыми ободьями очков, протиснулся Мильонер, крепко пожал руку.

— От имени правления...

— А также господа бога и общества матерей-кормилиц,— пробормотал Валлах.— Ох и выплюсь же я сегодня!

— Да, да,— живо подхватил Мильонер.— Конечно, конечно, вам следует отдохнуть. Хочу только напомнить, что завтра в десять доклад на расширенном совете, будут ответственные лица из...

— Послушайте, Мильонер, будьте хоть сейчас человеком,— сморщился Валлах.— Пошли,— подтолкнул он Горда.

«Я все-таки сделал это,— подумал Горд.— Все-таки сделал».

Он оглянулся на машину. Она напоминала уснувшего в воздухе китенка. Масленный глаз смотрел на человека, как бы недоумевая, зачем здесь эта подвижная козявка и чего она, собственно, хочет.

— Сотрите масло,— приказал Горд.— Хотя нет, не надо...

Оставив «гепарда» на обочине, Горд медленно двинулся в глубь желто-багрового осеннего леса. Ноги вяло загребали мокро шуршащие листья. Голова после праздничной выпивки слегка кружилась, в мыслях была неуютная горечь. Отчего бы это? Может, он просто устал, вымотался? И ждал свершения слишком долго, так что уже и триумф не радовал? Нет, им владело что-то другое. Опустошительное чувство, будто он отдал машине самого себя, перелился в нее до капли, и теперь ноги несут лишенное всяких желаний тело. Буддисты говорят о переселении душ, тогда как ближе к истине была бы идея переселения личности конструктора в созданную им технику.

Чепуха! Хотя отчего же? Двадцать лет жизни отдано чему-то, что теперь стало самостоятельным. Независимым, как окрепший ребенок, который рано или поздно заявляет отцу: «Все, ты свободен, живи отныне как хочешь!»

Наоборот, в том-то и фокус, что наоборот! И дело не в доводке. Отныне он, Горд, станет тенью созданного. О нем будут говорить: «Человек, который...» Словно этим он только и ценен. А может, так и есть? Что в нем такого, чем еще он выделяется среди миллиардов людей? Он обыкновенен, тогда как сделанное им грандиозно. Странно! Неужели его неповторимая личность, ему лишь присущие чувства, воспоминания, все, чем он жив,— ничто по сравнению с Машиной?

А хоть бы и так... Машина — плод его мысли. Она как жемчуг разумной жемчужницы. И пока существует она, для человечества существует он, Горд. Творец должен умереть в своем произведении.

Ну, знаете! Он есть, он сам по себе, всегда им будет, вот только сейчас он подустал и выпил капельку лишнего...

Листья под ногами зашуршали громче—Горд ускорил шаг. Шоссе, к которому он вернулся, было пустынно. Дверца осталась незащелкнутой, внутри горел сиротливый свет. Горд захлопнул дверцу, включил зажигание и обогрел. Вокруг смутной массой темнел лес, низкие облака над дорогой сочились влагой и холодом. Автомобиль в этих вечерних сумерках показался Горду островком тепла и уюта; свет индикаторов на приборном щитке был прост, надежен и ясен.

«Вот так, старушка.—Горд любовно погладил глянцевый обод руля.—Кончен твой век. Тебя заменит другая машина. Ты против? А тебя не спрашивают...»

Он завел мотор, привычно и сладостно ощущая свою власть над двухсотсильной машиной.

«Расхлябался,—сказал он себе, набирая скорость.—Ты победитель. Ты рванул человечество в двадцать первый век. Ты! Выпей снотворного и не забудь, что в десять ноль-ноль тебя будут ждать очень важные персоны. Потому что ты сделал Машину. Пошли они все к черту...»

Папо под колесами шоссе, и уносились прочь тополя, похожие на старух с заломленными к небу руками, позади оставались сонные домики ферм, где спали, ворочались, храпели во сне. Ветер скорости рвал брех потревоженных собак, наливал мускулы силой. Уныние давно покинуло Горда, ему казалось, что само пространство земли бежит и вращается, повинувшись движению его руля.

Проснулся он без усилий. Окна были зашторены, в полутьме оранжево светился циферблат настольных, у изголовья, часов. Тускло, как омут ночью, поблескивало стекло книжного шкафа.

Стрелки приближались к восьми. Можно было не вскакивать, можно было понежиться, точно на каникулах в детстве. Голова была свежей, отдохнувшей, мысли текли ровно, тон их был светел, вчерашнее забылось.

Не глядя, Горд включил транзистор. В тишину комнаты тотчас ворвался приподнятый голос диктора.

— ...антигравитация. Официальный представитель фирмы, господин Миллионер, заявил вчера, что успешное испытание антигравитационного двигателя доктора Горда означает революцию в технике транспорта, строительства, межпланетных полетов. «Тяжесть побеждена! — сказал представитель фирмы.— Вскоре человек без труда достигнет самых дальних планет Солнечной системы». Подробности сообщены не были, однако мы надеемся...

Речь диктора перебил телефонный звонок. Начинается! Выключив приемник, Горд схватил трубку.

— Да, слушаю... Валлах? Рад тебя слы... Что-что? Как это не будешь на совещании? Не понимаю... Какое лицо? Слушай, ты просто перебрал... Что? Да успокойся же! Сейчас приеду, жди!

Горд с досадой отбросил трубку. Вечно с Валлахом что-то случается. Как при всех затруднениях, рука привычно потянулась к сигаретам. Огонек зажигалки заставил зажмуриться. Нервная затяжка обожгла легкие. Горд закашлялся, вскочил, отбросил штору, топясь, пересек спальню и, ослепленный хлынувшим светом, влопыхах зацелил ногой стул.

Чертыхнувшись, он машинально потер ушиб и вдруг обнаружил, что по ткани пижамных штанов скользит нечто нелепое, зеленое, и это нелепое — его собственная рука!

Оторопев, он продолжал смотреть, как шевелятся пальцы, еще вчера такие обыкновенные, а сейчас неправдоподобно чужие, страшные, уродливо-зеленые.

Сорванная пижама отлетела прочь, и зеркало равнодушно отразило все его кошмарное, немыслимое, зеленое с головы до пят тело. Внезапный и ужасный факт осознается, однако, не сразу, и еще несколько секунд Горд тупо смотрел на свое отражение в зеркале, сжимая в пальцах спокойно дымящуюся, забытую им сигарету.

Запился телефон. Горд долго его не слышал. Наконец услышал, коменно снял трубку.

— Слушай, Валлах, со мной то же самое...

Но это был не Валлах. Голос в трубке ревел, молил, всклипывал,— слов нельзя было разобрать. «Мир сошел с ума»,— отрешенно и даже спокойно подумал Горд.

Мир действительно сошел с ума, потому что рыдающий голос принадлежал Мильонеру.

За окнами лежал искристый снег. Тугие лапы елей гнулись под тяжестью белых наметов, но голубые прозрачные тени всюду напоминали о близкой весне.

— Я слушаю,— сказал Горд, не оборачиваясь.

— Все, собственно.— Валлах кинул обгоревшую спичку в пепельницу, промахнулся, но не стал поднимать.— Ты будешь спорить с выводом медицинских светил? Глупо.

— И бесполезно?

— И бесполезно. Повторяю по пунктам. Во-первых, именно антигравитация придает коже тот изумительный лягушачий цвет, который отрезал от общества тебя, меня, всех, кто соприкасался с работающей машиной. Во-вторых, от этого, как утверждают медики, нет средств защиты. Лекарств тоже. Позеленение безвредно для здоровья? Пусть так, но вечный, с прозеленью, загар — это не для

нормального человека. Никто не жаждет стать зеленым негром. Гнусный цвет. Посему антигравитации не быть. Жалеешь?

— Дурацкий вопрос...

— Прости.

Горд отвернулся от окна. Его лицо на ярком фоне выглядело черно-зеленым.

— Послушай, Валлах... Я верну тебе твой вопрос в несколько иной форме. Зачем жив человек?

— Ну, знаешь! — Под Валлахом заскрипел диван, одной босой пяткой он почесал другую. — Оставь эту тягомотину философам.

— Нет своего мнения?

— Да как сказать... Чисто наблюдательным путем я установил, что люди живут затем, чтобы есть, пить, спать, размножаться, то есть затем, чтобы жить.

— Не вижу, чем твой человек отличается от животного.

— А он и не отличается.

— Тогда чего ради он придумывает всякие машины?

— А шут его знает!

— Врешь... Когда мы сутками корпели над машиной, ты был весел, свеж и насмивывал. В те дни у тебя было все, но ты плевал на все, тебе была нужна машина. На жратву, на выпивку, на сон, на само здоровье плевал. Сейчас у тебя тоже есть все, но нет машины. И ты не встаешь с дивана, ты опустился, лежишь в пижаме, изводишь бренди, хандришь.

— Загар, мой милый, зеленый загар. Не люблю быть прокаженным. К чему, однако, весь разговор?

— Хочу выяснить, где и в чем мы ошиблись.

— Стоит ли? Биологи в один голос твердят, что эффект позеленения — изящный, не правда ли, термин? — нельзя было предусмотреть.

— Я не об этом. Может быть, ошибкой было само открытие антигравитации?

— Смотри, куда тебя занесло! По такой логике и двигатель внутреннего сгорания изобретать не стоило.

— А кто доказал, что автомобили, станки, ракеты сделали нас счастливей?

— Кто, кто... Мы с тобой были бы куда счастливей в пещерах. Ни тебе лаборатории, ни чертежей, даже детектива нет почитать, и алкоголь не открыт, чтобы в нем утопиться со скуки.

— Значит, сытость еще не все?

— Хватит! — Валлах рывком приподнялся. — К дьяволу философию! Да, да, я хочу заниматься машиной! И ты хочешь! Позеленей мы трижды! Мы мрем от безделья, да! Ну и что? С антигравитацией покончено. Точка. То, что мы сделали, требует непомерной платы.

Ваша сдача, господь бог. Тасуйте карты заново, авось нам теперь повезет и мы создадим что-нибудь безвредно-полезное, самоочищающуюся, например, от грязи обувь. Но вряд ли, выдохлись мы с тобой...

— Я вас не побеспокоил? — послышался за дверью голос Милльонера.

Вид у Милльонера был деловой и целеустремленный. Он сел, поставил у ног портфель, протер запотевающие с мороза очки. Трудно было поверить, что несколько месяцев назад этот человек мог рыдать в телефонную трубку. Сейчас он излучал самоуверенность, и даже лягушачий цвет лица выглядел не уродством, а знаком приобщения к какой-то особой высокой касте.

— Господа,— начал он стремительно.— Мне поручено выяснить ваше отношение к идее дальнейшего, с учетом всех обстоятельств, использования антигравитации.

— Мы много об этом думали,— сказал Горд.— Использование автоматических антигравов в космосе весьма перспективно, поскольку при этом исключается контакт аппаратов с людьми. Кое-что в этом плане...

— Простите, Горд, нам бы хотелось, чтобы вы взяли проблему шире.

— То есть?

— Космос — лишь одна из сфер приложения антигравитации. На Земле, в строительстве, например...

— Исключено! Вам должно быть известно, что, как показали замеры, спектральный радиус действия антигравитационных волн в установках типа «подъемный кран» составит от одного до двух километров. Конечно, в особых случаях, в пустыне...

— Наконец, есть сфера транспорта.— Милльонер будто не слышал слов Горда.

Горд пожал плечами и кинул на Валлаха взгляд, в котором ясно читалось: «Ты что-нибудь понимаешь? Я нет».

— Пожалуйста, сходите с ума без моего участия.— Валлах помахал в воздухе голой пяткой и демонстративно повернулся к стене.

На Милльонера жест не произвел впечатления.

— Так как вы на это смотрите? — повторил он вопрос. И поскольку Горд смотрел непонимающе, добавил: — Короче говоря, речь идет об использовании антигравитационных машин при участии людей.

— Нашли средство защиты?! — вырвалось у Горда. Даже Валлах повернул голову.

— Нет.

— Тогда лекарство?

— Тоже нет.

— Тогда...

— Да, да, да! — воскликнул Миллионер. — Не смотрите на меня так, будто я... Есть мнение закончить отработку, пустить машины в серию и использовать их, невзирая на побочный эффект.

В комнате стало очень тихо.

— Миллионер, вы это серьезно? — проговорил, наконец, Горд. Резкий хохот заставил их вздрогнуть. Оборвав смех, Валлах ткнул пальцем в сторону Миллионера.

— Этот господин не умеет шутить. Он же человек-магнитофон, не так ли, Миллионер?

— Позвольте!..

— Валлах, уймись. — Горд шагнул к Миллионеру. — То, что вы сказали, вернее, то, что вашими устами сказали другие, — чудовищно. Вы-то понимаете это?!

— Нет. — Улыбка Миллионера была почти торжествующей.

— Тогда нам не о чем разговаривать.

— Все же я прошу меня выслушать. Вы не станете отрицать, что широкое и неограниченное применение антигравитационных двигателей означает новую эру в технике. Возведение домов, заводов превратится в детскую забаву...

— К делу! — прорычал Горд.

— Короче говоря, вы отчетливо представляете, чему равен актив. В пассиве мы имеем одно: зеленый загар. Давайте теперь объективно взвесим.

— Взгляните на наши лица. Взгляните на свое лицо!

— Это эмоции. Загар безвреден. Ну, станут люди зелеными, что тут такого? Есть люди с белой кожей, есть с черной, желтой, красной. А теперь у всех будет зеленая, по крайней мере исчезнет расизм.

— Вы дурак, Миллионер. Расизм обусловлен не столько цветом кожи, сколько...

— Согласен, согласен! Это я к слову. Итак...

— Минуточку! Каково было вам оказаться зеленым? Вы это забыли? Если бы тогда, перед испытаниями, вам сделали предложение получить антигравитацию, но позвонить, или не получить, зато остаться белым, — что бы вы сказали?

— А вы?

— Я?..

— Да ты понимаешь, к чему он клонит? — гневно пробормотал Валлах. — Сейчас он, как и мы, изгой. Прокаженный. А вот если всех сделать зелеными...

— Вы не логичны. — Очки Миллионера энергично блеснули. — Вы же сказали, что я человек-магнитофон. Пусть так, я не обижаюсь,

не все способны быть гениями. Но разве магнитофон, да еще зеленый, способен сам по себе...

— Он прав,— задумчиво сказал Валлах.— Просто ветер подул в другую сторону. Извините.

Горд быстро ходил по комнате.

— Не понимаю,— сказал он едва слышно.— Ничего не понимаю! Кто это решил? Совет директоров?

— Предложение согласовано на очень высоком уровне.

— Как может человек в здравом уме поступиться собственным лицом ради любой, самой великолепной машины?! Или сами эти «большие люди» намерены укрыться в Антарктиде?

— Чего не знаю, того не знаю. Однако не думаю. Впрочем, позволю высказать догадку, что они идут на это не по своей воле.

— Что-что? Кто же способен им диктовать? Уж не избиратель ли?

— Жизнь, дорогой Горд, жизнь.

Горд устало опустился в кресло. Помотал головой.

— Чушь, бред, свинячий сон. Всех — зелеными?! А, понял... Деньги. Вложения, которые надо оправдать. Доходы, которые надо забрабастать, провалились весь мир в преисподнюю.

— Отчасти вы правы.

— Отчасти?

— Разумеется. Хотя я и человек-магнитофон, как меня только что любезно определили (раньше вы, Валлах, называли меня так за глаза, но я не в претензии), пусть я, с вашей точки зрения, лишь противный чиновник, у меня тоже есть кое-какие мысли. Хотите?

— Пожалуй, это любопытно,— фыркнул Валлах.— Изреките.

— Для вас я и так был зелененьким. Квакающей лягушкой.

— Ну, знаете!..

— Разве нет? Человек сортом похуже. Администраторишка. Надзиратель-соглядатай. Правда, мы, менеджеры, платим вам не меньшим презрением. Но дело не в этом. Если бы на Земле было братство, единое общество без всякой там кастовости, вражды, если бы миром правил разум, а не конкуренция, то люди могли бы подождать с антигравитацией. Спокойно все изучить, продумать, взвесить... Но мы живем в реальном мире, и он нам диктует свои законы.

— Да вы, оказывается, в душе коммунист! — саркастически усмехнулся Валлах.

— Я попросил бы...

— Оставьте,— глухо сказал Горд.— Короче, вы хотите сказать, что не мы, так другие осуществят антигравитацию.

— Разумеется! Диктаторы не перевелись, и им плывать на вся-

кую там мораль и эстетику, если дело пахнет новым перспективным оружием.

— И поэтому мы должны подражать фашистам. Прекрасно! Новый вариант ситуации: «Гитлер, атомная бомба и свободные Соединенные Штаты». Настолько свободные, демократичные и человеколюбивые, что об этом многое могут порассказать жители Хиросимы. Славный нам был тогда преподан урок!

— Реальность есть реальность. Зачем, однако, драматизировать? Антигравитация все же не бомба, и позеленение отнюдь не лучевая болезнь.

— Скажите это тем людям, которые завалили газеты протестами против наших бесчеловечных опытов...

— Теперь, кажется, вы принимаете нашу демократию всерьез. Не беспокойтесь, завтра же несколько красивых актрис, популярных певцов, высокопоставленных дам и десяток славных «девушек из народов» публично скажут, что зеленый цвет кожи — лучший в мире, что сами они жаждут позеленеть. И позеленеют, будьте уверены, чем создадут моду. В конце концов общественное мнение вас самих попросит продолжить работу.

— Да понимаете ли вы, что у антигравитации могут оказаться другие, менее явные, зато вредные побочные свойства? Я, я виноват, что не думал об этом раньше, но теперь-то гром грянул!

— Об этом надо было думать еще в девятнадцатом веке, — внезапно сказал Валлах. — Или раньше.

Не только Горд, но и Миллионер взглянули на него с недоумением.

— Да, раньше! Когда создавали автомобиль, разве думали, что их выхлопы станут душить людей? Прекрасное средство транспорта, что еще надо! А сейчас они душат. Люди от них не зеленеют, зато, случается, гибнут. Но мы и сейчас не отказываемся от машин, наоборот.

— Валлах!

— Что, Валлах? Или ты не замечаешь, как Миллионер, верней, его хозяева пункт за пунктом опрокидывают все твои возражения?

— Мои? Наши!

— Твои! Я лежу, молчу и слушаю. Делаю выводы. Нравятся они мне или нет, только в нашем обществе, мой милый, не машинист ведет поезд, а поезд катит машиниста. Следовательно — кочегарь или прыгивай. Точка.

— Но неужели, неужели ты веришь, что миллионы людей, какую рекламу ни раздуй, по доброй воле согласятся поступиться своим естеством? Что наши имена не будут прокляты?

— Нашел из-за чего волноваться... Во-первых, не мы, так другие. Во-вторых... Да оглянись же! Ежегодно полтораста тысяч жертв

автомобильных аварий в одной лишь Америке. Ничего, ездим. А тут — зеленый «загар». Всего-то! Непривычно поначалу, дико, так ведь зато оригинально, безвредно, наконец, патриотично. Могу даже подкинуть Мильонеру лозунг: «Антигравитация покончит с дорожными катастрофами». Чистая правда, между прочим. Да здравствует поголовное позеле-не-е-ние!

— Я это запишу,— быстро сказал Мильонер.— Это дельное предложение.

— А ну вас всех...— В глазах Горда блеснули слезы, он отвернулся.— Неужто мы просто шарики в бильярдной игре?!

Валлах мягко соскользнул с дивана, положил руки на плечи Горда.

— Пустое, дружище,— тихо сказал он.— Мильонер — не Мефистофель, и мы не фаусты. Нам же самим очень хочется работать над машиной. Жизнь нам без этого не в жизнь. И она мудрее нас. Поверь мне, Париж стоит мессы, как говорил один ноглупый французский король...

ВИКТОР КОЛУПАЕВ

Исключение

1

«Громовержца» приняли на девятый космодром Селги, как Игорь и хотел. Он быстро справился со всеми формальностями, связанными с прибытием и сдачей груза с Земли, подписал график работы кибергрузчиков и внимательно просмотрел список аппаратуры, которую он должен был доставить в Солнечную систему. Аппаратура показалась ему очень любопытной и даже несколько неожиданной. Затем он отправился на стоянку авиеток, чтобы навестить своих друзей: Гела и Найю. Поселок, в котором они жили, находился километрах в пятистах от космодрома. Улетая с Селги два месяца назад, он обещал им вернуться. И вот — вернулся.

Авиетка шлепнулась посреди группы коттеджей, расположенных в роще деревьев с белыми стволами и фиолетовыми листьями. Дверь домика Гела оказалась запертой. И Игорь, чувствуя себя здесь своим, влез в открытое окно. В комнате никого не было. Понятно, ведь дверь закрыта! Но за стеной слышался приглушенный шум голосов.

— Гел! Это я, Игорь! — на всякий случай крикнул капитан «Громовержца».

Ему никто не ответил. Тогда Игорь открыл дверь в другую комнату. В глубине ее во всю стену был виден большой зал какой-то лаборатории. Несколько человек стояло и сидело возле незнакомых ему аппаратов и приборов. Игорь шагнул вперед, очутился в лаборатории и крикнул, увидев и Гела, и Найю:

— Привет! Я...

На него замахали руками, словно он помешал. Голубая девушка оглянулась и лишь покачала головой. Игорь хотел выйти, но перед ним была сплошная матовая стена. Комната, в которой он только что находился, исчезла... Игорь растерянно шагнул к стене... и снова очутился в комнате, во всю стену которой была видна все та же лаборатория.

На чужих планетах часто попадаешь впросак. Что это? Нуль-транспортировка? Но на таких маленьких расстояниях? Странно. И тут он вспомнил, что груз для Солнечной системы и представлял собой как раз аппаратуру нуль-транспортировки. Интересно...

Игорь не утерпел, выпрыгнул в окно и бежал домик. Коттедж как коттедж, с окнами, входной дверью и стенами. Значит, действительно, нуль-транспортировка... Когда он вернулся в комнату, в проеме стены возник огромный зал с множеством прогуливающих голубых людей. Капитану пришла в голову мысль — а не шагнуть ли еще раз в экран? Если что-нибудь снова будет не так, он просто сделает шаг назад. Игорь шагнул и оказался посреди зала с полированным полом и терявшимся где-то в вышине потолком. За его спиной возвышалась лишь гладкая колонна. Отступать было некуда, но он никому и не мешал здесь! Игорь немного постоял, потом нерешительно двинулся вперед. Ему было все равно, куда идти. Толкаясь в толпе, он вдруг обратил внимание на красивого молодого человека с выпиравшими из плотно облегавшей его рубашки очень уж рельефными мускулами. С ним шли две девушки, у одной из которых было лицо египетской царицы Нефертити. Все трое прошли мимо и растворились в водовороте людей.

Голос, раздававшийся сразу отовсюду, называл имена. И то одна, то другая группа голубых людей, торопливо шагая, скрывалась в дверях в одном конце зала.

Неожиданно Игорь очутился возле столика с надписью «Прием заявлений» и не успел отойти, как старичок, сидевший за ним, спросил:

— Ваше имя?

Игорь ответил.

— Судя по цвету вашей кожи, вы не с Селги?

— Да, я землянин.

— У вас есть здесь ливанна?

Игорь замаялся. Что такое ливанна? А спрашивать не хотелось. Вечером он все узнает у друзей.

— Ее здесь нет?

— Нет,— облегченно выдохнул Игорь.

— Почему она не пришла? У нас нет ограничений для людей других планет. Ее имя, адрес?

— Не знаю.— Игорь начал разворачиваться, чтобы нырнуть в толпу.

— Не знаете? — удивился старичок.

Игорь бросился в сторону. Надо скорее встретиться с друзьями. Что же здесь все-таки происходит?

От нечего делать он довольно долго бродил по огромному залу. Голова шла кругом от бесконечных поворотов, шума, света, странных выражений лиц. Надо найти выход из зала. Посидеть где-нибудь под деревьями. Упасть на фиолетовую с синими прожилками траву. Отдохнуть от всего этого.

Внезапно он остановился. Вот те две девушки, которых он уже видел. А юноша? Юношей тоже было двое! Совершенно одинаковых, с похожими движениями, жестами, улыбкой. Да, они улыбались. А девушки выжидательно смотрели на них. Это же близнецы! Смешная ситуация.

— Айра,— сказал один из молодых людей. Девушка с лицом Нефертити вздрогнула и вдруг заплакала, не закрывая лица и словно даже не замечая этого.

— Я боялась, Сэт,— сказала она сквозь слезы.— Что бы они ни говорили...

— Айра, уйдем отсюда.— Он обнял ее за плечи и увлек в толпу.

Девушка задержалась. Остановилась. Оглянулась.

— Но ты так похож на него!

— Сейчас нам лучше уйти отсюда.

— Нет... Я что-то поняла. Мне плохо! Ты совсем другой!

Юноша поднял Айру на руки, прижав ее лицо к своей груди, и пошел через расступившуюся толпу.

— Отпусти меня! — вырывалась девушка.— Это не ты... Ты совсем такой же... Что теперь будет со мной? Отпусти меня!

Но юноша не выпускал Айру из рук. К ним быстро подошла женщина в халате врача, приложила к виску девушки блестящий диск, и та затихла.

— У нее это очень быстро пройдет,— сказала женщина.— Только пореже встречайтесь с вашим близнецом.

Юноша, как драгоценную хрупкую вещь, бережно понес девушку на руках.

Постояв еще немного, Игорь решил искать выход. Только теперь

он обратил внимание, что в толпе довольно значительный процент близнецов. Какой-то всепланетный съезд близнецов!

Число голубых людей в зале не уменьшалось. Пожалуй, даже становилось больше. Случайно Игорь оказался возле колонны. Какая-то девушка нажала несколько выступающих из нее кнопок, и на колонне появилось изображение холла здания. Девушка шагнула вперед, прямо в колонну, и исчезла. Так же поступали и другие. Только на колонне появлялись каждый раз совершенно непохожие друг на друга изображения. Это были целые комнаты, лаборатории, дворики, улицы, площади, перекрестки, сады. Люди входили в эти изображения и исчезали вместе с ними.

Игорь несколько раз обошел колонну, затем решил понаблюдать, в каком порядке и сколько кнопок нужно нажимать. Хорошо бы очутиться где-нибудь в лесу, недалеко от стоянки авиеток, чтобы в любое время можно было добраться до знакомого поселка. Но люди так быстро нажимали кнопки, что он ничего не успевал разобрать. Придется рискнуть, нажав наугад. Он небрежным шагом подошел к колонне, нажал несколько кнопок и шагнул вперед.

2

Очутился он в незнакомой комнате. Солнце светило в широкие распахнутые окна. В углу перед зеркалом стояла девушка. Очевидно, она увидела незнакомца в это зеркало, потому что резко обернулась. Высокая прическа на ее голове была разломачена.

— Какой ты,— сказала она без всякого раздражения или испуга.— Какой ты неосторожный. Разве можно входить в чужую комнату без разрешения?

Игорь молча попятился назад. Там должно быть спасение. Но спина ощутила лишь гладкую холодную поверхность.

— Я не хотел,— покраснев от смущения, сказал Игорь.— Я не знал. Куда...

— Нажми кнопки и будь в следующий раз осмотрительнее.

Игорь с удивлением уставился на ряд кнопок, выступающих из панели стены, и вдруг ему стало так неудобно, так стыдно, что он вскричал:

— Не знаю!.. Я ничего здесь не знаю!

— Какой ты,— снова сказала девушка и пошла прямо на него. Игорь отскочил в сторону. Из соседней комнаты доносились голоса:

— Сиб, ты скоро переоденешься?

— Поторопись, Сибилла!

Девушка остановилась в двух шагах от Игоря и нетерпеливо спросила:

— Куда тебе?

— Не знаю.

От девушки пахло лесом.

— Какой ты,— в третий раз сказала девушка.— Хочешь в парк?

Игорь кивнул. Девушка нажала кнопки, но капитан вдруг, даже не взглянув на изображение, метнулся к окну, перебросил тело через подоконник, упал в траву, ободрал ладони какими-то колючками, вскочил, побежал, не разбирая дороги, перепрыгивая через ручьи и канавы, и остановился лишь на вершине холма. Сердце бешено колотилось. Игорь лег на траву и с удивлением отметил, что не знает, с какой стороны он прибежал сюда. Трава была чуть-чуть влажной. Отовсюду доносился стрекот незнакомых насекомых. Ослепительно-голубое солнце заходило за далекие горы. Немного отдышавшись, Игорь рассмеялся. Прошло только два месяца. Два месяца назад ему казалось, что он знает Селгу достаточно хорошо. Правда, он и тогда попадал впросак, но не настолько, чтобы стыдиться своего невежества. А сейчас?

Игорь встал, стряхнул с себя комочки земли, сухие листья, травинки и начал спускаться с холма. Во что бы то ни стало нужно было найти авиетку. В ней он будет чувствовать себя уверенно. На ходу капитан машинально срывал попадавшиеся под руку цветы. Наверное, он все-таки спускался по другому склону холма: ему не попалось на пути ни камней, через которые он перепрыгивал, ни ручья. Потом он наткнулся на тропинку и побрел по ней, будто зная, что тропинка приведет его куда-нибудь.

Тропинка долго петляла между деревьями и кустами. Воздух стал прохладнее. Приближалась ночь. Чужое солнце уже зацепилось за верхушки гор, осветив их голубым светом, а Игорь все шел, похлопывая себя по ногам коротеньким прутиком и потихонечку насвистывая. В душе наступила кроткая тишина, и он уже с улыбкой вспоминал события прошедшего дня.

Всегда так. Непонятное хочется понять. Тайна заманчиво и настойчиво влечет в водоворот событий, до которых тебе еще вчера, еще час, еще минуту назад не было никакого дела.

Капитан надеялся, что тропинка приведет его к авиетке и он полетит к своим друзьям. Там будет много смеха и зеленое шипучее вино. Гел, как обычно, большую часть времени будет молчать и тискать в громадной ладони свой подбородок. Нет сомнения, что он влюблен в Найю. А она? И тут Игорю снова пришло в голову: что же сегодня происходило в зале? Почему Айра вырывалась из рук Сэта? Ей было плохо?

— Почему Айре было плохо? — Он опомнился и сообразил, что говорит вслух. — Что здесь происходит? Ответьте!

Перед ним стоял домик. Солнце скользнуло за горы. Все окутала темнота. Лишь на самом горизонте чуть искрились и блестели вершины гор.

Игорь остановился возле низенькой ограды. В доме слышался смех. Потом два красивых голоса, мужской и женский, запели песню, но слов нельзя было разобрать. Эти два голоса, переплетаясь, временами сливались в один и затихли, чтобы через мгновение резко разойтись на две октавы и зазвучать громко, призывно и страстно, а затем снова грустно, тоскующе и тихо. Они заставили Игоря задержаться, затанцевать дыхание. Песня смолкла неожиданно, на высокой ноте. В домике зашумели, но никто не аплодировал, не хвалил певцов. По голосам можно было определить, что там собралась человек десять. Вдруг среди шума отчетливо донеслось:

— Послушай, Сибилла. Пусть только Дан не сердится и не хмурится. Я ведь не влюблен в тебя, но твоя песня разрывает мое сердце. Отчего это?

Девушка рассмеялась низким грудным смехом.

«Потому что в ней счастье и горе!» — захотелось крикнуть Игорю.

— Хорошо, если ты этого не понял, — сказала девушка.

Заговорили все. Игорь постоял немного перед оградой, раздумывая, войти ему в дом или нет. В это время в распахнутом окне появился силуэт мужчины. Игорь не шевелился. Ему расхотелось входить в домик. Разве что спросить авиетку?

— Эй, — позвал он. — Я слушал песню.

Силуэт в окне вздрогнул и исчез, но через секунду в распахнутых окнах появилось сразу несколько фигур.

— Заходи!

— Чего ты стоишь один?

— Заходи, заходи!

Игорь перепрыгнул через изгородь и оказался в квадрате света, падающего из окна.

— А-а, — раздался удивленный возглас. — Это он. Заходи же. Какой ты! Это тот, я вам про него рассказывала.

Кто-то рассмеялся, но Игорь ничуть не обиделся. Значит, он несколько часов бродил по лесу, чтобы выйти к тому же месту, откуда так поспешно и глупо бежал.

— У вас есть авиетка? Мне нужно лететь.

— Зачем тебе лететь? Мы тебя и так переправим. Заходи. Сегодня на Селге все празднуют день Счастья.

— Мне нужно лететь, — упрямо повторил Игорь.

— Может быть, ему есть с кем праздновать и без нас,— сказал один из них.— Правильно я говорю?

— Правильно. Меня уже, наверное, ждут. Так у вас есть лишняя авиабилет?

— Есть. Они теперь все лишние. Сибилла, это твой знакомый. Проводи его.

Компания еще некоторое время выглядывала из окон, затем по одному все исчезли в глубине дома.

Сибилла вынырнула откуда-то из темноты и схватила Игоря за руку.

— Какой ты! Могу бы и остаться!

— Я слышал от тебя десяток фраз и девять из них были: «Какой ты!» А какой я?

— Смешной. Ты ведь откуда-то прилетел?

— Да. С Земли. Я капитан грузового корабля.

— Наверное, поэтому ты и странный...

— Наверное,— согласился Игорь.

— А с кем ты будешь на празднике?

— С Найей,— ответил Игорь.— Она работает в институте Счастья.

Девушка неопределенно покачала головой.

— А что это за праздник? — спросил Игорь.

— Ты не знаешь? Теперь все будут счастливы.— В ее словах, так же как и в песне, чувствовалась грусть.— Разве твоя девушка тебе не говорила? Ведь это происходило там, в институте...

Найя не была девушкой капитана. И он не знал, что этот огромный зал принадлежал институту, где работала Найя.

— А я и без того счастлива,— сказала Сибилла. Сказала Игорю или самой себе, он не понял.

— Знаю.

— Как ты можешь знать?

— Я слушал песню. Дан?

— Да. Он.

Они дошли до небольшого ангарчика. Сибилла вывела одноместную авиабилетку.

— Значит, это происходило в институте Счастья? — спросил Игорь.

— Ну да. Из его дверей выходили только счастливые.

— А Айре было плохо. Она плакала.

— Плачут и от счастья...

— Нет. Ей было плохо.

Сибилла промолчала. Игорь открыл дверцу авиабилетки и сел на сиденье перед пультом.

— Ну, я пойду? — Белое платье девушки смутным пятном выде-

лялось в темноте ночи. Лицо и руки были почти незаметны.— Я пойду?

— Конечно. Иди. Спасибо тебе, Сибилла! — Игорь захлопнул дверцу. Осветилась панель управления. Игорь набрал на пульте маршрут. Ого! До поселка коттеджей было полторы тысячи километров. Это около часа полета.

Авиетка взлетела вертикально вверх и, сделав круг над освещенным домом, рванулась вслед скатившемуся за горизонт солнцу.

3

Дверь коттеджа Гела оказалась открытой, но дом был пуст. В стене-экране виднелся все тот же зал, но только теперь он был превращен в банкетный. Слышалась приятная и негромкая, ритмичная музыка. Нарядно одетые и счастливые люди сидели за столиками или танцевали, разговаривали, разбившись на группы. Игорь распахнул окно коттеджа и тут заметил на столе лист бумаги. Это предназначалось ему.

«Игорь,— писала Найя.— Куда ты пропал? Неужели ты обиделся на нас? Мы ждем тебя. Система телепортации включена. Смелее шагай в экран. Ждем».

Игорь сложил лист, сунул его в карман и уже довольно спокойно шагнул в экран. Передвигаясь вдоль столиков, он увидел и своих друзей. И они его заметили.

— Игорь! Игорь!

— Твое место ждет тебя уже два часа!

Игорь подошел к столику и сразу же попал в объятия Гела. О! Тот мог превратить Игоря в лепешку.

— Оставить в живых,— взмолился капитан.

— Оставить в живых! — приказала Найя.

Игоря усадили в кресло.

— Где ты был? — спросила Найя.— Я беспокоилась за тебя. Где?

— В зале вашего института и еще в разных местах.

— Ну и как? — задал вопрос Гел.

— В общем, неплохо. Только я ничего не понял. Что же это за праздник Счастья?

— Сейчас объясню,— сказал Гел.— Ты заметил, сколько здесь похожих друг на друга людей?

— Действительно,— ответил Игорь.— Я заметил это еще днем.

— Так вот. Это близнецы. Они во всем похожи друг на друга. Кроме одного. Заметь себе. Во всем, кроме одного. В привычках, в мировоззрении, в интеллектуальном развитии, не говоря уже о внешнем сходстве. Во всех своих слабостях и достоинствах,

Игорь кивнул и спокойно принялся за еду. Ведь он не ел целый день.

— Слушай. Все они родились сегодня.

Игорь снова машинально кивнул. Но тут до него дошел смысл сказанного, и непроглоченный кусок стал поперек горла.

Все рассмеялись, а Гел стукнул Игоря кулаком по спине.

— Значит... значит, вы научились делать копии?

— Это не копии, потому что их нельзя отличить от оригинала,— сказала Найя.

— Интересно... Но в чем же смысл?

— Представь себе,— продолжал Гел. Гел, который никогда не отличался особым красноречием. Что с ним сегодня? — Представь себе, что тебя любит, например, Найя.

— Меня? — Игорь снова поперхнулся и покраснел. А Найя с досадой отвернулась. Капитан начинал чувствовать себя неуютно. Что ж... Ему нравилась Найя. Да и кому она не нравится? Но зачем об этом говорить вслух? Ведь любит-то ее сам Гел! Это Игорь знал наверняка. Подшутить решил он, что ли?

— Я говорю: предположим,— сказал Гел.

— Ну хорошо. Предположим.

— А ты ее нет. Так ведь?

Игорь посмотрел Гелу в глаза. Лицо того было непроницаемо. Не поймешь, шутит он или говорит серьезно. Найя мельком взглянула на Игоря, и что-то грустное показалось ему в этом взгляде.

— Предположим,— с неохотой согласился Игорь. Есть ему вдруг расхотелось.

— Она любит тебя так, что это на всю жизнь. А ты — нет. Что ей делать?

— Не знаю. А что делают другие? Наверное, это проходит или человек просто забывает... Привыкает... Находится кто-нибудь другой.

— А если нет?

— Не знаю.— Игорь растерянно замолчал. То, что сказал Гел, было настолько известным и обычным, встречающимся миллионы и миллиарды раз, что, казалось, тут и говорить не о чем.

— А что если создать его близнеца? Абсолютно тождественного. С одним-единственным изменением. Этот новый человек будет любить Найю. Ведь первого-то нельзя заставить, потому что каждый человек свободен в своих чувствах.

— Так это и есть всеобщее счастье?

— Да,— ответил Гел.

Что-то в его словах Игорю не понравилось.

— Я понимаю. Это слишком неожиданно для тебя,— сказал Гел.

— Все хорошо. Но только почему вы не слишком веселы?

— Мы же устали, Игорь,— сказала Найя. У нее действительно был очень усталый вид.— Ведь у нас сегодня такой суматошный день!

— Да, да. Естественно. Я просто влез к вам со своими земными мерками... Я, наверное, неправ. Я еще слишком плохо знаю Селгу. Это неожиданно для меня. Одним махом вы решили такую сложную проблему.

— Не мы,— усмехнулся Гел.— Эта идея родилась неизвестно где и как. Рассматривал ее Высший Научный Совет. Подавляющее большинство высказалось «за»... А мы лишь рядовые исполнители.

— Значит, некоторые все же были против?

— Конечно, были.

— Ну, а каковы результаты сегодняшнего дня? Все счастливы?

— Все,— ответила Найя.— Но исключения возможны.

— Ты только посмотри вокруг,— попросил Гел.— Покажи мне здесь хоть одного, кто бы не был счастлив.

Игорь впервые как следует огляделся... Глаза людей были красноречивее всяких утверждений. Да, эти люди были счастливы. Счастливы и не скрывали этого.

Было далеко за полночь, когда начали расходиться. Уходили через те же колонны. Игорь усмехнулся. Теперь-то уж он немного разбирался в этих кнопках. Достаточно, чтобы не попадать в чужие комнаты.

— Давайте побродим перед сном по парку,— предложил Гел. И вся компания, которую Игорь знал еще плохо, согласилась.

Парк лишь кое-где освещался шаровыми светильниками, так что тропинки и дорожки были едва заметны. Игорь сел на траву, обхватив колени руками, и прислонился спиной к дереву. Рядом примостилась Найя, положив голову ему на плечо. На Селге так было принято. Гел лежал перед ними, уткнувшись лицом в траву. Остальные расположились вокруг, как кому удобнее. Несколько минут все молчали.

Воздух был напоен ароматом трав и цветов. Пахло корой и смолой деревьев. Эти запахи, шорохи, звуки будили в Игоре какие-то смутные чувства... Конечно, он чужой, чужой. Он никогда не сможет понять Селгу. Там, на Земле, все иначе. Там он — частичка самой планеты с ее людьми и проблемами. Почему это пришло ему в голову только сейчас? Может быть, проблемы землян только количественно отличаются от проблем Селги, которые они решили уже давно? Или их образ мышления покоится совсем на других принципах. Ведь Игорь думает, мыслит совсем не так, как Гел. А сам Гел? Смог бы он принять цивилизацию Земли? Понимают ли они его?

Яркие звезды кое-где просвечивали сквозь кроны развесистых деревьев. Тихо, ласково и грустно. Но все это было не его...

— А вы сами? — спросил вдруг Игорь. — У кого-нибудь из вас тоже должен появиться близнец?

— Конечно, — спокойно ответила Найя. — Будет вторая Найя. Доктор Сарапул — мой ливанна.

Как спокойно она это сказала.

«А Гел?» — чуть было не спросил Игорь, но вовремя сдержался.

— Что такое ливанна?

— Ливанна — это человек, которому нужна твоя любовь.

— И тебе не жалко ту, вторую Найю?

— Нет. Она же будет счастлива.

— Рядом с этим гениальным лысым стариком?

— Игорь, — сказал Гел. — Вряд ли ты сможешь понять все сразу.

Капитан кивнул и замолчал. Гел был прав.

Все стали расходиться. Вот уже и Гел вопросительно смотрит на Найю. А та молчит, словно не замечает его. И Гел ушел, тяжело ступая по траве.

— Игорь...

Капитан все понял. Значит, Гел уже знал.

Найя чуть отодвинулась.

— Что с тобой, Найя? — Глупый, нечестный вопрос.

— Ты не любишь меня. — Она не спрашивала. Она сказала это утвердительно, чтобы ему было легче ответить: «Да, не люблю». Все равно он не мог этого сказать.

— Не знаю! Я не знаю, Найя! — Это была полуправда, потому что можно было ответить только «да» или «нет».

— А я знаю. Нет. — И она поцеловала его. В это мгновение он почти ненавидел ее, потому что в его душе начала рождаться нежность к девушке, а он не хотел этого. Он не мог справиться с этим чувством. Уходи же! Она не давала ему говорить. Она понимала его лучше, чем он сам.

— Тебе не придется решать, — сказала она.

4

Капитан уснул в коттедже Гела, а когда проснулся, уже наступил день. Нужно было побывать на космодроме, проверить график выполнения погрузки. Теперь это на Селге делалось так просто! А скоро будет и на Земле. Ведь «Громовержец» повезет в своем трюме аппаратуру бытовой транспортной телепортации. Игорь выяснил: стартовать можно следующим утром. Хорошо! Значит, на обратном пути не придется выжимать максимальную скорость.

Игоря неудержимо влекло во вчерашнюю толпу. Он набрал номер зала и шагнул в экран. Тысячи людей кружились в медленном замысловатом хороводе. Институт продолжал создавать счастливых.

«Что делать? Значит, Найя — моя ливанна? Но ведь я не люблю ее. — Игорь пытался думать отвлеченно, как будто не о себе. — Как оставить здесь своего двойника? Неужели он действительно будет счастлив?» — Ничего он не мог придумать. Ничего.

«Это не ты, это он! — Так, кажется, кричала Айра. — Что со мной будет?» — Досадное исключение? Издержки производства? Необходимость?

Они готовились к этому много лет. Почти мгновенное удвоение числа жителей. Полтора миллиарда новых коттеджей. Для всех нужна работа. А где гарантия, что эта лавина не начнет увеличиваться? Ведь здесь не станешь проводить эксперименты на собаках? Нельзя подвергать этому и сто или тысячу человек. Только все сразу. Все желающие. Нет, это слишком грандиозно и страшно. Страшно для него. А для них нет. Для них нет, потому что они подготовились к этому. Тогда почему Айра?

Через головы окружавших его людей он увидел стол, у которого его вчера допрашивал вежливый старичок. Игорь протиснулся к нему и сказал:

— Меня зовут Игорь, Капитан «Громовержца» с Земли. Вчера вы заполняли мою анкету. Помните?

Старичок заиграл на клавишах пульта, и из узкой щели стола выскочил лист. Старичок протянул его Игорю.

— Записать вас для производства двойника?

Он так и сказал: «для производства».

— Пока нет. Ведь я имею право встретиться с ней, прежде чем...

— Имеете, — не дослушав вопроса до конца, ответил старичок. — Но заявка не помешает. Ведь вы уже все равно не откажетесь?

— Я хотел бы знать, где находится справочная машина, — сказал Игорь, уклоняясь от ответа.

— Странно. Но как хотите, — проворчал старичок и показал рукой влево.

Игорь отошел за колонну и развернул лист.

Неужели он еще надеялся на что-то другое? С листа живыми, смеющимися глазами на него смотрела Найя. Гулко и резко заколотилось сердце. Найя, Найя... Это, наверное, было возможным. Игорь скомкал лист. Всеобщее счастье! Оптом и в розницу! Легко и непринужденно! Только захоти!

Какая-то девочка задела его плечом, засмеялась и исчезла в толпе. Игорь расстегнул воротничок рубашки. Жарко. Расправил

ладонью лист. На бумаге появились морщинки и мелкие трещинки. Взгляд Найи потух. На оборотной стороне листа был текст. Все, как в магазине. Возраст, рост, вес. Основные черты характера. Место работы, домашний адрес. Увлечения... Да-а-а... Куда уж тут маленькой кустарной любви тягаться с этим великолепно отлаженным механизмом производства счастья! Если он захочет, будет три Найи. Одна для доктора Сарапула, другая для Гела и третья для него самого.

Ну и что же? Может быть, людям нужно десять Най. В чем же дело? Нет. Она ему просто нравится. Она очень красива. Он любит ее? Нет. Ведь он сам-то знал бы об этом?! Вот он и знает теперь. Знает все. Он любит ее! Если он захочет... Нет!

— Вам плохо? — Перед Игорем стоял голубой человек и застенчиво, но участливо улыбался.

— Нет. Ничего. — Игорь сложил лист и пошел в сторону, затем внезапно обернулся. Человек все еще улыбался. — А вам? Вам хорошо?

— Конечно. Вчера и сегодня всем хорошо.

«А Айра?!» — чуть не крикнул он вслух, но только сказал:

— Значит, позавчера было плохо?

Человек растерялся:

— Но ведь теперь все будут счастливы.

— Еще бы! — Сунув лист в карман, Игорь натянуто улыбнулся и зашагал прочь.

Он подошел к автомату и выпил стакан холодной воды. Захотелось еще. Но и второй стакан не принес облегчения. Во рту было сухо. Его вдруг потянуло броситься в море. И чтобы ветер срывал мокрую пену с волн. Плыть, вкладывая во взмахи всю силу рук. Дальше в море, лишь бы плыть. Ощутить, как устанут руки, как в голову закрадывается липкий страх перед бездной и как мозг лихорадочно ищет спасения. Как возникает злость, желание выплыть. Как снова вливаются силы в уже ослабевшие руки. И все поет, и мечется, и орет, и низвергается в бездну. Но это уже не страх. Это уже радость, злая, выстраданная, чуть не погибшая, но победившая... А потом упасть на мокрый песок. И пусть щупальца волн пытаются стянуть его в пучину.

Очнувшись, он увидел перед собой отполированную сотнями тысяч пальцев панель справочной машины.

Что он имел в виду, когда спрашивал у старика, где находится эта машина? Найя? Гел? Айра? Узнать, где она живет. Увидеть. Здесь всем хорошо. Только ей и ему плохо. Почему ей плохо?

Игорь подошел к панели пульта и задал вопрос:

— Айра!

Сигнальные огни машины замигали.

— Почему ей плохо? — И тут же сообразил, что машина не может ответить на такой вопрос.

— Где она живет или работает?

Машина требовала дополнительной информации. Игорь вспомнил:

— Ее друга, а может быть и мужа, зовут Сэтом. Вчера у Сэта появился близнец. У нее, у Айры, лицо, как у египетской царицы Нефертити. (Откуда машина могла знать, какое лицо было у царицы Нефертити?) Больше ничего.

Машина молчала больше минуты. И Игорь уже отчаялся получить ответ, но машина все-таки ответила. Из щели в подставленную ладонь выпала небольшая карточка.

Это была она. Айра. Серьезная, с чуть удивленным выражением лица. На оборотной стороне адрес и место работы. Игорь, не раздумывая, направился к ближайшей колонне и через несколько секунд уже стоял в вестибюле института Статистики. Айра работала здесь.

Потом он увидел и ее саму. Она вышла ему навстречу легкой изящной походкой, спокойная и уверенная. У Игоря что-то оборвалось в душе. Словно исчезла последняя надежда, словно его обманули. Обманули просто и мимоходом... Он даже не поздоровался.

— Это действительно прошло?

— Что — это? — Все-таки она не улыбнулась обязательной в начале любой встречи улыбкой.

— То, что произошло с тобой вчера в зале института Счастья.

— Ты спрашиваешь так, словно имеешь на это право. А ведь я даже не знаю тебя. Зачем тебе?

— Я хочу знать, прошло это или нет. Разве ты не помнишь? «Что теперь будет со мной?!» Ты вырывалась из рук Сэта. Ты хотела от него уйти, потому что... Почему?

Они шли по широкому коридору-аллее. Прохладный ветерок шевелил легкое платье Айры. Искусственный свет был теплым и ласковым. Айра остановилась, притянула к себе ветку молодого деревца и сорвала прозрачный трепещущий листок.

— Это прошло. Я даже не могу представить, как все со мной произошло. Бедный Сэт. Он прожил ужасный день. И я не знаю, почему это со мной произошло. Наверное, было нечто вроде нервного шока. — Айра улыбнулась ему такой радостной улыбкой, что он понял — эта улыбка предназначалась Сэту. Сэт сейчас был рядом с ней. Он всегда будет рядом с ней, потому что она так хочет.

Ну вот и все. Можно уходить. Можно не сомневаться — она счастлива. Нервный шок прошел. Проблема любви решена.

Игорь медленно вышел на улицу. Пешеходы встречались редко, это были просто гуляющие люди. Для деловых перемещений теперь пользовались телепортацией.

В душе наступило какое-то опустошение. Он не понял, не принял того, что поняли и приняли люди Селги. Пусть он неправ. Но один... Неужели его образ мышления, боящийся нового, непонятного, не позволяет ему принять что-то очень простое? Или эта приманка всеобщего счастья действует безотказно? Да полно! Никакая это не приманка! Каждый получил, что хотел.

Бесцельно бродил он по улицам города, машинально стараясь держаться в тени. Странно, как опустели улицы. К этому тоже, наверное, надо привыкнуть.

Он зашел в кабину телепортировки. С друзьями все-таки нужно проститься. Ведь это его друзья. Он их не предал. Он их просто не понял.

И Игорь нажал кнопки.

5

В коттедже Гела было шумно и оживленно. Кроме вчерашней компании, здесь было много и других, кого он видел впервые.

Он поднял руки, приветствуя всех. Незнакомая девушка шепнула ему на ухо:

— Здесь помолвка. Понимаешь, как это интересно!

— Кто? — спросил Игорь.

— Гел и Найя.

Впрочем, он мог и не спрашивать, стоило только взглянуть на Гела. Все было написано у него на лице. А Найя? Увидев Игоря, она вскочила с кресла и поспешно подошла к нему.

— Игорь...

— Я уже все знаю, Найя. Поздравляю! Так будет лучше?

— Так будет лучше.

Подошел Гел и стиснул капитана в своих могучих руках.

— Где тебя носит? Все выискиваешь истину? Ну и как? Нашел?

— Нашел, но по-прежнему...

Гел понимающе улыбнулся:

— Это очень трудно. Мы ведь все-таки разные.

Игоря усадили в кресло.

— Хочешь вина?

Игорь отказался.

— А как с доктором Сарапулом?

— Ты его увидишь. Он обещал быть с Найей.

— Как! — Игорь вскочил с кресла. — Уже?

Найя кивнула и рассмеялась:

— У тебя такой испуганный вид.

— Все это было как-то вообще. А теперь с вами... с тобой. Как же вы будете работать, встречаться?

— Та Найя остается здесь, а мы с Гелом улетаем на Агриколь. Там филиал нашего института. Рук и голов всегда не хватает. Да и работы много. Ведь счастье не в одной любви. Многое нужно для счастья. И каждому — свое.

Вот сейчас Игорь был с нею согласен.

— Понятно... А как идут дела вообще? На всей Селге? Все, как и предполагалось? Аномалий по-прежнему нет? Вчера я еще сомневался. А сегодня уже нет.

Найя промолчала. Гел тщательно исследовал свои кулаки и сказал:

— Все это очень сложно. И всего не предусмотреть. Появились непредвиденные исходы. Даже не то чтобы непредвиденные... Просто процент их значительно выше, чем предполагалось.

— И какой же?

— Около пяти.

— Значит, проблема не решена.

— Нет. Но мы и не надеялись решить ее сразу. Вряд ли это возможно вообще.

— Что же делать с теми, у которых не получилось?

— Не знаю. Но есть уже кое-какие мысли. Да и они сами...

— Что они сами?

— Сегодня был случай, — сказала Найя. — Одна молодая женщина попросила, чтобы мы сделали ее близнеца для ее же мужа. И чтобы он этого не знал. Она его больше не любит. Вчера у мужа тоже появился близнец, и с ней, с этой женщиной, произошло...

— Ее имя?

— Я не знаю. Не помню. Но могу узнать. Для тебя. Хотя это тайна.

Найя вышла из комнаты.

Значит, все-таки он не один. Но это не принесло облегчения. Напротив. Ему стало очень грустно.

В это время из экрана появился доктор Сарапул и... Найя. Ни за что на свете Игорь не отличил бы ее от той, которая только что вышла из комнаты. Правда, на ней было другое платье. И еще... она была с этим ученым стариком.

Игорь встал.

— Игорь! Как я тебя хотела увидеть! — Она даже обняла капитана. — Ты ведь знаком с моим Реєм?

Она сказала: «с моим Реєм», а не «с доктором Сарапулом».

— Да, немного.

— А-а-а! Это тот молодой человек, который без разрешения входит в экран.— Доктор весело расхохотался густым басом. И вообще, он показался Игорю очень симпатичным человеком.— Как вам у нас нравится?

— Очень нравится.— Игорь улыбнулся.

В комнату вошла первая Найя. Они обе кивнули друг другу, как ни в чем не бывало. Для Игоря это уже было слишком.

— Прощайте! Мне нужно на космодром. И не надо слов и речей. Прощайте же! — Он, не оглядываясь, направился к выходу.

— Я узнала ее имя, Игорь,— сказала Найя, когда он поравнялся с ней.

— Не нужно. Ничего не нужно.— Он чуть тронул ее за руку.— А ты та самая Найя? — И, не дождавшись ответа, выскочил из домика. Вышла на крыльцо и Найя.

— Да, та самая.

— Это теперь невозможно доказать.

— Возможно. Ведь я все еще немножечко люблю тебя... Прощай!

— Прощай! — Игорь бросился к авиетке.

— Ее звали Айра! — успела крикнуть Найя.— Айра! Авиетка свечой взвилась вверх.

6

На космодроме было многолюдно. Игорь подошел к диспетчеру, чтобы узнать, когда ему можно будет стартовать. Тот ответил что в пять утра. Игорь вышел на крышу здания и опустился в шезлонг. Спать не хотелось.

«Айра! Ее звали Айра!» Это дошло до него только сейчас. Не может быть! Неужели это она? Где она сейчас? Значит, там, в институте Статистики, он видел уже не ее. Найти! Нет, поздно. Да и зачем?

Незнакомый калейдоскоп звезд висел над головой. У этих звезд тоже были названия. И, наверное, красивые... Айра. Как переводится это имя? Нет, искать ее сейчас просто бесполезно. К Сэту она не возвратится. Где же она может быть?

Игорь не выдержал и вскочил. Бегом спустился на второй этаж, где стояла справочная космиковзала. На ходу вытаскивая фотографию Айры из кармана, он подбежал к машине, сунул карточку в приемную щель и спросил, еле выговаривая слова от волнения:

— Ее зовут Айра. Сегодня... она не стартовала на каком-нибудь корабле с этого космодрома?

— Нет,— ответила машина, и Игорь облегченно вздохнул.

— Она есть в списках пассажиров?

— Да. Корабль «Фреантина». Старт в два часа одиннадцать минут.

Оставалось полтора часа.

На просьбу явиться к справочной, объявленную по местному вещанию, Айра не ответила, не пришла. Он нашел ее на крыше космовокзала матрах в ста от того места, где недавно сидел сам.

— Айра,— тихо позвал капитан.

Она не ответила, не открыла глаз, не вздрогнула. Это ее не касалось.

— Айра,— он дотронулся до ее плеча.— Я ищу тебя второй день. Я все знаю. Кроме одного. Можно мне спросить у тебя?

Она позволила одним движением век.

— Почему тебе было плохо там, в зале?

Айра перестала раскачиваться в кресле-качалке. В ее больших глазах было столько страдания и терпения, что на миг он пожалел, что задал этот вопрос.

— Откуда ты знаешь?

— Я был там. Я все видел. И тебя и Сэта. Обоих Сэтов. Я был сегодня у тебя и говорил с той, второй Айрой. А потом случайно узнал, что это была не ты. Так почему?

Айра долго молчала, а Игорь не задавал больше вопросов. Наконец Айра заговорила.

— Я не люблю его... И поняла я это там, в зале... Слишком поздно. Но если бы он был один, я, наверное, этого никогда не узнала бы... А что говорит Айра, которая осталась?

— О! Она будет любить своего Сэта вечно!

— Да, они научились это делать.

— Но для чего? Ведь проблема любви все равно не решена. И разве можно ее решить с помощью науки, техники, близнецов или каких-нибудь таблеток? Каждый должен сам решать ее и по-своему.

— У них этого никто не отнял. Они решают одну проблему за другой. Когда-нибудь должна была прийти и очередь любви. Вот она и пришла.

— Почему ты говоришь: у них?

— Потому что «Фреантина» стартует менее чем через час.

— Но ведь эксперимент не совсем удачен.

— Я занималась статистикой и поэтому знаю, чего они сумели добиться в эти два дня. О! Селга когда-нибудь станет счастливейшей из планет. И уже скоро.

— Тогда почему ты покидаешь ее?

— Я не люблю Сэта, и мне кажется, что здесь я все время буду попадать в исключения. А их будет все меньше и меньше.

Наконец-то Игорь понял все. И себя, и Айру, и Найю, и Гела,

всех их. Кажется, Шекспир сказал, что любовь — всегда исключение. Появилось два Сэта, и Айра поняла, что она уже не любит своего Сэта. Не стало исключения. Теперь Сэтов, абсолютно одинаковых, может быть и пять, и десять, и сто. Одинаковых в мыслях, в поступках, в чувствах, в чертах лица. Какое уж тут исключение! Нет исключения — нет любви. Потому Айра и бежит с Селги. И Сибилла, маленькая голубая девочка с чудным низким голосом, тоже не выдержала бы, если бы ее Данов стало два. Когда она говорила о празднике Счастья, в ее лице было что-то чуть-чуть испуганное. И ее песня... Нет, она любит Дана, пока он такой, какой есть, пока он один, пока он составляет для нее исключение.

Ну, а другие? Найя, Гел? Наверное, они находят исключение в чем-то другом, чего Игорь так и не понял. Они другие. Не похожие на него, Айру и Сибиллу. Они будут счастливы и на Селге.

— Но почему ты хотел узнать, что произошло со мной? Этого у меня никто не спрашивал. Даже Сэт. Меня только успокаивали и убеждали, что это пройдет. А это не прошло.

— Не знаю,— сказал капитан.— Я еще не знаю... Но если ты когда-нибудь попадешь на Землю, спроси там Игоря, капитана «Громовержца».

— Хорошо. Я обязательно спрошу.

Диктор объявил посадку на «Фреантину».

— До свидания, Игорь.

— До свидания, Айра.

А утром, едва забрезжил рассвет, Игорь стартовал на своем «Громовержце». Груз в трюме был надежно упакован. Система телепортации — это хорошо. Улицы на Земле все равно не опустеют. Но вот ту, что разработана в институте Счастья Селги, он не возьмет на борт своего корабля никогда. Пусть это делают другие, если им нужно.

«Громовержец» шел ровно.

Что такое человек

[Стенограмма уроков философии в начальной школе XXII века]

Урок первый

ОДЕРЖИМЫЙ

Справка: это происходило еще в те дни, когда весь мир был взбудоражен сообщением, что в созвездии Большой Медведицы вспыхнула новая звезда. Причем она, как убедительно засвидетельствовали приборы, не была сверхновой. Интенсивность ее излучения, сравнительно небольшая, тем не менее регистрировалась и нечувствительными приборами вплоть до невооруженного человеческого глаза. В то же время счетчики частиц упрямо не хотели показывать величин, при которых на таком расстоянии звезда становится видимой. Если верить их показаниям, звезда являлась миражем, который одновременно наблюдали десять миллиардов людей и регистрировали восемьдесят миллионов фотоаппаратов.

Через два дня после того, как новую звезду впервые сфотографировали, она начала пульсировать. Радиотелескопы приняли из созвездия Большой Медведицы первый сигнал — тройное повторение буквы О.

* * *

— Я жду, пока вы успокоитесь, — произнес Учитель. Этой фразой почему-то часто начинали уроки поколения его предшественников.

Девочки и мальчики повернули к нему лица, которые сейчас были похожи одно на другое — с одинаковым выражением досады и раздражения. Они словно говорили: оставьте нас в покое, разве вы не видите, что мы заняты неотложным делом — обсуждаем загадку Большой Медведицы. Казалось, никакие слова не сгонят с их лиц это выражение, и надо на время действительно предоставить их самим себе.

— Давайте все вместе поговорим о том, что вас волнует, — о загадке трех О, — предложил Учитель.

Дети оживились, их лица стали разными — теперь они выражали одобрение, нетерпение, лукавство, упрямство...

— Сегодня мы готовились начать новую философскую тему — «Что такое человек?» Не так ли? — спросил Учитель.

— Так,— ответила Нетерпеливая девочка.— Но ведь вы обещали говорить о другом.

— Спасибо, что ты мне напомнила, хоть я и не забыл,— сказал Учитель.— Тему «Что такое человек?» мы начнем с загадки Большой Медведицы. Я расскажу вам о человеке, которого все знают не по имени, а по прозвищу — Одержимый. Он заслужил его еще в школе, когда впервые заперся в физическом кабинете, чтобы его не заставили идти домой спать. Видите ли, он дал себе слово, что не будет ни есть, ни спать, пока не выяснит природу гравитационного поля.

— А что из этого вышло? — спросила Нетерпеливая девочка.

— Ему пришлось отказаться от данного себе слова, иначе он умер бы от голода и бессонницы, так и не ответив на свои вопросы самостоятельно. Но из-за чего бы он тогда умирал? Нет, такой глупости он не мог себе позволить. Ведь ему оставалось потерпеть всего лишь два месяца до начала уроков по теме «Гравитация», чтобы узнать, как на эти вопросы ответили другие. И он решил подождать.

— Правильно,— сказал Упрямый мальчик.— Сначала надо добиться своего!

Учитель одобрительно кивнул упряму (он это делал часто и никогда с этим мальчиком не спорил) и продолжал:

— Пожалуй, он был такой, как все, только...

Он прищурил глаза и вопросительно посмотрел на класс. Тотчас Нетерпеливая девочка молвила:

— Наверное, вы хотите сказать: только немножечко умнее...

— Вот еще! — возразил упрямец.— Не умнее, а настойчивей!

— Смелее! — воскликнул мальчик с облупленным носом.

— Ну нет,— сказал Учитель.— Он был такой, как все. Только ведь его недаром прозвали Одержимым. Просто он был одержимее других. Все мы когда-нибудь задумываемся над тем, почему рождаются и умирают люди и звезды, в чем смысл жизни и смерти. Но одни боятся искать ответы на эти вопросы, потому что приходится вспоминать о смерти, страданиях, боли. Другие рассуждают так: до меня тысячи самых умных глупцов пробовали найти ответ и ничего не добились. Зачем же я буду напрасно усложнять свою жизнь? Третьи не хотят и начинать поисков, потому что за время одной жизни вопрос не разрешить, а то, что будет после, их не интересует. Много находится и таких, которые ищут ответ по крупицам — каждый в своей области деятельности. Им страшно думать о смерти, но они думают. Они знают, что за время одной жизни не успеют получить ответ, но готовят почву для других. А Одержимый был искатель особого рода. Он знал обо всех трудностях,

известных первым, вторым, третьим и четвертым, и все-таки хотел невозможного — узнать ответ. Весь. Полностью. В течение одной своей жизни.

Он стал философом-экспериментатором и засыпал Академию предложениями-проектами. Их отвергали из-за несвоевременности. А когда один проект все же утвердили, Одержимый создал в короткое время свой знаменитый ускоритель для исследования пространства — времени. И хотя ему не разрешили проводить ни одного рискованного опыта, правдами и неправдами он проводил их. Естественно, он избавлял от риска других, увеличивая опасность для себя.

Везение не может продолжаться бесконечно. Один из опытов стал для него роковым. Из испытательной камеры Одержимого извлекли мертвым. В кармане нашли записку, хранимую в специальном футляре: «В случае моей смерти, и если это окажется возможным, сохраните мой мозг для создания первого киборга».

Выяснилось, что он загодя приготовил для себя искусственное тело с кибернетическими органами регуляции. В него и пересадили мозг, нейроны которого, к счастью, не успели погибнуть от кислородного голода.

Учитель обвел взглядом обращенные к нему лица детей и спросил:

— Как вы думаете, с чего начал свою деятельность киборг, управляемый мозгом Одержимого?

— Он поставил опыт,— одновременно сказали Нетерпеливая девочка и юный Упрямец.

— Да, тот самый опыт, из-за которого погиб,— подтвердил Учитель.— Теперь, когда у него было новое тело, он уже не страшился ни высокого давления, ни низкой температуры. Одержимый провел этот опыт и сотни других, еще более опасных, но не намного приблизился к цели — к окончательному Ответу. Настал день — и Одержимый улетел на корабле с магнитной защитой к звезде класса красных карликов. Он сам придумал некоторые остроумные приборы для исследования звезды и взял с собой разнообразную аппаратуру. И все же он допустил ошибку — не учел взаимодействия гравитационных сил. Его корабль рухнул на звезду...

— Он погиб, не достигнув цели? — испуганно спросил Упрямый мальчик.

— Я забыл сказать, что перед полетом он сделал магнитный снимок своего мозга. Вся память была закодирована и записана электромагнитными импульсами в кристаллических блоках. Когда Одержимый погиб вторично, согласно его завещанию из этих блоков

был создан искусственный мозг и помещен в искусственное тело. Само собой разумеется, что в этом искусственном мозгу сохранилась специфика мышления Одержимого — основа его личности. Так Одержимый вторично перешагнул через свою смерть, став человеком синтезированным, сигомом.

Сначала он совершил новое путешествие к красному карлику, учтя предыдущую ошибку, а потом полетел еще дальше, на поиски антивещества. Обо всех своих научных достижениях и открытиях он извещал Академию. Отправленные им радиодоклады достигали Земли иногда через несколько месяцев, а то и лет. Он сообщал, что изменяет свое тело соответственно с внешними условиями. Судя по формулам, он построил свой организм в виде переплетенных энергетических полей, способных хранить и перерабатывать информацию...

— И он нашел Ответ? — спросила Нетерпеливая девочка.

— Нет. Все еще нет, — ответил Учитель. — Но на пути к нему он достиг бессмертия и колоссального могущества. Разве это само по себе не значит очень много?

— И все-таки выходит, что Ответа пока нет, — насупился Упрямый мальчик. — Для чего же вы рассказывали об Одержимом?

— А еще обещали, что поговорите с нами о загадке Большой Медведицы, — напомнила Нетерпеливая девочка.

— Я и рассказывал о ней, — сказал Учитель. — Собственно говоря, загадка стала проясняться с того самого момента, когда радиотелескопы приняли три О. Ведь это позывные Одержимого, трижды повторенная первая буква его имени-прозвища. Может быть, он зажгел новую звезду или сам принял форму звезды в поисках Ответа. Скоро мы узнаем это из его сообщений...

Урок второй

ЗАВЕЩАНИЕ

Справка: эпидемия «Перпетуум мобиле» охватила мир. Болели крупные ученые и доморожденные изобретатели, гении и сумасшедшие, высокообразованные люди и упорные неучи, смекалистые трудолюбы и трудолюбивые тупицы. Каждый из них пытался построить вечный двигатель. За свои попытки они расплачивались разорением и отчаянием, безумием и самоубийством, но в поредевшие ряды изобретателей вечного двигателя вливались новые бойцы. Казалось, не будет конца штурму глухой стены, возведенной законами природы.

Тогда-то и появился Великий Скептик.

Старший брат Скептика, талантливый Мастер был одержим идеей вечного двигателя. Он бросил работу на фабрике, оставил все дела, кроме одного — строительства перпетуум мобиле. Мастер разорился, жена ушла от него, забрав детей.

В конце концов Мастер построил аппарат, в котором за счет разности давления газа в двух сосудах ременные тяги без усталости вращали колесо. Мастер позвал брата и, торжествуя, указывая на свое детище, спросил:

— Видишь?

Морщины на его лице разгладились, глаза лучились счастьем. Младший брат избегал смотреть на его лицо. Он уже тогда предвидел, что последует в будущем. А как спасти брата от тяжелейшего разочарования, не знал. Его мысли то метались, то застывали неподвижно, будто замирали в предчувствии беды. А губы прошептали:

— Вижу. Но что это за аппарат?

— Вечный двигатель! — воскликнул Мастер. — Помнишь, ты утверждал, что построить его невозможно?

— Утверждаю, — вполголоса подтвердил Скептик.

— Как, и сейчас, когда он перед тобой? — изумился Мастер.

— Это двигатель, но не вечный. Трение съедает часть энергии, и ее приходится восполнять.

Лицо Мастера покрылось пятнами. Он сжал кулаки и сказал:

— Вы, скептики, все критикуете, ни во что не верите и ничего не создаете! Какой от вас прок?

Младший брат принял вызов спокойно. Он возразил:

— Зато скептики сокращают пути к открытиям и сохраняют время искателям. Скептики находят ошибки и спасают от роковых шагов. Не злись, горячность — плохой советчик в таком деле. Я не осуждаю тебя, хотя от твоего упрямства пострадали и другие. К сожалению, люди склонны верить в то, во что им хочется верить. Они болеют — и верят в избавление от болезней, они смертны — и верят в бессмертие. Вера — убежище слабых. Из этого убежища нет второго выхода. В нем или остаются навечно, или идут против самих себя, против своих желаний...

— Довольно с меня поучений! — вскричал Мастер. — Кто ты такой, чтобы учить меня? Ты даже не сумел стать мастером, а остался жалким подмастерьем!

— Я твой брат и желаю тебе добра. А ты идешь по безрассудному пути.

— Это мой путь. Если кто-нибудь посмеет преградить мне дорогу, я поступлю с ним вот так! — Мастер схватил железную кочергу и завязал ее узлом. Потрясая этим орудием, приказал:

— А теперь — вон из моего дома!

Скептику ничего не оставалось, как поспешно удалиться.

А Мастер, закончив постройку вечного двигателя, понес его в городскую ратушу на суд ученых мужей...

На второй день его нашли в постели мертвым. Он отравился. Оставил записку: «Прости меня, брат. Ты оказался прав».

Его похоронили на кладбище для бедных, под простым грубым камнем. Мастер не оставил после себя даже жалких грошей, чтобы было чем заплатить каменотесу за эпитафию на надгробии, и эти гроши пришлось наскрести его брату.

Вскоре Скептик уехал в Париж и поступил учиться в университет. Он вернулся в родной город известным математиком. Ему предлагали место ректора университета, но он отказался. Скептик выкупил дом, который когда-то принадлежал его брату, и закрылся в нем. До поздней ночи сидел он над расчетами. Так проходили долгие годы...

Только спустя двадцать лет Скептик опубликовал работу: «Почему невозможен вечный двигатель». Он доказал, что часть энергии при работе любых механизмов и любых «вечных» двигателей — колесных, поплавково-цепочных и капиллярно-фитильных, сифонных и ртутных, магнитных и шариковых — неизбежно переходит в тепло, теряется и ее приходится восполнять. Он доказал это не словами, а цифрами, против которых слова зачастую бессильны.

Его работы спасли не только годы напрасного труда многих мастеров — они спасли им жизнь. Скептик никому не говорил, что это памятник брату, погибшему в неравном бою с законами природы.

Скептик состарился, но не изменился. И прозвище его осталось. Просто он стал Старым и Прославленным Скептиком. Со всех концов мира шли к нему письма, приезжали ученые, чтобы проверить свои гипотезы — не рухнут ли они от единого взмаха его отточенной беспощадной мысли? Деньги и слава текли к нему рекой, — то, чего не мог добиться для себя Мастер, создававший вечный двигатель, Скептик добился, доказав, что такой двигатель невозможен.

Памятник брату, покоящийся на массивном фундаменте точных расчетов, с годами становился все тяжелее и тяжелее. Он подавлял безрассудные вспышки мятежа против матери-природы, искры которого вечно тлеют в умах ее дерзких и неблагодарных детей. О великолепную ажурную решетку ограды, созданную из доказательств и насмешек, разбивался ветер вольномыслия.

Старый Скептик умер в зените своей славы. Нет, его не похоронили под тем же памятником, что и брата. Он сумел поставить для себя новый нерукотворный памятник. И сделал это он своим завещанием...

Учитель прервал свой рассказ, ожидая, не вспомнит ли кто-нибудь из ребят слова знаменитого завещания. Он на секунду забыл, что его ученики еще не проходили этого материала по физике.

— В его завещании было всего лишь три слова,— сказал Учитель.— Вот они...

Он щелкнул тумблером телеэкрана, взял ручку и световым пером написал: «Проверьте мои расчеты».

— Запомните эти слова,— продолжал Учитель.— Ведь благодаря им удалось снять запрет природы с вечного двигателя.

Урок третий

ПЛАНЕТУ НАЗВАЛИ БЛАГОДАТНОЙ

Вместо справки:

— Не знаю, кто из космонавтов дал ей такое название,— начал свой новый рассказ Учитель.— Но оно родилось сразу, как только они увидели ее — с прозрачными озерами, в которых ходили косяки рыбы, с невероятно доверчивыми животными, с деревьями и кустами, ветки которых сгибались под тяжестью вкусных плодов. Воздух там был ароматным и живительным, и люди совсем не чувствовали усталости...

* * *

Следы цивилизации космонавты заметили, когда еще только подлетали к планете. Искусственные спутники роями кружились вокруг нее.

— Передадим наши позывные,— предложил Командир.

Космолингвист подал Радисту таблицы кода, и с антенн корабля полетели сигналы.

Ответа не было.

Корабль делал виток за витком вокруг планеты, то приближаясь к ней, то отдаляясь. Радисты принимали фрагменты радио- и телепередач. Язык благодатян неожиданно оказался близким к латыни. Космолингвисты составили программу и передали ее в эфир.

Результат был тот же.

Тем временем телеэкраны корабля показывали города, подобные земным, четкую, похожую на волейбольную, сетку дорог. Жители Благодатной продолжали работать и веселиться, но не желали замечать братьев по разуму.

Космонавты выбрали пустынную местность вдали от селений и посадили корабль.

Пять человек сели в вседорожник и поехали в направлении ближайшего города.

Он оказался очень похожим на земной. Только здания однообразней, всего лишь нескольких типов, без украшений. Все улицы — идеально прямые — сходились к круглой площади, на которой возвышалось квадратное здание. В него входили благодатяне, почти неотличимые от людей Земли.

Вездеход остановился у тротуара. Первым вышел Философ, за ним — Кибернетик и Командир.

— Что находится в этом здании? — спросил Командир у одного из благодатян на местном языке, который земляне выучили еще в звездолете.

— Это известно всем, — ответил благодатянин и, не останавливаясь, прошел мимо.

Следующую попытку общения сделал Философ. Приветствуя аборигена, он как бы случайно преградил ему дорогу к зданию.

— Добрый день.

Благодатянин поклонился в ответ:

— Добрый день, рад видеть вас здоровым и не обремененным ничем лишним.

— Простите, — поспешно сказал Философ, видя, что и этот хочет обогнуть его и пойти своей дорогой, — я позволю себе задержать вас на минутку.

— Пожалуйста, — приветливо улыбнулся благодатянин. — Но помните, что из минуток складываются часы, а из часов — сутки и что каждую минуту надо отдать на благо всей планеты.

Философ заверил его:

— Наша беседа несомненно послужит благу планеты. Ведь мы прилетели из другой звездной системы и хотим обменяться с вами знаниями, положить начало дружбе.

— Самое главное — заповеди, остальное — лишнее, — торжественно молвил благодатянин, все так же приветливо улыбаясь.

— А новая информация? — спросил Кибернетик.

— Память не бесконечна. Ее нельзя перегружать. Важно получить только то, что нужно для довольства собой. Это — первая заповедь.

— Какова же вторая? — нахмурив брови, заинтересовался Кибернетик.

— Начальников, как и родителей, не выбирают, — без запинки отрапортовал благодатянин. — Третья: приказы не обсуждают, а выполняют.

И он пошел дальше.

Философ несколько мгновений задумчиво смотрел ему вслед, бормоча:

— А ведь я мог бы об этом подумать и раньше!

Он сорвался с места, перегнал благодатянина, круто повернулся и пошел ему навстречу. Затем поздоровался с ним, будто видел впервые:

— Добрый день.

— Добрый день, рад видеть вас здоровым и не обремененным ничем лишним.

— Простите, вы ничего не слышали о прилете гостей с другой планеты?

— Нет, не слышал,— как ни в чем не бывало ответил благодатянин. С его лица не сходила заученная улыбка.

Командир спросил у Философа.

— Ты что-нибудь понял?

— Мы поймем больше, когда побываем вон в том здании...

Вместе с непрерывным потоком благодатян земляне вошли в огромный вестибюль. Он был идеально прямоугольным, как и само здание. На всех стенах висели многочисленные портреты одного и того же человека с квадратным бульдожьим лицом и застывшей на нем заботливой улыбкой. Надписи под портретами гласили: «Великий Импульсатор». Под надписями висели таблички с цитатами. И все они говорили о Великом Импульсе, который принес счастье и довольство собой.

Командир внимательно рассмотрел в портрет, будто кого-то узнавал.

— Обратите внимание на эту цитату,— Философ, приподнявшись на цыпочки, дотронулся пальцем до одной из табличек:

«Важнее достигнуть, чем достигать. Остановись, путник, и оглянись: не слишком ли далеко ты ушел? Не осталось ли сзади то, что ищешь впереди?»

— А вот еще одна,— указал Философ и прочел: «Побеждает не тот, кто быстро бежит, а тот, кто твердо стоит на ногах».

Из вестибюля земляне попали в просторный зал с мерцающими стенами. Навстречу, радушно разводя руками и заученно улыбаясь, шел благодатянин, оказавшийся экскурсоводом. Как и его сородичи, с которыми космонавты уже встречались, он несколько не удивился, узнав, что перед ним — инопланетчики.

— Мы бы хотели подробно узнать о Великом Импульсе,— спросил Командир.

— Пожалуйста,— сказал экскурсовод и нажал педаль у стены.

Стена вспыхнула радужными тонами. Затем на ней возникла площадь, густо заполненная народом. Перед многотысячной толпой с трибуны выступал низенький благодатянин с лицом властолюбца. Земляне отметили что-то знакомое в этом лице — вспомнились портреты в вестибюле. Несомненно, это — Великий Импульсатор, только не приукрашенный кистью живописца,

— Великий день наступил! — кричал Импульсатор. — Мы достигли высшей точки процветания. Мы накопили множество благ. Единственное, чего нам не хватает, это знаний. Но, как утверждают мудрецы, нам всегда будет их не хватать. Однако и здесь нашелся выход. Наши ученые уже давно расшифровали код наследственности и научились изменять наследственное вещество. А я нашел для этого открытия практическое применение. Мне удалось убедить всех, кроме нескольких скептиков, и мы пришли к единому решению. Отныне никто не должен будет копить по крохам знания. Он получит их так же, как инстинкты, — по наследству, вместе с наследственным веществом. Сын получит все наследство отца — не только его глаза, нос, черты характера, но и его память, и его место в обществе. Сыну не придется метаться в поисках выбора профессии — его путь будет предопределен. А наша цивилизация получит Великий Импульс и с умноженной скоростью ринется вперед.

Из толпы вышел благодатянин и, обернувшись к своим товарищам, закричал:

— Не соглашайтесь на Великий Импульс, если не хотите погибнуть. Разум могуч и хрупок одновременно. Вместительность памяти не безгранична. Через несколько поколений оно заполнится до отказа у каждого из наших потомков и перестанет принимать новые решения. Его переполняют устаревшие знания. Развитие цивилизации замедлится и остановится. А это — смерть!

— Слышите? — торжествуя перебил его Импульсатор. — Он грозит вам смертью. Как же вы ответите на угрозу?

Откуда-то из-за его спины высунулся длинный ствол. Вспыхнуло пламя — и мятежник упал.

Философ сказал Командиру:

— Здесь больше нет разумных существ. Мы прилетели на планету, населенную биоавтоматами.

— Великий Импульс, — с горечью проговорил Командир и пошел к выходу из зала...

На улице земляне встретили благодатянина, с которым уже дважды разговаривал Философ. Теперь он сказал ему:

— Прощай, парень.

— Добрый день! — встрепенулся абориген. — Рад видеть вас здоровым и не обремененным ничем лишним.

Кибернетик остановился, как вкопанный. Командир тронул его за руку:

— Пошли.

— Добрый день, добрый день, рад видеть вас здоровым, — забормотал Кибернетик.

...Учитель посмотрел на притихших ребят, задержал взгляд на Нетерпеливой девочке и сказал:

— Я прочту вам несколько записей из дневника командира корабля... «Звездолет вышел на эллиптическую орбиту. По плану мы должны посетить еще две планеты, но я принял новое решение. Собственно говоря, его продиктовала необходимость: экипажу нужно оправиться от психической травмы. А это мы можем сделать только в одном месте Вселенной.

Все мои товарищи работают быстро, почти не разговаривают друг с другом. Все согласилось на удвоение перегрузки, лишь бы скорее разогнать корабль.

Я вижу их лица — такие разные даже сейчас, когда все они отмечены угрюмостью и замкнутостью. Прикусил губу Радист, низко согнулся над пультом компьютера Кибернетик, в глазах Водителя вездехода — вызов и отчаянье, а взгляд Философа — опустошенный и оцепенелый. Для меня эти люди ближе, чем самые близкие родственники, исчезли они сейчас — и моя жизнь потеряет всякий смысл среди чужих звезд. Что я могу сделать для них?

Мой взгляд невольно обращается к обзорным экранам, как будто там, среди звезд, можно различить Солнце. Но ведь оно покажется на экранах лишь через месяц...

Решаюсь на обман. Включаю киноплёнку, предназначенную для контактов с разумными существами. Наблюдаю в контрольное окошко, пока не появляются кадры, на которых показана Солнечная система. Останавливаю кадр и кричу:

— Смотрите!

Они смотрят на экран, туда, где на периферической орбите блещит зеленоватая звездочка. А я смотрю на них. Думайте обо мне, что хотите, но я не жалею о своем поступке. Их лица светлеют...»

Учитель умолк, выжидающе глядя на детей.

— Выходит, они так и не спасли жителей Благодатной? Не возродили цивилизацию? — с ужасом спросила Нетерпеливая девочка.

— Почему они не сообщили на космические станции спасения? — спросил Рассудительный мальчик. — Ведь даже после взрыва сверхновой в созвездии Кассиопея не погибли все Содружества разумных. Вы сами не раз говорили...

Учитель смотрел на негодующие лица ребят. Да, они хорошо запомнили все, чему он учил их. И сейчас он сказал:

— Я говорил правду: разум действительно может преодолеть любую опасность... — Он сделал паузу, чтобы дать им время подготовиться и крепче запомнить то, что он скажет, и закончил: — Если он будет своевременно знать о ней, если сумеет ее разглядеть...

Урок четвертый

ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК?

(Из ответов Большой вычислительной машины Академии Наук)

Человек — существо. В грамматике он применяет к себе вопрос «кто?», а не «что?». Поэтому вопрос мне задан неправильно. Следует сказать не «что такое человек?», а «кто такой человек?»

Человек как личность состоит из парадоксов. Сколько бы он ни имел, ему все мало. Это и плохо, и хорошо. Плохо потому, что из-за этого качества он совершает необдуманные поступки. Хорошо потому, что он не останавливается на достигнутом. Именно это спасает человека от многих ловушек, ибо остановка неизбежно означает вырождение и смерть.

Человек часто не может определить, к чему он стремится, что неустанно ищет, что воспитывает в себе и своих детях. Он называет это разными словами, но в конечном счете он стремится к единственному, чего мне, как машине, не дано понять: он стремится к человечности.

АЛЕКСАНДР ГОРБОВСКИЙ

Иная ступень

Буря высоких энергий, как всегда, разразилась внезапно.

Стрелки указателей метнулись за шкалу, тщетно пытаясь достичь деления, которого там не было. Ослепшие индикаторы беспомощно замигали.

Датчики поля дрогнули и замерли на нуле. И только один сигнал не был подвержен начавшемуся хаосу и безумию — сигнал тревоги.

Он звучал прерывисто и учащенно, как пульс умирающего. Умирающим был корабль.

Рывок, последовавший за этим, был страшен. «Умный Лебедь», захваченный одним из боковых вихрей, все быстрее и быстрее устремлялся в засасывающую его бездну...

После тех, первых мгновений прошли часы.

Корабль стоял на каменистом, рассеченном провалами плато. У горизонта начинались пепельно-зеленоватые заросли болотистых джунглей.

Корабль возвышался, как гигантская свеча неведомому богу. Богу планеты, случайно оказавшейся на пути несущего его вихря.

И только сейчас, когда все было позади, понимание того, что минуло, коснулось их. Как звук, который, отстав от вспышки, приходит позднее, так запоздалые раскаты страха настигли их наконец. Только сейчас, протянув руку, чтобы выключить круговой обзор, Капитан заметил, как дрожат его пальцы. Он провел ладонями по лицу, это было чужое лицо под чужими руками.

— Отдых! — скомандовал он.

— Отдых, — прошелестело по всем помещениям корабля.

Но сам он не успел последовать своей же команде. На пульте вспыхнуло Табло Внимания, и голос вахтенного скороговоркой произнес:

— На орбите чужой корабль. На орбите чужой корабль. Идет на посадку.

На планете было только два места, пригодных для посадки: пустынная суша в районе одного из полюсов и плато, на котором находились они.

Плато, рассеченное трещинами и провалами, но все-таки твердь. Все остальное покрыто болотами в паутине зеленовато-пеллиных джунглей.

— Дать позывные. — Капитан произнес это почти автоматически, как автоматически следовало это из инструкций, разумно предусматривавших любую из возможных ситуаций.

Но корабль на позывные не отвечал и внезапно, резко сойдя с орбиты, камнем пошел вниз. Лишь на мгновение притормозив у самой поверхности, он замер совсем недалеко от «Умного Лебедя».

Непривычные, асимметричные формы корабля напоминали все, что угодно, только не аппарат, созданный для передвижения среди звезд.

Так, подобно двум птицам, что укрылись от бури под одним навесом, два чужих корабля встретились на каменистом плато этой безымянной планеты.

Как ни редки бывали подобные встречи, они все-таки случались. Правда, почти не оставляя следа. Слишком несовместимы оказывались цивилизации, слишком велик разрыв, слишком мимолетны контакты.

Наступила пауза — долгая, непонятно и тревожно долгая, прежде чем обитатели чужого корабля вышли на плато. Но, появившись, они хлынули отовсюду, словно стены корабля внезапно стали проницаемы для них или там распахнулись вдруг десятки выходов, пропускных камер и люков.

Они были красного цвета и, если сравнивать их с кем-то, уже знакомым людям, больше всего походили на лабудян с планеты Малой Цевары.

Сами они называли себя «аноди». Вернее, так звучало это слово в иридиевых устах преобразователя — устройства, которое перекладывало чирикание и шипение пришельцев на звуки человеческой речи.

Едва преобразователи были установлены, как вокруг них собрались оживленные кучки аноди и экипажа землян.

— Любите ли вы размножаться? — допытывался один из аноди, и крохотные щупальца вокруг его рта подрагивали от любопытства. — У вас бывают детеныши? Они синие? Они круглые? Они пустые внутри? Какие они?

У соседнего преобразователя несколько человек из экипажа пытались объяснить толпе притихших аноди правила игры в бридж. Время от времени то один, то другой отходили от кучки своих соотечественников и переходили к соседней — послушать, о чем говорят там.

Кроме вахтенных, оставшихся на корабле, только Капитан не принимал участия во всем этом. Меньше всего потому, что это не интересовало его.

Пребывая в том возрасте, когда человек бывает еще слишком озабочен соблюдением собственного престижа, он не мог пойти на подобное поправление субординации — наравне со всеми принять участие в происходящем.

Иное дело, если бы Капитан аноди тоже вышел из корабля. Тогда они могли бы поговорить вдвоем, двое коллег, два Капитана. Но неизвестно было, есть ли у них вообще Капитан и имеют ли они хотя бы представление о том, что это такое. Поэтому единственное, что оставалось ему, это с подчеркнутым равнодушием выслушивать рассказы других, о чем шла речь и что говорили аноди.

Потом, когда наступил вечер и экипажи вернулись на корабли, над опустевшим плато низко пролетели какие-то крылатые существа. И долго, до самого рассвета, с мерзким клекотом и криками кружились над кораблями. А когда стало светло, вместе с теньями ночи укрылись в джунглях.

В первый же день оказалось, что аноди беспокоит какая-то поломка. Посмотреть, может, удастся помочь, отправились двое — Механик и главный Психолог «Умного Лебеда» Анджей.

Вообще-то считалось: чем меньше отличается Психолог от всего экипажа, даже внешне, тем лучше. Особого правила не было, но есть вещи, которые подразумеваются. Анджей, если и мог быть ил-

люстрацией этого, то лишь негативной. Высокий, похожий на узкий прямоугольник, с чуть закругленными углами, он был единственным блондином из всего экипажа.

И словно нарочно, словно подчеркивая это свое неподобие, он носил свои светлые волосы ниспадавшими до самых плеч. Иногда только надевал поверх них широкий обруч с большим нарисованным глазом.

Капитан не любил Анджея. Он тяготился им, как тяготился бы каждый присутствием человека, чье дело — приглядываться, прислушиваться и молча делать какие-то выводы, известные ему одному. Да еще этот символ психолога — глаз, нанесенный на обруч. Настороженный и неусыпный, он раздражал Капитана.

Анджей впервые увидел чужой аппарат так близко. Вблизи он, казалось, был еще более странен. Внезапные перепады форм, плоскости, переходящие вдруг в ребристость, выступы, перемежающиеся провалами... Одна из его сторон завершалась большими пластинами, расположенными под углами друг к другу. Насколько можно было понять, устройство это имело какое-то отношение к ориентации корабля в пространстве. Две-три пластины были сильно прогнуты.

При виде их Механик скептически хмыкнул.

— Уж не знаю, что и сказать, — пожевал он губами. — Трудное это дело. Боюсь, не выйдет ничего.

И профессиональным жестом он попытался колупнуть ногтем синеватую поверхность металла:

— Ведь это ж что, материал-то какой? Если бы хоть вольфрам или там кадмий.

Анджею стало скучно. Скучно, когда заранее знаешь слова, которые будут сказаны, и даже жесты. И знаешь, что в конце концов дело-то будет сделано. И действительно, полчаса спустя Механик уже работал. Магнитный нагреватель плавно ходил под его рукой, разглаживая сгибы и морщины прогнувшихся плоскостей. А вокруг, клоня гофрированные шеи, аноды почтительно провожали взглядом каждый его жест, каждое движение.

— Собрались, — бормотал Механик. — Столпились. Другого дела им нет. Только бы мешать рабочему человеку. А ну, позволь! Позволь!

Но в глубине души он был доволен. Он был доволен и горд. Пусть смотрят. Пусть знают, что значит — специалист первого класса!

А когда он кончил и с тайным ликованием хмуро разглядывал дело рук своих, аноды, дружно защебетав, вдруг двинулись ему навстречу. Он же смутился и заулыбался им, потому что знал, что сде-

лал действительно хорошо. Аноды между тем шли прямо на него, и на панцирных их лицах было выражения не больше, чем если б это были чайники или ведра, насаженные на палки. Механик попятился. Чешуйчатая красная стена теснила его к краю обрыва, туда, где проходила одна из трещин, пересекавших плато.

— Ну чего надо-то? Чего пристали? — Растерянно он попытался было отпихиваться ладонями, но аноды дружно вздернули свои высокие членистые колени, и он рухнул, опрокинулся вниз, вздымая столбы сиреновой пыли.

И тут же, словно сразу утратив к нему всякий интерес, аноды повернулись и разошлись. Каждый по своим делам.

Анджей видел все это. Когда он подбежал к краю расщелины, Механик, выбираясь из клубов пыли, кричал оттуда, что думает он об аноды, об Анджея, о Капитане и вообще об этой проклятой планете. Анджей не стал с ним спорить. Задача его была не спорить. Его задача была — понять.

Созванные по тревоге космонавты недоверчиво выслушали, как все было. Весь эпизод выглядел слишком неправдоподобным и странным.

— Может, аноды вообще не хотели ремонта? — с сомнением спросил кто-то.

— Наоборот. Они сами просили нас. — Это сказал Анджей.

— Может, что-нибудь сделано было не так?

Возражения Механика были слишком эмоциональны, чтобы можно было в них усомниться.

Последовал обмен мнениями, который был столь же долг, сколь и бесплоден.

— Значит, так. — Капитан не любил, когда начинались разброд и шатание. Капитан любил, чтобы у людей его была ясность. — Значит, так. Аноды хотели, чтобы им помогли. Но когда это было сделано, они сбросили его с обрыва. Спрашивается — зачем?

— И правда, — зашумели сразу несколько голосов. — Зачем? Может, сам упал? Оступился и упал. С кем не бывает. Причем здесь аноды?

Такое решение вопроса великой простотой своей и ясностью устраивало всех.

— Ну что ж, — заключил Капитан, почувствовав облегчение, — наверное, так и было. Так и будем считать.

Если бы Анджей не встретился с ним в эту минуту взглядом, он, может, и, правда, подумал, что он, Капитан, и сам так думает и в это верит.

— Эх ты, путаник, — посмеивались над Механиком, расходясь, космонавты, — толкнули его. Обидели. Ишь, чего померещилось.

Анджей вернулся к преобразователям. Он спросил все-таки аноди, почему они так поступили. Они не спорили. Не отрицали. Они объяснили с готовностью.

— Потому что он сделал ремонт.

— Но вы же довольны его работой? Он хорошо сделал?

— Да,— отвечали аноди,— мы довольны. Он хорошо сделал.

— Зачем же тогда вы сбросили его в расщелину?

— Но ведь он сделал ремонт.— И пояснили: — Хорошо сделал.

Аноди явно поражались непонятливости землян.

Анджей поколебался, но все-таки рассказал Капитану. Тот сделал понимающее лицо. И пожал плечами.

На том событие это окончательно, казалось, ушло в прошлое и было забыто всеми. Механик и сам не был уверен уже, что все было именно так, как он тогда рассказал. И если, случалось, речь заходила об этом, он терялся.

— Ошибочка вышла,— частил он виноватой скороговоркой.— Может, и показалось что... Померещилось. Кто знает...

И разводил руками.

Между тем буря, забросившая их сюда, начинала стихать. И скоро должен был настать день и час, когда оба корабля покинут планету, чтобы продолжить свой путь. Правда, в оставшиеся дни произошло еще несколько эпизодов. На первый взгляд столь же непонятных.

Помня о предстоящей разлуке, некоторые из космонавтов стали было дарить аноди мелкие сувениры. Анджей разыскал у себя ксино-осциллограф. Хотя космонавты с трудом отличали аноди одного от другого, Анджею казалось, что он вручил его тому самому аноди, который в первый день так трогательно расспрашивал: «А вы любите размножаться?» Тот, видимо, остался очень доволен. Радостно вертя подарок в четырех своих членистых лапах, он издавал то характерное сопение, которое выражало у аноди крайнюю степень удовольствия.

Не глядя на Анджея и не переставая сопеть, он взмахнул вдруг одной из лап, и Анджей рухнул на камни, лицо его было залито кровью. Еще немного, и он остался бы без глаза.

— Подвернулся,— комментировали происшествие обитатели земного корабля.— Под руку попал. Аноди, вероятно, хотел показать тебе что-то: «Вот, мол, смотри», а ты сунься ему под лапу. Ну и получил...

Правда, не только с ним произошло такое. Не только с Анджеем.

То, что аноди отвечали так на любое добро, настолько не сходилось с привычным миром земных ценностей, что разум челове-

ческий отказывался воспринимать эту связь. К тому же эпизоды были слишком мелкие, а последствия их слишком незначительны, чтобы кому-то могло прийти в голову искать эту связь и закономерность.

Настоящее событие произошло позднее. Одно из тех отвратительных крылатых существ, которые по ночам с дурными криками носились над плато, затаилось в камнях и утром набросилось вдруг на оказавшегося вблизи аноди. К счастью, несколько человек экипажа услышали гнусный клекот крылатой твари. К счастью, они успели. Распластав перепонки крыльев, тварь метнулась куда-то в сторону. Аноди, казалось, был только напуган. Только сильно напуган. Если считать, что аноди вообще способны к этому чувству. Спасенный заковылял к кораблю, чирикая на ходу что-то, что должно было, очевидно, означать «спасибо».

Но это не было «спасибо».

Анджей первым заметил, что внизу происходит нечто странное. Аноди со всех сторон красными точками начали стекаться вдруг к своему кораблю.

Когда космонавтам был отдан приказ срочно вернуться на борт, последний аноди скрылся уже в темных провалах того, что было их кораблем.

Предвидеть, что последует за этим, было невозможно. Впрочем, Анджей для того и был здесь, чтобы знать и предвидеть.

— Приготовиться к отлету, — скомандовал Капитан, не веря еще и не думая, что дело дойдет до этого.

Красные сигналы готовности зажглись на пульте.

В ту же секунду один из индикаторов ослепительно погас и погас — магнитное поле планеты исчезло. Анджею потребовалось мгновение, чтобы осознать это.

— Старт! — успел крикнуть он.

— Старт! — повторил Капитан.

«Умный Лебедь» взмыл в рассветное небо. Он на доли секунды опередил удар. Внизу, на том месте, где только что стоял корабль, бушевало черное пламя.

Силовой экран, мгновенно окруживший его, отбросил второй удар.

«Умный Лебедь» вышел на орбиту и, не завершив витка, покинул планету.

Буря почти утихла.

Обстоятельства поспешного отлета не вызвали на корабле ни особых сомнений, ни споров. Может, аноди, не разобравшись как следует, подумали, что это люди напали на одного из них. Объяснение это было не хуже другого: главное, чтобы непонятное перестало быть непонятным, а привычное — непривычным.

И только два человека на корабле догадывались, что все обстояло иначе. Это были Анджей и Капитан. Правда, оба почему-то избегали разговора об этом.

Но как-то, когда случайно они остались вдвоем, Капитан все-таки заговорил:

— Помнишь аноди?

Анджей кивнул. Да, он помнил.

— Я все думаю,— продолжал Капитан,— почему они поступали так...

Анджей чуть склонил голову, и тогда поверх светлых волос стал виден глаз, символический третий глаз на широком ободе. Капитан ожидал ответа, и поэтому Анджей сказал:

— Некогда был обычай платить за добро добром. Варварский обычай. Принцип эквивалентного обмена, восходящий еще к натуральному хозяйству...

Капитан вроде бы слышал об этом. О том, что воздаяние добром за добро было отражением товарного обмена. За доброе дело воздавалось добрым делом. Того же, кто нарушал обмен, объявляли «нечестным». Или «неблагодарным». И то и другое считалось постыдным.

Впрочем, все это было в прошлом. Принцип благодарности был так же естествен для древних, как для Анджея и его современников было не ожидать за добро ни признательности, ни ответных благ. Ибо добро, став нормой среди людей, не нуждалось уже ни в похвале, ни в поощрении, ни в наградах.

Аноди пошли, очевидно, дальше. Вместо невоздаяния за добро последовательно и осмысленно они отвечали злом.

— Я все думаю,— повторил Капитан,— почему они поступали так?

Но здесь-то и лежал барьер. Ибо с низшей ступени бесполезно было пытаться увидеть ту, которая возвышалась над нею. Так, люди прошлого бессильны были бы понять Анджея и тех, кто окружали его сейчас. Их нежелание из любой ситуации извлечь выгоду представлялось бы им полным отсутствием логики. Но точно так же сейчас Анджей, Капитан и другие тщетно пытались понять поведение аноди. Им оно казалось столь же лишенным логики и здравого смысла.

— А может, и так,— заговорил, наконец, Анджей.— Может, и так...

Когда-то, когда за добро воздавалось добром, действие и ответная благодарность как бы гасили друг друга. Но если творящий добро не получил воздаяния, содеянное им не уравновешивается ничем. Оно остается, накапливается и возрастает. Оно откладывается на некоей шкале нравственных ценностей, которая помимо и вне

человека. Анджей говорил теперь не Капитану, больше себе. Это были мысли, не приходившие ему на ум раньше, рождавшиеся сейчас, когда он произносил их.

— Они не отвечают на добро добром, как было на некоей первой ступени. Они не воздерживаются от воздаяния, как делаем мы сейчас, на нашей второй ступени. На добро они отвечают злом. Может, это какая-то далекая, другая ступень... Может, им известен некий закон нравственного контраста? Отвечая злом на добро, они, может, старались как бы приумножить нашу нравственную заслугу?

Капитан пожал плечами.

Как и другие дети Земли, он мыслил в рамках двоичной системы нравственного отсчета, не помышляя, что в иное время и в других мирах счет этот может быть бесконечен. Так аборигены примитивных племен, счисление которых сводилось к «один», «два» и «много», бессильны были представить себе, что после «двух» может быть «три», что есть еще «шесть», «двадцать восемь» или «пятнадцать тысяч шестьсот двадцать». Не говоря уже о корне квадратном.

— Непонятные игрища,— вздохнул Капитан.— Чужой разум...

И мысль, лишь коснувшись черты, угасла, не найдя опоры. И угас разговор.

Между тем «Умный Лебедь», выйдя на прежнюю свою трассу, продолжил прерванное бурей движение. Минуло еще некоторое время, и вскоре другие события заслонили и вытеснили то небольшое, что было связано с недолгим их пребыванием на этой случайной планете.

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

Фальшивый подвиг

ЗАПИСКИ ПРОМЫШЛЕННОГО ШПИОНА

1

Я давно знал, что стены, потолки, подоконники моей квартиры — все нашпиговано микрофонами. Шел ли я в ванную, ложился ли в постель, шептал проклятие, споткнувшись о край ковра,— каждое мое слово становилось известно шефу...

Конечно, подобный контроль входит в условия договора (как необходимая мера безопасности), но перед каждым серьезным делом ощущение собственной открытости только раздражало меня. Хотя, признаюсь, и... поддерживало в форме.

© Журнал «Уральский следопыт», 1979 г.

Закинув ноги на журнальный столик, полулежа в кресле, я лениво листал рекламные проспекты, посвященные новым видам компьютеров. Источник моего раздражения таился именно в этом занятии. Я, химик и промышленный шпион, «инженер», занимающий третью по значимости графу в ведомости Консультации, человек, сумевший полгода назад утопить в грязи одну из самых крупных фармацевтических фирм страны, должен был рыться в бумагах!

Не меньше раздражало меня и то, что бумаги мне подкинул Лендел — наш недавний сотрудник, бывший программист фирмы «Счет». В свое время он сумел понравиться шефу и, как следствие, без всяких угрызений совести поменял хозяев. Для внедрений он, конечно, не годился (несдержанный характер, расшатанное здоровье, случайные связи...), но в роли чтеца приносил немалую пользу.

Я бросил бумаги, встал, подошел к окну.

Улица действует на меня гипнотически.

Толпы, толпы, толпы... Странно сознавать, что наша работа, такая незаметная, такая скрытная, имеет прямое отношение к каждому человеку из толпы, чем бы он ни занимался. Одних мы обогащаем, других низвергаем в пучину бедности. Но никто не догадывается о нашей роли, и, незаметные, оставаясь в тени, мы только улыбаемся по поводу таких общераспространенных мифов, как безопасность слов, произнесенных по телефону-автомату, или сверхнадежность сейфов Большого банка...

Когда-то я думал, как человек из толпы. Когда-то я ничем из толпы не выделялся... Но время идет, и теперь я так не думаю... Вообще стараюсь не думать, когда в том нет нужды.

Отказавшись от бумаг, подкинутых мне чтецом, я вытащил из ящика диктофон, намереваясь потренировать голос. Но меня прервали. Я услышал звонок.

2

Звонила женщина.

В глазок, врезанный в дверь так, что снаружи об этом никто не мог догадаться, я видел ее всю.

«Узкая переносица,— автоматически отмечал я,— напряженный взгляд, напряженные серые глаза...» Такие люди редко смеются громко, а при внезапном шоке они, как правило, противятся рефлексорному толчку и никогда не вскрикивают...

Тем не менее женщина нервничала. На ней были брюки, короткие сапоги, тонкая куртка на пуговицах, без рукавов... Женщина нервничала. Я видел это по тому, как она держала руки в карманах.

Четкий медальный профиль женщины (на миг она беспокойно оглянулась на лестницу) показался мне знакомым, но вспомнить,

где и когда я ее видел, я не смог. И, убедившись, что она пришла одна, я открыл дверь.

— Меня зовут Джой,— с южным акцентом протянула женщина.— Я — Джой, сестра Берримена.

Джек Берримен — это имя меня восхищало. Джек многому меня научил: стрелять в темноте по голосу, работать с подслушивающей аппаратурой... Впервые я увидел Джека лет пять назад, на экране телевизора. Сидя спиной к снимающей камере, он говорил что-то успокаивающее о случайном отравлении Потوماка отходами промышленных вод. Я так и не увидел его лица, но голос запомнил, и когда Джек появился в Консультации, сразу его узнал. Не без удивления... Удивляться было чему! Ведь до появления в Консультации Джек имел диплом промышленного контрразведчика, полученный в «Калифорния Стейт колледж», и представлял «Норман Джэспен ассошиэйтед» — организацию промышленной контрразведки. То есть к нам, в Консультацию, пришел наш вчерашний противник... Но именно он за короткий срок принес дружественным нам фирмам, а значит, и нам самим, колоссальные прибыли...

О сестре Берримена, Джой, я тоже слышал. Одно время она подвизалась в Консультации в роли агента-цифровика. Но я никогда ее не встречал, потому что по негласному договору с Джеком мы не совали нос в дела друг друга. Нам хватало того, что мир для нас и так был слишком прозрачным благодаря подслушивающей и подслушивающей технике, которой мы владели в совершенстве.

Появление Джой не вязалось с правилами, и я встретил ее настороженно:

— Прошу.

— Нет,— нервно отказалась она.— Я не буду входить. Если вы не против, поговорим в машине.

На ее месте я поступил бы так же.

Но чего она хотела? Что привело ее ко мне? Кто дал ей адрес?

— Хорошо,— сказал я.— Спускайтесь вниз. Я только переоденусь.

— Я жду...

Она не закончила фразу. Торопливо, не оглядываясь, пошла вниз по лестнице, прямая, собранная.

Проводив ее взглядом, я закрыл дверь и подошел к телефону. По инструкции я должен предупреждать шефа сразу... Но зря разве ремонтники суток пять возились в моей квартире? — шеф и сам знал все.

И я не стал звонить шефу.

Джой мне понравилась.

Я специально замедлил шаги, подходя к машине.

Лицо Джой было выразительно. Оно располагало к себе. С таким лицом ничего не стоит убедить малознакомого лавочника дать товары в кредит.

Джой перехватила взгляд и нервно скривила губы. Но как только руки ее легли на руль, она преобразилась. Рядом со мной теперь сидел классный, все отмечающий, все фиксирующий водитель.

Я ждал.

— В кармане, — сказала Джой, не снимая рук с руля.

Я сунул пальцы в наружный карман ее куртки и нащупал листок бумаги.

«Мы нашли тебя, — было написано на листке. — Внимательно смотри в лицо каждому прохожему. Внимательно следи за каждой машиной. Мы хотим видеть твое лицо, когда ты нас узнаешь!»

Подписи не было.

— Вы получили это по почте?

— Нет... Нашла в кармане, выйдя из магазина Матье.

— И эта угроза направлена против вас?

Она перехватила мой взгляд в зеркале:

— Час назад я еще сомневалась.

— Что случилось за этот час?

— Взгляните на крыло.

Опустив стекло, я выглянул из машины.

Правое крыло (я видел это и раньше) было помято. Вокруг вмятины болтались лохмотья бежевой краски.

— Кто это сделал?

— Грузовик навалился на мою машину на семнадцатой магистрали. Все произошло так быстро, что я не заметила лиц.

— Жаль... — помолчав, сказал я. — В такие дела я не влечусь... Вы сообщили полиции?

— Я позвонила брату. Он не советовал мне торопиться.

— Мой адрес вам сказал Джек?

— Да, Эл... Могу я вас так называть?

— Пожалуйста... Но куда вы могли звонить Джеку? — скосив глаза, я внимательно следил за Джой, но лицо ее не изменилось. Она, конечно, могла знать о местонахождении Джека. Она в конце концов могла быть связанной между ним и Консультацией. Но все равно мне не нравилось ее появление. Не будь она Берримен, я немедленно вышел бы из машины.

Будто почувствовав мои колебания, Джой умоляюще подняла глаза. Расницы ее дрогнули. У нее это здорово получалось. Я ви-

дел ее такой, какой она хотела казаться... И от того, что определенное решение не приходило, мне стало вдруг не по себе.

— Со мной хотят свести счеты,— почти с испугом и беспомощно произнесла Джой.— Счеты, Эл... Счеты!

Слово «счеты» она повторила несколько раз. Когда банальную фразу так акцентируют, в ней может прятаться второй смысл. Но чего Джой боялась по-настоящему? Почему не рассказывала все?.. Так неуверенно ведут себя обычно в коробке, набитой аппаратурой, но неужели она никогда не проверяет свою машину?

Раскурив сигарету, я поднял голову, собираясь сказать малозначащие, принятые в таких случаях слова, но нужда в них отпала... За пару секунд, ушедших на сигарету, Джой успела расстегнуть куртку, и с локтя ее правой руки, все так же лежащей на руле, на меня смотрел никелированный ствол револьвера. У него был невероятно вызывающий вид, но я сразу понял — оружие настоящее. Я отчетливо видел отверстия по обе стороны барабана, и каждое из них было начинено штуками, способными наделать во мне кучу весьма убедительных дыр.

— В коробке у ваших ног изоляционная лента,— резко сказала Джой.— Обмотайте ею глаза!

Чуть сбавив ход, она продолжала:

— Мне нелегко будет убить вас, Миллер, но если понадобится, я это сделаю!

Я уступил. Не Джой. Ее револьверу. И так же безропотно, когда на одном из участков пути она остановила машину, позволил связать себе руки нейлоновым шнуром. Хватка у Джой была крепкая, мои локти это почувствовали.

— Лезьте в багажник, Миллер! — приказала она.

— А если я буду кричать?

— Сколько угодно,— разрешила она.— Мы в безлюдном месте.

— Послушайте,— сказал я, с трудом втискиваясь в багажник.— Вы — Джой? Вы правда сестра Джека?

Она фыркнула:

— Не чувствуете почерка?

— Наверное, вы правы...— вынужден был признать я. И Джой, опять фыркнув, с такой силой хлопнула крышкой багажника, что у меня чуть не лопнули перепонки.

4

Примерно через час машина свернула на подъездную дорогу и въехала в крытый гараж. Я понял это по облаку газов, заполнивших багажник. Сильные руки вытянули меня на свет, поставили на ноги:

- Иди осторожнее. Тут ступеньки!
- Может, вы снимете с моих глаз ленту?
- Заслужил он это, девочка? — услышал я хриплый смех.
- Пожалуй, да.
- Тогда иди, девочка, тебя ждут.

Когда шаги Джой стихли, опекун сорвал повязку с моих глаз, сразу же отступив на шаг.

Он мог этого и не делать. Я был связан, а он вдвое превосходил меня в весе. К тому же был вооружен. Я видел, как топорщились его накладные карманы. Здоровенный спортивный тип с желтым плоским лицом и узко поставленными голубыми глазами.

— Будешь дергаться, — предупредил он, — получишь! Я умею из любого живота делать сплошной синяк!

Он толкнул меня в кресло, а сам сел в другое, устремив взгляд на экран включенного телевизора.

Рост цен, угроза с востока, визит на Ближний Восток, ограбление ювелирного магазина... Опекун внимательно прослушал весь выпуск известий.

Я не понимал, чего он ждет, но когда передача кончилась, он встал, хрустнул суставами рук и удовлетворенно прохрипел:

- О нашем деле ни слова!
- Еще не успели, — подсказал я. — Через полчаса... час...
- Заткнись!

Ладно... Я не собирался с ним спорить. Да и он был настроен не очень воинственно. Внимательно оглядел меня, сунул в губы сигарету и сам разжег:

— Кури... Меня можешь звать Редом. Для тебя я — старина Ред. Мы теперь вроде как братья. Вставай!.. — И объяснил: — Маленькая загородная поездка.

3

Но маленькой назвать я ее не мог. Я почти задохнулся, когда Ред, наконец, извлек меня из багажника. Трещала голова, болели все суставы.

— Жив? — прохрипел Ред. — С твоей стороны это большая любезность.

Под ногами шуршала галька, потом песок. Меня вели по тропинке, я ощущал прохладу. Значит, мы были в пригородной или в парковой зоне... Но где?

Где — я не знал. Но человек, которому передал меня опекун, был мне знаком. Так знаком, что я предпочел бы с ним не встречаться.

Джон Лесли — так его звали. Несколько месяцев назад судь-

ба свела нас в деле фармацевтов. Я представлял Консультацию, он — Ассоциацию бывших агентов Федерального бюро расследований (Мэдисон-авеню, 274). Я искал секреты, он их хранил. Я пытался искать связи с шоферами, техниками, служащими, он отговаривал их от опрометчивых поступков...

Но дело фармацевтов выиграл я!

Не поднимаясь из-за стола (он всегда стеснялся своего небольшого роста), Лесли округлил глаза:

— Садись, Миллер. Я на тебя не сержусь. Нам нужен твой шеф, но его не толкнешь в багажник. Пришлось взять правую руку... Или ты левая рука?

Я усмехнулся.

— Но это неважно,— тем же будничным тоном продолжил Лесли.— Скоро ты отдохнешь. Тебя завезли сюда на минутку. Я боялся, что девочка обозначается, но она узнала тебя... Как ты ей поверил, Миллер? Неужели ты стареешь? Неужели ты начинаешь искать друзей?..

Он остановился и крикнул в микрофон, лежащий на столе:

— Кофе!

Суетливая женщина, от испуга и напряжения у нее дрожала нижняя губа, принесла поднос с чашками.

— Не могу развязать тебе руки, Миллер,— усмехнулся Лесли.— Если хочешь прибодриться, открой пасть. Я не хочу, чтобы ты выматывался. Нам еще предстоит беседы. Как ты догадываешься, они не будут короткими.

Я не противился. Лесли не Ред, а я и от Реда принимал услуги... И, послушно раскрыв рот, я большими глотками уничтожил содержимое чашки.

— Ты, наверное, пытался понять случившееся? — спросил Лесли.— Я тебе помогу... Задам три вопроса... От них зависит многое...

— Я слушаю.

— Так вот... Первое: как Консультация заграбастала главного эксперта фирмы «Счет»? Второе: где вы его держите? Третье: что собираетесь с ним делать?.. Обдумай хорошенько мои вопросы, Миллер. Время я тебе дам, немного, но дам.

Когда вернувшийся Ред снова завязал мне глаза, я провел ответный ход, рассчитывая на женщину, приносившую кофе. Если она была тут лицом случайным (а ее испуг косвенно подтверждал это), если Лесли просто ее купил, она еще могла пригодиться...

— Лесли,— спросил я.— Вы дадите мне пальто или опять сунете под одеяло?

Вопрос дурацкий, он должен был запомниться даже вконец запуганному человеку.

Но Лесли все понял и убил эффект:

— Ты здорово выпил, парень. Сейчас не зима. Обойдешься глотком кофе... Иди!

6

Я лежал теперь не в багажнике, а на заднем сиденье. И на меня, как это ни странно, действительно накинули одеяло. Оно было шерстяное и резко пахло потом. Пальцами связанных рук я сумел выдрать пару нитей и спрятал их за пояс брюк, сзади, единственное место, до которого я мог дотянуться...

Сопение Реда, сосущего сигарету (Лесли ехал не с нами), раздражало меня, но я молчал. Мы — воюющие стороны!

Я ничуть не преувеличивал.

Консультация, то есть шеф, Берримен, я, Кронер-младший, — все мы вели самую настоящую тайную войну против фирм, конкурирующих с нашими друзьями... Нас интересовало все: легкие аккумуляторы для электромобилей, специальные моторы для гоночных машин, транзисторы, радиолокационные системы, новые виды лекарственных препаратов... Вся добытая нами информация шла в руки шефа, хотя обрабатывал ее, конечно, не он... Но это нас, агентов, уже не интересовало. Мы получали свои проценты (весьма недурные) и помнили одно: молчание, молчание, молчание, ну и, конечно, лояльное отношение ко всем фирмам, которые обращались к нашей помощи хотя бы раз!

Любая фирма могла обратиться к нам с просьбой: «Там-то и там-то тот-то и тот-то ведет такие-то и такие-то работы... Нас интересуют эти работы, мы могли бы сами многое сделать в этом направлении... но — время!.. Времени у нас нет! А вот деньги...» Шеф улыбался, заключал договор, мы проводили акцию, заинтересованная фирма платила.

И сейчас, лежа на заднем сиденье мощной машины, увлекаемой Редом в неизвестное, я старался детально вспомнить все, что знал о деле Эксперта.

7

...В тот день шеф вызвал меня очень рано. И не куда-нибудь, а в разборный кабинет.

Я не оговорился, назвав кабинет шефа разборным. Стены, пол, потолок — все в нем было собрано из множества мелких плотно пригнанных друг к другу деталей, так что любую из них можно было за считанное время извлечь и изучить на предмет того, не нашили ли нам соперники уши.

Ламп в кабинете не было: электросеть может питать подслуши-

вающую аппаратуру... Освещался он керосинкой — гордостью шефа, купленной на аукционе. Посетители кабинета не только заполняли листки пропусков, но даже отрывали их — на специальной бумаге оставались отпечатки пальцев... Ни один документ не выбрасывался. Все бумаги шли в электрокамин и в специальные вентиляторы. Такая тщательность оправдывала себя — утечки информации у нас не случалось.

Самое интересное в тот день я увидел в демонстрационном зале.

Покопавшись в переключателях, шеф запустил камеру, и на белом экране в центре зала возникло изображение очень самоуверенного человека с высоким лбом, с темными, зачесанными на левую сторону волосами — наверное, он был левша... Рот человека ни на секунду не закрывался, но я не видел собеседника — камера была фиксирована на говорящем.

— Можно дать звук? — спросил я.

— Не стоит, — ухмыльнулся шеф. — С меня достаточно! — В голосе его скользнуло неподдельное изумление: — Я годами упражнял свою способность выслушивать бесконечные разглагольствования болтунов, но это — феноменальный случай! Одно меня утешает: человек, которого ты видишь, не просто болтун. Он гений! Самый настоящий гений!

— А конкретно, кто он?

— Главный эксперт фирмы «Счет». Крупнейший специалист по компьютерам. Человек, способный решать задачи, не зная метода их решения. Человек, способный ставить неочевидные проблемы. Человек, способный давать заключения, опуская второстепенные детали. Человек, умеющий предсказывать будущие состояния исследуемого объекта. Наконец, он из тех, кто умеет противопоставлять массовым предубеждениям свое собственное, именно свое, мнение!

— Достойная черта, — польстил я противнику.

Тучное, подчеркнутое тремя подбородками, лицо шефа расцвело. Он понимал, из каких соображений я лщу нашему противнику.

— Голова Эксперта, — сказал он, — стоит миллионы. Это будет наша голова, Эл!

Даже прожженные циники восхищались шефом.

Его имя никогда не встречалось в отчетах, он не провел ни одной акции сам, он не похитил ни одного, даже самого мелкого проекта... Но разве мысль о том, что по заказу можно украсть все (а именно этим мы и занимались), не важнее самого большого хищения?.. Старая поговорка гласит: поймавший рыбу сыт весь день, научившийся ловить рыбу — сыт всегда... Шеф научил нас ловить

рыбу. Наше заведение, прячущееся под скромной вывеской «Консультация», кормило его не хуже, чем Форда автомобили.

— Эл, я знаю немного, но с этого тоже можно начать... Несколько лет назад фирма «Счет» переманила из Европы Эксперта. Помнишь шумиху об утечке мозгов?.. Уже тогда Эксперт котировался как крупный изобретатель. А что такое изобретатель, Эл? Изобретатель — это бич бизнеса. Появление нового вещества или нового процесса, как правило, ведет к неприятным последствиям — к изменению надежно налаженного производства. Не каждый промышленник на это пойдет... А вот фирма «Счет» пошла. С появлением Эксперта, пойдя на большие, я бы сказал, рискованные потери, фирма «Счет» перестроила свое производство, и уже через год начала пожинать плоды... Все только рты разевают, следя за тем, как фирма «Счет» продает патенты тех изобретений, что лежат еще в сейфах их конкурентов. И их никто ни в чем не обвинит: они не имеют промышленной агентуры, они не воруют чужих секретов, но зато... зато они моментально доводят до воплощения в жизнь те идеи, что витают в воздухе!.. Я немало поломал голову — в чем тут дело? И, кажется, выяснил: в компьютере, созданном для фирмы «Счет» нашим дорогим гостем — Экспертом. Достаточно случайного разговора, одной неловкой фразы в проспекте, слишком четкого рисунка в журнале, чтобы Эксперт с помощью своей сверхумной машины в считанные дни дал не только теорию исследуемого объекта, но и его технологию. Это ли не переворот в промышленности?!

— И это возможно?

— Спроси об этом наших друзей... Машина Эксперта обирает не только их, она убивает и Консультацию. Если дело пойдет так и дальше, дружественные нам фирмы полностью прогорят, а мы останемся без работы.

— Но ведь Эксперт, насколько я понял, в наших руках...

— Эксперт — да. Но его компьютер работает. Наверное, Эл, это очень дорогая и очень сложная машина. И ее, наверное, так же сложно и дорого... восстановить.

— Она что, сломалась?

— Еще нет...

— Ее сломает Джек?

— Джек занят.

— Лендел?.. Когда-то он работал там, в фирме «Счет»...

— ...А потому непригоден для внедрения! — закончил за меня шеф. — С этим делом справишься только ты! После дела фармацевтов я в тебя верю.

— А что будет с Экспертом?

Шеф уклончиво улыбнулся:

— Это будет зависеть от того, чью сторону примет он в нашей маленькой операции...

9

Я вспомнил все это, слушая хрип Реда.

Путешествие наше, наконец, закончилось. С меня в последний раз сорвали повязку и толкнули в лифт.

После темного лифта свет в коридоре ослеплял. Я зажмурился, Ред поддержал меня.

— Держись,— сказал он без всякого выражения.— Пройдем обработку, выспишься.

Видимо, будущее мое не было столь уж страшным. Иначе мне не развязали бы руки. А Ред это сделал, даже растер их и длинным, омерзительно голым и пустым коридором повел меня к далеким дверям.

Мы вошли в самый настоящий бассейн. Купол его, украшенный фальшивым витражом, поднимался высоко вверх, и явно должен был торчать над каким-то зданием, но ничего подобного в городском пейзаже мне не вспомнилось.

По приказу Реда я разделся до гола. Белье мое, вместе с драгоценными нитями, выдранными из шерстяного одеяла, уплыло по транспортеру, и в будущем я никогда его не встречал...

Обработка была настоящая.

Струи воды мощно хлестали меня со всех сторон, как наждаком обдирая тело. Спустившись в бассейн, Ред сильными короткими пальцами промассировал мою кожу — искал вшитую аппаратуру... Но на этом обработка не кончилась... Волосы! — прекрасное место для миниатюрной кинокамеры! Ред постриг меня... Ногти! — разве нельзя под ними спрятать микрофон? Ред аккуратно подрезал ногти...

Переодевшись в доставленную по тому же транспортеру одежду — мятые джинсы, короткую куртку,— я попросил у Реда сигарету.

— Кури! — разрешил он и выдал целую пачку.

В коридоре было все так же пусто. Только раз мелькнула под ногами мраморная плитка с фирменным знаком строительной компании да зашуршала под ногой обертка, сорванная с шоколадки фирмы «Херши» — отпечаток красивых губ шоколадного цвета... «Не привязка,— подумал я.— Строители и кондитеры — не привязка...»

— Ну, Миллер,— сказал Лесли, когда Ред ввел меня в кабинет.— Сейчас я отправлю тебя на отдых. Ты должен знать, что я веду себя честно... Но сперва взгляни на экран. Это заставит тебя смотреть на вещи шире.

Я повернулся к экрану встроенного в стену телевизора и увидел тот же бассейн, из которого вышел. Только на ступеньках его сейчас, между двумя здоровяками в гражданском, стоял... чтец Лендел! Облаченный в шикарный ярко-зеленый костюм (Ленделу всегда не хватало вкуса), он недоверчиво и затравленно озирался, возвышаясь над опекунами, как демонтированный строительный кран.

Глаза Лендела — вот что мне не понравилось!

Лендел боялся...

Он еще пытался прятать страх, он еще стыдился его, но система контроля явно уже полетела к черту! Пара ударов — и из чтеца можно будет выжать все, что потребуется!

«Крепко же они принялись за Консультацию,— подумал я,— если за какие-то сутки Лендел и я очутились в руках Лесли, а Джой согласилась на него работать!»

Лесли внимательно следил за мной:

— Все ясно?

Я кивнул.

— Хочешь жить с Ленделом в одной комнате?

— Нет! — быстро ответил я.

— Почему?

Я ухмыльнулся, и он понял.

Между мной и Ленделом была разница. Он-то, может, и сомался, но я... Я — профессионал!

10

Комната, в которой меня «посадили», ничем не отличалась от стандартных номеров второсортного отеля. Даже телефон был такой же, без всяких приставок.

Я поднял трубку и услышал голос Реда:

— Ну?

— Жрать! — сказал я.

— Выспись,— прохрипел он.— Я знаю, когда что давать, парень!

Я положил трубку.

В словах Реда был смысл. Не я диктовал условия, хотя и должен был в чем-то им подыграть... И еще эта усталость... Я, кажется, впрямь отравился в багажнике...

Я лег на кровать, и голова у меня закружилась...

А когда проснулся, прямо передо мной, в двух шагах от меня, в старом кресле, явно списанном из настоящего отеля, сидел несчастный, униженный чтец. Его стриженная голова нелепо торчала из высокого воротника серой казенного цвета куртки. В таком костю-

ме он чувствовал себя вдвойне несчастным... И, будто угадав мою мысль, Лендел безнадежно сказал:

— Нам не выбраться, Эл. Они схватили меня в кино. Я понять не мог, что к чему, пока не увидел Лесли... Отсюда не уйти, Эл, это, кажется, девятый этаж, и — никаких пожарных лестниц! Вот так!

Лицо его было поцарапано, левый глаз заплаыл синяком.

— Тебя били?

Он лихорадочно заморгал — он боялся:

— Эл, что с нами будет?

Я пожал плечами.

— Я не участвовал в акциях Консультации!

— Но ты был чтецом!

— Чтец не отвечает за акции.

— Ты пришел к нам из фирмы «Счет», а мы, кажется, в их лапах... Они могут припомнить тебе что-то свое. А? Как ты думаешь?

— Я не выдавал их секретов, Эл. Я был интересен Консультации только как чтец. Я чистый, Эл! Неужели они убьют и меня?

— Не хочу тебя разочаровывать...

Лендел вздрогнул. Потом поднял глаза, и я не увидел в них мысли. Пустые, безумно испуганные глаза.

— Я чистый, Эл! — зачастил он. — Подтверди им это! Если я выберусь, я помогу тебе!

— Подай сигареты. Вон там, за тобой, на столике. И закури сам!

— Эл! Я ведь и правда чистый!

— Вот и воспользуйся своей чистотой!

— Эл, они мне не верят!

Я рассмеялся.

Они ему не верят!..

А кому верим мы?

Разве я верю Джеку или шефу? Я просто держусь с ними на коротке. Это дает возможность почувствовать опасность сразу, как только она зародится в их мозгах. Мы связаны в Консультации одним-единственным чувством — чувством опасности. Мы не можем, мы не должны верить никому. Поверить кому-то — смерть. Я только раз решился на такую слабость — поверил Джой (она мне понравилась). Результат налицо — я в руках Лесли... «А Лендел, — сказал я себе. — Лендел — дурак! От таких надо держаться подальше. Он еще не понимает — это только начало. Он еще не понимает: всему есть конец!»

Конечно, Лендел был жалок. И все же его не следовало списывать со счета. Он еще мог пригодиться. В какой-то момент я мог, не раздумывая, пожертвовать им, как, не раздумывая, пожертвовала мной в своей еще непонятной мне игре сестра Джека...

Охраны у моих дверей не выставили — Лесли держал слово. Впрочем, была ли необходимость в охране? Куда я мог деться из полностью перекрытых пространств коридора и двух комнат?

Когда я без стука вошел к Ленделу, он полулежал в кресле, закинув руки за голову, и в позе его было столько отчаяния, что я поморщился. А он, узнав меня, сразу и нервно вскочил. Глаза его расширились:

— Тебя не бьют? Почему?

Он был жалок. Но винить в этом я мог только его. Он не был профессионалом, он был только чтец. Он искал информацию в открытой печати. Я искал информацию в закрытом мире. Большая разница... И все же он чем-то очень крепко насолил фирме «Счет», иначе его оставили бы в покое...

Эксперт! Похищенный Консультацией Эксперт! Наверное, в этом крылись корни наших злоключений... Кто-то пожертвовал Ленделом, кто-то мной... Кто-то подставил под удар Эксперта, кто-то сестру Берримена... Пауки в банке!.. Все мы — пауки в банке... И так ли случайно то, что произошло со мной? Не подставлен ли я под удар специально?..

Эта мысль мне не нравилась. Но, вспоминая шефа, его вкрадчивые движения, его постоянные недомолвки, я готов был поверить в крайность.

Отгоняя преследовавшую меня мысль, я спросил:

— Что ты знаешь о фирме «Счет»?

Лендел испуганно уставился на меня.

— Успокойся... Я не о твоём прошлом... Не собираюсь тебя топить... Я хочу знать все то, что ты не рассказал мне тогда, в Консультации.

Прикрыв глаза ладонью, как от резкого света, Лендел откинулся в кресла, но ответить не успел.

Хлопнув дверью, вошел Лесли, прислонился к косяку:

— Миллер! Следуйте за мной.

Но это он следовал за мной, настороженный и все же веселый. Настроение у него, точно, было неплохим. Он, кажется, даже в росте прибавил или уж очень прямо держался. А в кабинете сразу сказал:

— Начнем с главного... Работа! Тебя устраивает твоя работа?

Я пожал плечами:

— Она меня кормит.

— Не хочешь говорить откровенно?.. Тогда я отвечу за тебя: твоя работа тебя не устраивает!.. Сам знаешь ее минусы. Во-первых, она противозаконна. Во-вторых, не дает никакого удовлетворения. В-третьих, держит в вечном страхе. В-четвертых, не окупается... Я имею в виду не деньги. Я имею в виду сам труд... промышленного шпиона. Такие, как ты, воруют отнюдь не у частных фирм. Такие, как ты, обворовывают государство, а значит... самих себя. Верно?

— Ну,— возразил я.— Если смотреть на наши действия, как на некое необходимое перераспределение информации, все выглядит несколько иначе. Отбирая ценную, редкую, важную для всех информацию у кучки людей, мы делаем ее достоянием многих!

— Приятная мысль,— холодно согласился Лесли.— Но шпион, как правило, вооружен и не останавливается ни перед чем, даже перед убийством... Я не спрашиваю тебя, пускал ли ты в ход оружие... Но я хочу сказать: у тебя есть голова, Миллер. Оторвать ее не так легко, но... можно. А это неплохая, очень неплохая голова, Миллер, и мне ее жаль... Я и стоящие за мной люди легко могут закрыть глаза на твое прошлое... если...— Он секунду помедлил: — ...ты будешь с нами... Преимущества очевидны, верно? Твоя деятельность будет строго законна! Тебе не надо будет прятаться под чужими именами, жить в вечном страхе, дрожать над алиби... Ты можешь стать достойным гражданином своей страны, Миллер!

Он помолчал и холодно добавил:

— Есть еще один вариант: исчезновение. Бесследное исчезновение. К врагам мы умеем применять и такие методы!

— И это законно? — усмехнулся я.

— Ответственность за исчезновение может взять на себя лишь один человек. Никто и никогда не узнает, кто он. Не тебе говорить об этом.

Я кивнул. Я знал: когда их довести до точки, они забудут закон...

— Не тороплю тебя с ответом, Миллер. У тебя примерно неделя... Отсыпайся, пей кофе, у нас ты в полной безопасности. Ни войти сюда, ни выйти отсюда не может никто, можешь поверить.

Он помолчал и спросил вдруг совсем другим тоном:

— Кстати, почему ты решил переквалифицироваться в цифровика?

Теперь я не сомневался. Мною занималась именно фирма «Счет». И занималась она мной, несомненно, в связи с похищением Эксперта... Ибо кто, как не «Счет», могла так бояться цифровиков, этой элиты промышленного шпионажа?.. Я хорошо помнил невинные и неофициальные развлечения лучшего нашего цифровика Кронера-младшего. Он сам сумел раскрыть секретный зуммерный

код компьютера «Пасифик телефон энд телеграф компании». Зная этот код, Кронер-младший, пользуясь печатающей приставкой к своему телефону, произвел крупный заказ на поставку телефонных и телетайпных аппаратов и весьма выгодно сбыв их, оставшись вне досягаемости как закона, так и личной полиции компании «Пасифик».

Но это эпизод.

Настоящие цифровики гоняются не за прибылью, хотя в итоге получают ее. Настоящих цифровиков интересует та информация, что хранится не в механических сейфах, а в запоминающих устройствах компьютеров. Не случайно об утечке такой информации заговорили в последнее время деятели самого высокого класса. И действительно, разве не может случиться так, что на сверхсекретную информацию, казалось бы, так надежно спрятанную в мозгу машины, вдруг выйдет человек, мягко говоря, ненадежный. Человек, способный продать эту информацию не другому такому же человеку, а, например... другому государству!

Но я не был цифровиком. Я — химик.

Так я и сказал Лесли.

Он улыбнулся и выложил на стол крошечный магнитофон.

«...А вот фирма «Счет» пошла,— услышал я голос шефа.— С появлением Эксперта, пойдя на большие, я бы сказал, рискованные потери, фирма «Счет» перестроила свое производство... Все только рты разевают, следя за тем, как фирма «Счет» продает патенты тех изобретений, что лежат еще в сейфах их конкурентов. И их никто ни в чем не обвинит: они не имеют промышленной агентуры, они не воруют чужих секретов, но зато... зато они моментально доводят до воплощения в жизнь те идеи, что витают в воздухе!.. Я немало поломал голову: в чем тут дело? И, кажется, выяснил — в компьютере, созданном для фирмы «Счет» нашим дорогим гостем — Экспертом. Достаточно случайного разговора, одной неловой фразы в проспекте, слишком четкого рисунка в журнале, чтобы Эксперт с помощью своей сверхумной машины в считанные дни дал не только теорию исследуемого объекта, но и его технологию. Это ли не переворот в промышленности?»

Как они могли подслушать нас? Подсунули аппаратуру в демонстрационный зал?..

Воистину мы живем в голом мире!

Лесли выключил магнитофон и уставился на меня:

— Ты не представляешь, Миллер, каких трудов нам стоило отработать компьютер Эксперта. Нам и в голову не приходило, что из-за вас охрана его станет делом столь дорогим и важным... Ты талантливый парень, Миллер, но на этот раз и ты алип. Думал об этом?

Я не ответил. Пусть выговорится...

Впрочем, Лесли понял меня:

— Догадывавшись, зачем сунули тебя в багажник машины?

Я догадывался:

— Обмен?

Лесли удовлетворительно кивнул:

— Да... Но помни: это не исключает моего предложения. Обмен мы произведем в любом случае. Но тебе лучше работать на нас. Любой твой подвиг фальшив. Помни это.

12

Итак, Лесли свое слово сказал. И оно упало на хорошо удобренную почву.

Я не мог не задумываться над своим будущим.

И сейчас, сидя в кресле, под забранным решеткой окном, я, как пасьянс, раскладывал в уме свои шансы.

Шансов было немного, но они были.

Первое. Принять предложение Лесли... Если Консультация впрямь на крючке, нет смысла за нее бороться. Сестра Берримена подала прекрасный пример...

Второе. Попытаться понять, насколько серьезно положение самого Лесли... Что и кто стоит за ним?... Стоит ли повернуть игру вспять?..

И третье. Поиграть с Лесли, выждать время, решить игру самому...

Именно над третьим вариантом я и думал. Два первых требовали дополнительной информации. Я ее не имел.

И была еще одна привязка — Лендел.

Как я уже говорил, Лендел был чтец. Он занимался именно чтением. Чтением всевозможной, как правило, открытой литературы. Не секрет, что восемьдесят процентов секретных сведений агент в наше время может добыть именно в открытой печати. Лендел умел читать!.. Уйдя из фирмы «Счет», он не потерялся. Он был видной фигурой в Консультации. Он много знал о прежних хозяевах... Это имело, правда, и неприятную сторону. В фирме «Счет» о нем не забыли. В самом деле: тот, кто продает секрет, зарабатывая на этом деньги, всегда может преступить и более серьезную грань: на утечке чужой информации построить собственное производство! В деловом мире таких вещей не прощают.

Впрочем, меня интересовали более важные вещи.

Например, кто предупредил Лесли о готовящейся против фирмы «Счет» акции? И только ли Джой была им перекуплена?

Закурив, я попытался во всех подробностях восстановить одну весьма интересную беседу с чтецом, состоявшуюся дней пять назад, когда шеф приказал Ленделу ввести меня в курс дела.

«Мои предположения,— сказал тогда Лендел,— могут оказаться несостоятельными. Однако в любой информации, Эл, всегда есть кусочек истины... Так вот, ты знаешь, что именно человек и только человек умеет успешно решать самые разные задачи по классификации и распознаванию объектов, явлений и ситуаций. Это причина того, почему промышленные фирмы так старательно ищут все более и более эффективные способы использования человека в качестве элементов самых сложных автоматических систем. Заменить человека специализированным распознающим аппаратом пока невозможно. Только человек обладает центральной нервной системой, осуществляющей отбор и переработку информации. Только человек умеет предвидеть, то есть чисто интуитивно найти правильный путь к решению внезапно возникающих проблем. У машин, Эл, даже у самых умных машин, таких способностей нет. И еще... Число принятых человеком решений, как правило, всегда конечно, сколь бы ни были бесконечны состояния внешних сред. Например, машинистка, какие бы варианты одного и того же звука ей не предлагали, всегда будет ударять по одной строго определенной клавише. Машина же, повторяю, выбирать не умеет. Точнее — не умела... Потому что с появлением компьютера, созданного Экспертом, положение резко изменилось. Эта машина, Эл, способна давать именно ограниченное, максимально близкое к правильным, число решений при любом множестве изменений характеристик внешних сред. То есть мы получили систему. Систему человек — машина. Единую, цельную, в которой равное значение играет как тот, так и другой элемент...»

Вспоминая слова Лендела, я прозревал.

Что ж... Лендела, действительно, не стоило выводить из игры... По крайней мере беседа с ним была мне теперь просто необходима.

13

Но когда, пообедав, я постучал в соседнюю дверь, мне не ответили.

Лендела не было.

И телефон его был отключен...

Три дня, в течение которых я был предоставлен самому себе, прошли томительно, как в пустыне. Ни шагов, ни слов не раздавалось в пустом коридоре, только хриплый смех Реда время от времени нарушал тишину.

А потом все изменилось. Пришел Лесли.

Держался он прямо — истинный победитель! Но в его холодных глазах я даже не увидел, а просто почувствовал тень тщательно скрываемой им растерянности.

— Ну, — спросил Лесли. — Ты что-нибудь решил?

Я покачал головой:

— Мне мешает пример Лендела.

— Выражайся яснее, Миллер.

— Лендел пришел к нам, в Консультацию, но... его карьера не оказалась удачной... Если я приду к вам, думаете, шеф оставит меня без присмотра?... Боюсь, рано или поздно я очнусь в багажнике другой машины.

— Нет! — твердо и, как мне показалось, с вызовом ответил Лесли. — Дни Консультации сочтены, она слишком активно начала вмешиваться в чужие дела, твой шеф переоценил свои силы. Что же касается Лендела, ты прав... он не сделал карьеры... Но ведь Лендел не профессионал. Такие, как он, и Консультации, и нашей фирме нужны временно... Ты же, Миллер! — Голос Лесли окреп. — Ты, Миллер, профессионал! От таких, как ты, всегда зависит многое. В фирме «Счет» ты будешь на месте! Скажу тебе больше: ты уже сейчас можешь приступить к делу!

— Вот как?

— Да! — твердо сказал Лесли. — Несколько часов назад Лендел убил своего опекуна. Вероятно, у него с головой не в порядке. Он ворвался в технический отдел и завладел хранившимся там оружием нашей охраны. Больше того, Лендел захватил трех заложников и угрожает убить их, если мы не предоставим ему возможности уйти.

— Ну, Лендел! — удивился я. — Я не предполагал такого темперамента!

— Не буду скрывать, — мрачно улыбнулся Лесли, — заложники и сам Лендел для нас не проблема. Все трупы я спокойно могу списать на Лендела... Но мне не хочется шума... И, кроме того, Лендел мне нужен живой!.. Ты правильно понял, Миллер, мы договорились с твоим шефом об обмене. Он — Эксперта, мы — Лендела или... тебя. Видишь, я откровенен. Решай.

Я задумался:

— Что вы уже предпринимали?

— Попытались пустить газ в отдел, где заперся Лендел. Но этот сумасшедший заставил заложников сунуть шеи в петли ими же самими сооруженной виселицы. При газовой атаке они погибли прежде, чем мы пристрелим Лендела... Понимаешь, что тебе предстоит?

— Это будет нелегко, — сказал я.

Лесли недоуменно поднял на меня глаза:
— А разве у фармацевтов тебе было легче?

14

Мы прошли весь коридор, очень длинный, изгибающийся под неожиданными углами. Судя по всему, здание, в котором меня держали, было огромным, прекрасно изолированным от остального мира. Поразительно пустые коридоры, хотя где-то рядом явно работали люди... Фирма «Счет» умела хранить тайны.

Остановились мы метрах в десяти от дверей отдела, в котором закрылся Лендел. Несколько молодых людей в штатском (это понятно: никакой полиции! мы, «Счет», решаем свои проблемы сами!), стояли, прислонившись к стене, держа руки в карманах удобных коротких курток.

Лесли шепнул:

— Действуй!

Остановившись на шаг в стороне от двери, я крикнул:

— Лендел, не стреляй! Это я — Миллер!

Даже по голосу я почувствовал, как измотан чтец. Нерано и суетливо он завопил:

— Хочешь ко мне? Это дело! Я впущу тебя. Они правы — крик следует держать вместе! Но пусть за тобой никто не идет! Я убью всех!

— Они хотят, Лендел, чтобы я был с тобой!

— Правильно! — дребезжаще рассмеялся Лендел. — Они знают, что у меня в руках армейские автоматы. Входи, Миллер! Входи! Но один!

— Будь осторожен! — крикнул я. — Я иду один!

И втиснулся в приоткрытую дверь.

Комната была почти пуста, только в дальнем ее углу возвышалась постровенная Ленделом баррикада — перевернутые столы и стулья, разбитые кульманы, чертежные доски... В одном из специально оставленных «окон» я увидел стволы двух направленных на меня автоматов и бледное лицо Лендела.

Заложники — трое — стояли в нескольких метрах от двери. Руки в запястьях им стягивал нейлоновый шнур, и такой же тянулся к шее каждого от вентиляционной трубы. Если бы не блеск страха в глазах, можно было подумать — нелепые игры!

«Странный путь привел меня в эту комнату», — подумал я.

И пока Лендел рассматривал меня, подозрительно, но со смехом, подумал еще раз: «Странный путь...»

Меня могли прихлопнуть в Стамбуле, в Бриндизи, во Вьетнаме, но так случилось, что я прошел эти ступени, и стоял теперь перед стволом армейского автомата, нервно прыгающего в руках чтеца Консультации.

— Ну, что? — торжествующе выкрикнул Лендел. — Я же говорил, что вывернусь! — он странно хихикнул, и я подумал: «Лесли прав, у него с головой не в порядке».

А Лендел не унимался:

— Мы уйдем, Эл! Они выпустят нас! Они не посмеют и пикнуть! Видишь, кем я владею? — он хитро, как настоящий психолог, взглядом указал на застывших под вентиляционной трубой заложников.

— Думаешь, — спросил я, — им будет трудно списать трупы на твой счет?

— Не посмеют! — захихикал Лендел. — Не посмеют! Я знаю!

— Что ты знаешь?

— В моих руках сам Эксперт!

— Эксперт? — удивился я.

И подумал: видел ли он вообще Эксперта? Не в правилах шефа одни и те же детали обсуждать с двумя людьми...

— Он здесь, Эл! — возбужденно, не договаривая слов, зачастил Лендел. — «Счет» не захочет терять Эксперта! Я, я-то знаю почему!

— Почему? — спросил я терпеливо.

— Ты забывчив, Эл! — подозрительно заметил Лендел, приглядываясь ко мне. — Забыл нашу беседу? Там, в Консультации!

— Человек — машина? — спросил я. — Система?

— Вот именно! — обрадовался Лендел. — Я говорил: в этой системе одинаково важен как тот, так и другой элемент! — Он хищно пробежал взглядом по заложникам: — Но любую систему ведет все же человек, Эл! — Лендел издал смешок и нервно заторопился: — Представь себе великолепный, редкостный музыкальный инструмент, Эл. Хотя бы скрипку! Любой дурак сможет извлечь из нее звуки. Сотня-другая может сносно сыграть. Десяток сыграет великолепно. Но только один-единственный настоящий мастер играет на ней божественно!.. Я говорю об Эксперте, Эл! О гении программных импровизаций. О человеке, который, как никто, владеет своим компьютером!.. Теперь понял? — Лендел явно наслаждался эффектом: — У меня хорошая голова, Эл! Умная голова!.. Это вы пошли на поводу у легенды! Забыли об Эксперте! Решили убить его машину. А дело не в машине, Эл. В человеке!

Так же внезапно, как начал, Лендел оборвал свой горячий монолог:

— А ну, Эл, выясни, кто из них Эксперт. Быстро!

Я приблизился к заложникам.

Все они были одеты в темные комбинезоны техников. У одного из кармана торчала логарифмическая линейка. Он был веснушчат, маловыразителен, но именно он привлекал внимание, ибо, несмотря на страх, явно пытался осознать происходящее вокруг него и его товарищей.

— Эл! — крикнул Лендел из-за своей баррикады. — Говорят, у Эксперта есть шрам. Ищи на ладонях!

Я облегченно вздохнул: Лендел явно никогда не видел Эксперта. И приказал:

— Руки!

Все трое, как манекены, выкинули перед собой связанные в запястьях руки. Вены их вздулись, лица потемнели от напряжения... Еще час, подумал я, и заложники начнут падать. Когда упадет последний, песенка Лендела будет спета. Его желание жить, даже подкрепленное парой армейских автоматов, вряд ли устоит перед ребятами Лесли...

Значит...

Значит, я должен сыграть в свою игру.

Повернувшись к Ленделу, я хотел крикнуть, что он ошибся, что Эксперта среди заложников нет, но тот, веснушчатый, вдруг с отчаянием вскрикнул:

— Это я — Эксперт! Я!

Его нелепое признание было продиктовано страхом, но Лендел обрадовался. Лендел торжествовал:

— Эл, ты видишь? Я выиграл! Тащи Эксперта сюда! Энергичней!

Силу применять не пришлось. Когда я снял петлю с шеи веснушчатого, он сам пошел к баррикаде, к проходу, оставленному в ней.

В трех шагах от баррикады мы остановились, и веснушчатый, озяв, с отчаянием повторил:

— Я — Эксперт! Я!

— Чем докажешь? — быстро спросил Лендел.

— Спрашивайте!

— Кто эти люди? — Лендел повел стволом автомата по съежившимся заложникам.

— Охрана.

— Почему на тебе комбинезон техника?

— Я не франт! Я сам веду лабораторные работы!

— Отлично! — заявил Лендел.

Его перевозбужденному мозгу вполне хватило такой информации. Но я с ней не согласился.

Реакция Лендела оказалась однозначной. Он побагровел:

— Ты — Эксперт?

— Да! Да! Да! — истерически выкрикнул веснушчатый техник, «Сумасшедшие», — подвел я итог...

Будь у меня оружие, я без колебаний пустил бы его в ход. Но оружия не было...

— Руки! — завопил Лендел. — Покажи руки!.. Ага! Смотри, Эл! У него на ладони шрам!

Я промолчал.

Шрама на руке техника не было. Лендел видел лишь то, что хотел видеть.

— В угол! Лечь! Лицом вниз! — скомандовал Лендел заложнику, и когда тот выполнил приказ, спросил меня:

— Эл! Тебе можно верить?

— Разумеется. — Возражать не было смысла.

— Тогда займи место в петле Эксперта! — усталость, надорванность, лихорадка двигали Ленделом. В любую секунду палец на курке мог сорваться... Длинная шея, выдергивающаяся из воротника, морщины на лице... Сколько ему лет?... Пятьдесят, не меньше... Что же, он сам выбрал себя конец...

— Хорошо, — сказал я. — Но, Лендел, дай слово, что пока у нас есть шанс, ты не будешь в меня стрелять.

Он удивился, но, подумав, не без торжественности заявил:

— Мы выберемся, Эл! Выберемся!

Поворачиваясь, я зацепился ногой за сломанный стул. Это случилось столь неожиданно, что Лендел вздрогнул и непроизвольно нажал на спуск. Полобоймы вошло в стол, возле которого я стоял секунду назад.

Еще летела вокруг щепы, когда я вцепился в узкое горло, горячее, твердое, странно скользящее под пальцами. Только борясь с Ленделом, пытаюсь по-настоящему добраться до его горла, я понял: он, действительно, не в себе. Только сумасшедшие обладают такой силой!

Но я и сам был уже сумасшедшим. И к этому нашему сумасшествию примешивалось отчаяние потерять все, до чего, как каждому из нас казалось, мы успели уже дотянуться. Несколько раз я бил Лендела ребром ладони, но каждый раз неудачно. Наконец удар получился. Лендел задохнулся и выпустил из рук автомат. Упав на колени, Лендел шарил по полу скрюченными пальцами, хрипел, ударялся головой об углы торчащего над ним кульмана.

Тяжелая рука Лесли легла мне на плечо:

— Идем, Миллер. С ним кончено...

Я выпрямился.

Поразительно, как много мебели мы успели сломать...

И когда меня уводили, я чуть ли не с удовлетворением поды-

мал: это сложное дело! Но теперь я догадываюсь о выходе! И еще неизвестно, кто выиграл это дело: Лесли, так уверенно направляющий меня в пустой коридор, или я, у которого, на взгляд Лесли, не осталось теперь ни одного шанса...

16

Ошибался ли Лендел, говоря о неравнозначности машины и человека?

Интуитивно я понимал, что мой выигрыш находится в верном ответе на этот вопрос.

Чего хотел шеф? Уничтожить компьютер Эксперта.

Чего хотел Лесли? Защитив компьютер, получить Эксперта.

Чего хотел Лендел? Заполучить того же Эксперта...

Значит...

Значит, ключ ко всему был в руках шефа. И он, шеф, должен был понимать, что, пока он владеет ключом, Консультация держит игру в своих руках.

Но, судя по всему, шеф так не думал. И все теперь зависело от того, сумею ли я помешать гениальному импровизатору вернуться к своему великолепному инструменту.

Мне не хотелось заглядывать в будущее, но усталый мозг сам рисовал потрясающие и зловещие картины.

Я видел, как год за годом совершенствуется методика Эксперта, как год за годом растет производительность, можно сказать — талант его машины. Одна за другой сходят со сцены промышленные фирмы страны, ибо вся необходимая для них информация собирается в запоминающих блоках фирмы «Счет». И в итоге именно она возвышается над страной как айсберг, подмывший под себя все... Одна-единственная фирма, решающая судьбы страны... А не в этом ли и заключается конец любой, даже самой условной демократии?

Только я, промышленный шпион Эл Миллер, мог противостоять столь страшной, столь зловещей силе!

17

Не могу сказать, что я провел ночь хорошо. Но я провел ее с пользой.

По крайней мере появление Лесли меня не смутило.

Меня интересовали не шутки, которыми он старался меня приободрить, не его тщеславие, ясно написанное на узком лице, — меня интересовало, чем он, Лесли, вооружен? И я заметил чуть оттопыренный карман его куртки.

«Такая же игрушка,— подумал я,— болтается у него под мышкой». Но мне была важна именно эта — в кармане... Лишь бы он не переложил ее в более удобное для него место...

— Скверная ночь,— посочувствовал мне Лесли.— Я тоже почти не спал.

Вопрос доверия явно был его коньком. Лесли продолжал говорить правду. Его не смущало, что она была столь же субъективна, как и он сам.

Но, может быть, подумал я, действия Лесли и впрямь являются единственно возможной реакцией на сам дух промышленного шпионажа, который, как ржа, съедает вокруг все? Разве не мы сами сделали практически невозможным любое бескорыстное распространение технических новинок? Ведь даже когда НАСА, организация, занимающаяся изучением Космоса, объявила, что все побочно сделанные ее сотрудниками изобретения могут быть приобретены любой фирмой, почти никто не решился послать открытку за двадцать пять центов, но многие продолжали усиливать свою агентурную сеть, то есть продолжали ломиться в открытые двери!

Нелепо, но так!

18

Мы выехали под вечер.

Мощная машина с ревом разрывала вечерний воздух.

Погруженный в мрачные размышления, я не замечал ни улыбающегося Лесли, ни сосущего сигару Реда, ни даже связанного Лендела, бессмысленно уставившегося в ветровое стекло. Лендел стоял. Лендел выглядел очень старым.

Не знаю, был ли на Земле человек, который так остро ощущал бы нестабильность сегодняшнего дня и неопределенность для завтрашнего...

Компьютер Эксперта — торжество и триумф фирмы «Счет» — высился над моим сознанием как гора, в бездонные пещеры которой уже начала стекаться вся мировая информация... Пройдут годы, и в нашем голом, начиненном подслушивающей и подсматривающей аппаратурой мире людям останется право лишь на такие тривиальные истины, как, например: после ночи приходит утро... Не больше... И мы, жалкие, задыхающиеся в бушующем потоке банальностей, как воду, как воздух, как хлеб, будем вымаливать знаний у великого и единственного Эксперта!.. Неважно каких... Любых... Просто знаний... Ибо они, знания, столь же необходимы человечеству, как хлеб, как вода, как воздух...

Въехав в рощу, Лесли остановил машину, вылез наружу, поманил меня за собой.

— Твой шеф явится минут через десять... Как думаешь, что нам делать с Ленделом? Мне не нравится его вид. Ребята нашей охраны несколько переусердствовали, но Лендел сам довел их до этого...

— Лендела следует развязать,— хмыкнул я.— Не думаю, что он способен на фокусы.

Лесли кивнул Реду.

Я отвернулся. Мне не хотелось видеть жалких гримас Лендела.

— Ты парень что надо,— негромко сказал мне Лесли, прислоняясь к дереву.— Если ты даже не придешь к нам, удовлетворение я получил... За фармацевтов...

Я кивнул. Лирика меня не интересовала. Чуть оттопыренный карман его куртки — вот во что превратился для меня мир...

«В крайнем случае,— подумал я,— стрелять можно будет прямо сквозь ткань... Главное — успеть!»

Боясь вызвать подозрения, я отвел глаза в сторону, вынул из кармана сигареты: пусть Лесли видит, что мои пальцы заняты...

— Но я думаю,— сказал мне Лесли,— ты придешь к нам... Мы сломали, наконец, ваше гнездо... А один ты сломал шею...

Я улыбнулся.

Я не мог отлежаться на разговоры.

А Лесли... Лесли рано торжествовал победу. Он не догадывался, что все решит не его выдумка с похищениями и обменом, а одна-единственная секунда. Она, эта секунда, еще не пришла, но она уже приближалась с далеким ревом мощного автомобильного мотора, который я не мог спутать ни с каким другим.

Мягкая земля, сырые листья... Совсем недавно прошел дождь.

Услышав рев мотора, Лесли оторвался от дерева и встал слева и чуть впереди меня. Ред и Лендел оставались в машине.

Прошли две-три минуты, и впереди, за деревьями, показались два человека.

Первым шел шеф, непомерно большой в своей шляпе и тяжелом плаще, подбитом тепловолокном.

За шефом, отстав на полшага, следовал Эксперт. Я сразу узнал его, удивившись лишь росту. На экране телевизора Эксперт казался выше. Видимо, его подавляла фигура шефа, но вот самоуверенность

Эксперт не растерял, даже побывав в Консультации. Он еще издали увидал нас и приветственно поднял руку.

Лесли выпрямился, непроизвольно отвечая на приветствие, и мне хватило секунды, чтобы сунуть руку в карман его куртки и, не выхватывая пистолета, три раза подряд нажать на спуск. Прежде чем Лесли, рванувшись, сбил меня с ног, я увидел падающего Эксперта. Он падал медленно, удивленно. Лицом вниз. В листья.

Рука Лесли запуталась в тлеющем кармане. Это меня спасло.

Берримен, Кронер-младший, шеф (кто с какой стороны появился, так я и не понял) окружили машину, разоружили Рада и Лесли. Все произошло мгновенно и в полной тишине. Только Лендел несколько раз дурацки хихикнул. Возможно, он хотел засмеяться, но это у него не получилось — он плакал...

— Уведи его! — крикнул шеф Кронеру-младшему.

И повернулся к взбешенному Лесли:

— Искренне сожалею. Произошло недоразумение. Хочу думать, что выстрел в Эксперта...

— ..Великолепен! — перебил шефа Джек. — После Миллера правки не требуются!

— Осмотрите Эксперта!

Привалившись к дереву, как Лесли минут пять назад, я смотрел, как Джек прощупывает пульс Эксперта. Пульса не было. Джек был прав: я стрелял хорошо, правка не требовалась...

Шеф с укором взглянул на меня. Он еще не понимал моего подвига. Он был расстроен, ибо рухнул задуманный им план.

И я вдруг пожалел о том, что не успел нацепить на костюм шефа какую-нибудь записывающую микроштучку, чтобы на досуге, порывшись в конфиденциальных его беседах с Джеком, узнать — что же он действительно думал об этой акции? Каковы были его действительные намерения? Чья ставка — моя или Лесли — казалась ему более высокой?

— Джек, — попросил я, — зажги сигарету.

Берримен, улыбаясь, достал зажигалку. Из всех собравшихся в этом летнем пригородном лесу он один чувствовал себя на подъеме. В его глазах блестел огонек настоящего триппинг-хелпи, куркосчастливого, — человека, умеющего и любящего нажимать на спуск.

— Ты уверен, что поступил правильно? — спросил шеф.

Я кивнул.

Объяснять мне ничего не хотелось. Такие вещи надо объяснять не здесь...

Станные чувства боролись во мне. Одинаково странные, как по отношению к шефу, на каком-то этапе пожертвовавшему мной, так и к Лесли... Правда, утешение было — я переиграл всех!.. Пе-

реиграл Лесли, воспользовавшись его верой в успех. Переиграл Лендела, пытавшегося использовать то, чего еще никто, кроме него, не понял, Переиграл шефа, попавшегося на удочку ложных умозаключений.

Я был уверен в успехе.

Что с того, что компьютер продолжал работать, обирая дружественные нам фирмы. Без Эксперта, без его мощного интеллекта, разрушенного тремя выстрелами в упор, компьютер уже ничего не стоил. Он был теперь машиной, обреченной на посредственность. До... До появления нового гения.

Я не знал, в чем неповторимость Эксперта, да, собственно говоря, и не стремился это узнать. Мой выстрел принес победу. Консультация могла успокоить своих клиентов. Еще месяц, ну два, и активность фирмы «Счет» резко пойдет на убыль. И выбросив сигарету, я улыбнулся Лесли.

— Не распускай хвост,— сказал он сквозь зубы.— В следующий раз я буду строже.

Шеф взглянул на Лесли, перевел взгляд на меня:

— Ладно... Время идет... Сейчас мы хорошо поработаем, не так ли, Лесли?... Самоубийство большого человека.— Он кивнул на труп Эксперта.— Следует оформить как можно тщательнее... Так что успокойтесь, Лесли... Вам еще жить и жить...

Лесли отвернулся, и на слова шефа ответил понимающей улыбкой только хрипатым, потерявший дар речи Ред.

21

— Иди, Эл,— сказал шеф.— Там, за кустами, стоит машина, тебя ждут. Объяснишься в Консультации... Обсудив дела с нашим другом,— он кивнул в сторону Лесли,— я тоже приеду... Иди!

Ступая по сырым листьям, я пошел к машине. Листья мягко принимали ступню, пружинили. Шумно дыша, меня вдруг догнал Джек. Он был восхищен:

— Эл, ты — гигант! В этом деле меня с самого начала смущало одно — нам не в кого было стрелять. Не в компьютер же! А ты нашел цель!.. Поздравляю, Эл! Это, правда, подвиг!

Что ж... Теперь я имел право на вопросы.

— Твоя сестра, Джек... На кого работает твоя сестра?

Он хитро подмигнул:

— Ты ей понравился!.. И не злись. Она сыграла отменно. С Лесли нельзя было иначе. Теперь он заткнется, теперь он будет молчать!

И вдруг Берримен расцвел:

— Эл, за моей сестрой долг. Ведь твоё похищение ей оплатил Лесли! То есть эта сумма — на вас двоих. Недурно, да?.. Мне кажется, Лесли до сих пор жалеет не Эксперта, а этих денежек, выброшенных на ветер!

22

За рулем машины сидела Джой.

Неделя, столь насыщенная событиями, не добавила сестре Берримена ни морщин, ни седых волос. Я почувствовал раздражение: — Пересядь!

Джой послушно перебралась на соседнее сиденье, показав свои красивые колени. Кажется, я приходил в себя. Я даже улыбнулся, и передразнил Джой:

— «Со мной хотят свести счеты!..»

— Если бы ты знал,— засмеялась она,— как старательно я отработывала эту фразу. Мне хотелось дать тебе знать, кто именно тобой занимается. «Счеты...», фирма «Счет»... это лежит рядом, да, Эл?

— Да,— ответил я.— Но могли быть и другие варианты.

— Какие? — недоверчиво спросила Джой.

Я задумался. Действительно, какие?

Предположим, я сообщил бы шефу о ее появлении. Но шеф обо всем знал... Предположим, она и впрямь связалась бы с Лесли... Но шеф именно к этому и толкал ее... Предположим, Лендел бы не свихнулся...

Я покачал головой. Не Лесли, так Джек или Кронер-младший... Лендела свели с ума специально...

Нет, лучше не думать об этом... Позже... Потом...

Выводя автомобиль на шоссе, я взглянул в зеркало и перехватил улыбку Джой.

Что она мне напомнила?

Я вспоминал. Мучительно вспоминал. Я не мог не вспомнить.

И вспомнил.

В коридоре моей странной тюрьмы я видел однажды брошенную кем-то обертку с отпечатанной на ней эмблемой кондитерской фирмы «Херши». Отпечаток красивых губ шоколадного цвета...

Так вот, у Джой были точно такие!

■ СЛОВО — МОЛОДЫМ

СЕРГЕЙ ДРУГАЛЬ

Жизненно необходимый

Альдо очень спешил. Он почти бежал в сторону от поселка, от огней, в темноту. Легкие судорожно расширялись, и сердце билось не в груди — во всем теле. Он привычно провел рукой у пояса там, где крепилась маска, и не нашел ее. На секунду возникла мысль — вернуться. Но впереди, совсем рядом, мелькнула отраженным светом чешуя черта, он потянулся к нему и упал. И еще успел подумывать, что у ребят вечерний отдых сорван...

— Как и раньше, мы формируем группы здесь, на Земле. Они проверяют себя на совместимость, работая в экстремальных условиях, более жестких, чем на Марсе. Год практики на орбитальной станции — это сильная проверка. Лишние отторгаются. Там дружба без лукавства, уважение взаимно, ибо каждый из них — личность. И вдруг это ужасное несчастье, без смысла, без повода. Он вышел из лагеря ночью один, без маски. И погиб. Двадцать лет.

Представитель Совета наклонился к Сатону, поймал его взгляд.

— Мы посылали экспертов, доктор, и провели осторожную проверку. Психика у всех в абсолютной норме, иначе и быть не могло. Но создается впечатление, скорее смутное ощущение, что там каждый сам по себе. И в этом смысле Совет считает неблагоприятными девять колоний из десяти, действующих на Марсе. У нас нет фактов, но в этих случаях, вы знаете, Совету достаточно и сомнения. Если причина несчастья останется не раскрытой, Совет будет вынужден заменить группы. Мы не можем рисковать.

— Альдо. Один из ребят Нури...— Сатон сгорбился, долго молчал.— Отозвать колониста досрочно... Кто решится на это?

— Совет поручил мне просить вашей помощи. Вы крупнейший психолог планеты. Руководитель Третьей Марсианской. Сейчас условия, конечно, изменились. Романтический период закончен, идут рабочие будни освоения Марса. Мы знаем, директору Института рес-

таврации природы надлежит быть на Земле. Но... там более двухсот человек...

Представитель Совета подошел к раскрытому окну, рассеянно глянул вниз и отшатнулся. С высоты полукилометра домики институтского поселка казались не больше почтовых открыток, брошенных на зеленый ковер. Он повторил:

— Более двухсот. Наедине с планетой, которая каждый день задает загадки.

— Я ценю доверие Совета,— тихо произнес Сатон.— Но Альдо Джен — из новой формации. Воспитанник Нури и Ивана Иванова...

— Эти имена вызывают уважение.

— Я предлагаю кандидатуру Нури Метти. Он родился в Третьей Марсианской, знает Марс, если его вообще можно знать, и понимает этих ребят. Ему не нужно изучать их психологию. Он один из них.

Свободные от дежурств колонисты сидели на бетонном, забранном решеткой обводе шахты. Маленькое солнце висело под рефлектором на ажурной мачте, заливая шахту и площадку перед ней и черную зелень сосен бледным светом. Колонисты с интересом разглядывали двух коренастых кругломорденьких чертей: Беленчук вывел их в освещенный круг.

— Прошу смотреть, ответственная встреча! — возгласил он.— Борьба без отдыха и компромиссов, без ничьей до результата, каковым признается первое сколупывание. Правила следующие. Запрещается применять отвертки, гаечные ключи, ножовки, напильники, а также деструкторы...

— Бластеры,— подсказал кто-то.

— ...За неимением таковых и из соображений гуманности. Разрешается пинать, бросать через бедро, давать подножку, делать подсечку, выворачивать конечности...

— Щекотать.

— Вот именно. Щекотать тоже можно. Равно как морить смехом, распинать на кресле, разрывать пасть, и я не знаю, что еще.

— Толочь в ступе,— донеслось от шахты.— Испепелять взглядом, поносить противника и давить на психику.

— Благодарю за подсказку. Все неупомянутые приемы также относятся к категории разрешенных. Итак, что мы имеем? С одной стороны, известный каждому Мионий Большое Горло. Масса (Беленчук ухватил огромными ладонями Миония за голову, приподнял), 62, двадцать восемь килограммов. С другой стороны, Анипа Барс Пустыни (та же процедура взвешивания с Анипой), на полкило больше. Уцелевшего ждет приз.— Беленчук достал откуда-то коробочку, открыл. Черти склонились над ней.— Видали? Здесь на полгода хватит. Победленного тоже не обидим. Начали!

Черти сцепились, звякнув круглыми головами, посаженными на цилиндрические туловища. Они ходили по кругу, раскачиваясь и приседая.

Нури стоял в тени и слушал монотонный шум воздушной струи, вытекающей из шахты. Возня на площадке продолжалась уже минут двадцать, и никто из колонистов за это время не произнес ни слова. Черти, обнявшись, неуклюже топтали собственные тени.

— Глупо это,— тоскливо сказал Беленчук.— У нас такой набор превосходных развлечений...

Нури вглядывался в лица и находил знакомые. Они мало изменились, его ребята, вундеркинды и акселераты. Как они радовались утром его приезду. Каждый коснулся его плеча и своей груди против сердца: для них он всегда останется Воспитателем Нури.

Они знали о цели его приезда. Горькое недоумение — вот все, что слышал Нури.

— Альдо! Он был самый лучший.

Нури не скрыл раздражения:

— Укажи мне худшего.

— Не понимаю,— собеседник растерянно улыбался.— Как это, худшего?

— Ну, если Альдо был самым лучшим, то должны быть те, кто хуже его?

— Не понимаю.

— Прости,— сказал тогда Нури.— Я задал глупый вопрос.

Старый черт, он отличался цветом чешуи, дал подножку молодому, навалился на него и ловко сколупнул с живота противника чешуйку. Беленчук облизнул губы:

— Видали? Ну да, меня это тоже захватывает. Как и всех.

Он вошел в круг, разнял чертей и поднял над головой коробочку. Черти уставились на нее.

— Победил Анипа Барс Пустыни. А может быть, Мионий Большой Горло, кто их к черту разберет. Но зато теперь можно сказать: он самый сильный среди здесь.

— Не среди здесь,— слышалась реплика.— А между тут.

— Верно. Победителю слава и приз.— Он вручил черту коробочку.— Побежденному утешение.— Он достал из кармана несколько чешуек и опустил их в протянутую горсть.

У шахты зашевелились. Люди тихо выходили из круга и скрывались в темноте. Черты застыли под рефлектором.

— Молчать! — всхлипнул Беленчук.

— Просто устают за день.

— Если бы. Это не усталость, Воспитатель. Вы заметили, они почти не реагируют на шутку. Я не знаю, что это такое.

— Твой текст — это что, экспромт?

— Что вы, я два дня готовился. Альдо, тот мог экспромтом.

Снова Альдо. Здесь любой разговор заканчивается этим именем. Нури прильнул щекой к теплой коре сосны, совсем земной. Подумалось, что ребята, такие оживленные днем на работе, совсем изменились к вечеру, и только Беленчук не потерял активности.

— Скажи, а кто ведет эти ваши чертовы состязания?

Беленчук поднял измученные глаза:

— Каждый из нас по очереди. Ведущий готовит программу, комментирует ход борьбы, ну, как я сегодня. А, вот вы к чему! В тот вечер должен был вести программу Альдо. Днем, так уж совпало, он был дежурным по безопасности и не мог сходить за чертями. А в поселке мы масками не пользуемся, но она была у него на поясе, как это предусмотрено правилами. Альдо никогда не нарушал правила. Не то чтобы был такой уж дисциплинированный, но не хотел, так я думаю, отвлекать на себя внимание. Кто-то должен был, возвращаясь в поселок, привести чертой, но каждый из нас понадеялся на другого. Я тоже... Ну вот, Альдо, значит и кинулся за ними... Мы потом нашли маску. Зацепилась кольцом вентиля за выступ на стене. А он не заметил, спешил, значит. Для себя он бы не стал спешить. Вот я, что бы ни делал, всегда о себе думаю, в подсознании о себе помню. Знаю, что плохо это, а помню. Альдо чужую боль ощущал во сто крат больней своей.

— При чем здесь это?

— Не знаю.— Беленчук как-то нелепо развел руками, и этот жест странно усилил впечатление растерянности, которое владело им.— Что-то у нас было недодумано в системе безопасности. Сейчас положение исправили, и больше нечего расследовать. Уже никто не выйдет из поселка без маски. Безопасность — вот мой главный принцип отныне и навеки. У вас ведь тоже есть принципы, которыми вы руководствуетесь как воспитатель?

— Есть,— вздохнул Нури.— Главное — это не воспитывать.

— Странно вы сказали, вас трудно понять.

— Просто смотреть на себя их глазами. И если наедине с собой ты не краснеешь за сказанное и сделанное, то сегодня, и только сегодня, ты был хорошим воспитателем. Вот и все.

Еще утром Нури обошел поселок, приглядываясь к переменам.

Детство оживало в нем незнакомым ощущением потери, и ностальгия не всегда казалась оправданной. Поселок, возникший на месте Третьей Марсианской, лежал в котловине между пологих вершин. Двухэтажные пластиковые коттеджи лепились вокруг шахты, из которой беспрерывно вытекал поток горячего воздуха — будущей атмосферы Марса. Раньше шахты не было, но те, кто были первыми, предантели и шахту, и глубинные заводы-автоматы. В операторской

Нури долго наблюдал на экранах, как в синем дыму под лучами лазеров стекали стены пещер и неслышные взрывы сотрясали скалы, когда луч попадал на ледяные включения.

Днем освещенный солнцем воздушный поток создавал удивительный световой эффект: пологий прозрачный холм колебался, и расплывчатые радужные вихри бесследно таяли в розовом небе. У границ поселка, там, где его опоясывала метровой высоты силикатная стена — основание снятой уже защитной сферы, играли призрачные блики. Это воздух переливался через ограду и растекался по поверхности планеты. Защитная сфера стала ненужной, когда заработали атмосферные заводы. В окрестностях шахты создавался устойчивый микроклимат, пригодный для жизни людей и растений. Но пройдут еще долгие годы, пока кислородная оболочка над планетой достигнет хотя бы высоты десятка метров, и еще столетие люди за пределами поселков будут работать в меховых обогреваемых комбинезонах и масках и носить на себе трехсуточный запас кислорода.

...Вот здесь Альдо Джен выбежал за стену и потом упал в сотне метров от нее. А когда, поднятые по тревоге дежурным, прибежали его товарищи, было уже поздно. Дальше там ничего нет, мелкие камни на равнине и зеркальные радиаторы, в которых циркулирует жидкий литий, отводящий избыточное тепло от лазерных пушек. Нури бросилось в глаза невозможное зрелище: у циклопических батарей радиаторов, словно в карауле, ровной шеренгой стояли недвижимые черти.

В коттедже было тепло и чисто. Беленчук расхаживал по кабинету и говорил, говорил, потирая глянцевый бритый череп. Свой рыжий парик он бережно надел на подставку и то и дело сосредоточенно поправлял торчащие волосинки. Он принес надувную постель и долго возился с ней, пояснив, что Нури будет спать в кабинете; здесь удобно, только не надо ходить на второй этаж, это не жилой этаж — там воздух разрежен. А программа выполняется по всем показателям. Они, конечно, устают. И механики, которые следят за работой атмосферных заводов, и разведчики недр, и сеятели, и бурильщики, и гидрологи. Эта база специализирована на посадках будущих лесов. А ведь каждый сеянец растет под маленьким прозрачным куполом на клочке синтетической почвы, согреваемый и питаемый. И буксуют в песке поливальные машины, и вырывается под страшным давлением из скважин холодный пар от глубинных озер, калечит оборудование и засыпает его хлопьями снега, который днем тает, не давая воды. А людей мало, вы же знаете, что не каждый из ста, даже из тысячи пригоден для работы на Марсе. Оборудования тоже не хватает и хватать не будет, пока не заработают на Марсе свои рудники и заводы. Третьего дня на буровой был

выброс пара, и два робота из бригады обслуживания сыграли в ящик...

Беленчук снова поправил парик суетливым движением, зрачки его расширились:

— Это ведь я развалил коллектив, плохой руководитель. И вы тоже так думаете, ведь так, Нури? Эта смерть без смысла и повода... Альдо, он был лучшим из нас... А вы заметили, что нам не о чем разговаривать? Мы молчим.

— Бросьте,— сказал Нури. На душе у него было смутно, а Беленчук с его дурацкой заботой о парике вызывал досаду и беспокойство.— Коллектив развалить нельзя. Это весьма устойчивое образование.

— Да, конечно. Извините. Вам будет удобно так? Подушка не высока?

...Самый лучший! Об этом говорит здесь каждый. Расплывчатое, но в общем достаточно емкое определение. Как воспитатель, Нури знал, что в любой группе есть лучший. Не статью, не знаниями, не обостренным чувством товарищества — этими качествами обладали все его воспитанники. Просто лучший, навстречу которому раскрываются сердца. Таким был первый космонавт. Непознанным секретом раскрывать сердца владел и Альдо Джен...

Ночью Беленчук трижды, крадучись, входил в кабинет, поправлял одеяло и подушку, будил при этом Нури и бормотал извинения.

За двадцать дней Нури успел побывать почти во всех колониях. Они мало отличались внешне: тщательно продуманный, научно обоснованный стандарт, гарантирующий сохранение жизни, способность и любовь к работе, царил на Марсе. Каждый поселок непременно расположен в котловине — она обеспечивает сохранение кислорода при ветрообразных перемещениях собственной разреженной атмосферы Марса. Монолитные разноцветные коттеджи. Выводные шахты атмосферных заводов: одна в центре, несколько по периметру поселка. Толстые зеркальные трубы криогенных электролиний, связывающих поселки с глубинными атомными электростанциями. В окрестностях за пределами жилого массива — буровые установки, обсерватории, мастерские, метеостанции и парники, где выращивались овощи и саженцы. И множество вездеходов — плоских, с низкими бортами платформ на надувных гусеницах. Они стояли у границ поселков, всегда готовые к действию. Человечество осваивало Марс в рабочем порядке.

И в каждой колонии Нури видел одно и то же. Завершив дневные дела, усталые люди знали лишь одно развлечение — борьбу чертей, бессмысленное барахтанье, переставшее быть забавным из-за частых повторений. В каждой, кроме пятой.

Нури жил в пятой колонии уже неделю. В первый вечер он прочел лекцию на тему, не имеющую ни прямого, ни косвенного отношения к Марсу: «О красоте движения в энергетической трактовке». После лекции смотрели старинный фантастический фильм об освоении Марса и хохотали до колик, когда на экране герой сражался с песчаной гидрой, исчезающей и переменчивой. Герой своим деструктором наворачочал гору щебня из окружающих скал, но так и не попал в гидру.

Потом были другие вечера, смотрели стерео с Земли, отмечали чей-то день рождения и танцевали в двухлунном свете, пока старший не разогнал компанию:

— ... Потому, что скоро на работу.

Да, в пятой танцевали, как ни странно. Нури поймал себя на этой мысли, пока его партнерша, маленькая негритянка, то возникала перед ним, то исчезала бесследно, словно ведя прихотливую игру со светом и тенью.

— Она любит эту мелодию. Вы слышите, она поет.

— Кто?

— Лариска, — выступая из тени, ответила девушка. — Завтра моя очередь купать ее.

На краю шахты сидела субтильная собачка и с забавной старательностью подвывала, довольно точно копируя мелодию. Заметив, что на нее смотрят, она прыгнула на решетку шахты. Воздушный поток приподнял ее над решеткой, перевернул. Нури, преодолевая вихрь, поймал собачку и, уклоняясь от облизываний, поставил на ноги.

— В следующий раз будешь висеть до утра.

— Нури, — улыбнулась девушка, — она вас поцеловала, а вы... такой строгий. Или озабоченный, да?

Озабоченный? Не то слово. Он просто помирает от страха, помирает каждую секунду и особенно к вечеру, когда чудится, что кто-то снова бежит по пустыне без маски и падает, как упал Альдо. И неизвестно, что хуже: смерть от удушья или эти молчаливые сборища вокруг дерущихся чертей.

Днем легче. Днем он просто работает рядом с ними — наладчику всегда дело найдется — и живет как все, ибо иначе не может. И какие тут отклонения от нормы у этих остряков, они пышат душевным здоровьем и отвагой. Днем пышат, сказал себе Нури. Пока не возвратятся в поселок... А там вступает в действие непонятный фактор угнетения. И коллектив до следующего утра распадается на составные части.

Ночами Нури листал Книги жизни — дневники экспедиций, пытаясь найти хоть какую-то зацепку. Эти толстые журналы вели дежурные по безопасности: времени у них хватало. По традиции

записи делались вручную на пронумерованных листах. Обо всем. О распорядке дня, о планах работы по группам, о поломках машин и качестве меню... Прочесть все было немыслимо, да и не нужно. Нури изучал раздел «Развлечения», поскольку развлекались вечерами. Альдо погиб на стовосьмидесятый день после прибытия этой смены. И Нури делал выписки сосредоточенно и методично.

«МАРС-1. БИО. 180. Вечер. Смотрели чертей. Дежурный Кривцов».

До чего лаконичен Кривцов. Смотрели — и весь тут сказ.

«МАРС-4. ЭНЕРГО. 180. Вечер. Чертей представлял Никита. Это надо было слышать, пересказать невозможно. Он изобрел новый способ образования небывалых имен. Например, Абыл, Упопс, Роцесса Скоб, Резбия Модей и невозможный парень Панель Жным. Никита берет инструкцию к какой-либо машине, выписывает фразу вроде «проба обрабатывается с помощью рабочего органа»... и из «обрабатывается» получает Братат, а из «Рабочего органа» — Чегор. Отсюда вытекает превосходное имя для вдумчивого первопроходца с математическим уклоном — Чегор Братат. Дивное руководство для авторов фантастических произведений... Дежурный Мороз».

И наверное, в сотый раз перечитывал Нури знакомые строки:

«МАРС-3. ЛЕС. 180. Вечер. Разве мог я подумать, что он выйдет без маски, Альдо! А когда загорелся красный — мы все побежали. И не успели. Он лежал в ста метрах от стены ногами к поселку — он не хотел вернуться! Дежурный Белаш».

Естественно, пояс безопасности был исправен, пояс вообще сломаться не может. Он сработал, и загорелся красный на пульте, когда Альдо стал терять сознание. И это ошибка конструкторов, которую поздно заметили. Сейчас срабатывают и световой и нейросигнал, сковывающий движения, если колонист только подходит к стене без маски, но это сейчас...

Записи повторялись. В стовосьмидесятый день чертей смотрели также бурильщики второй колонии, вулканологи шестой и астрономы девятой.

Черти — порождение его детской фантазии, игрушка, которой сейчас, спустя много лет, развлекаются взрослые...

Нури хмыкнул: взрослые? Не очень вразумительный термин, если вдуматься. Взрослость — это что? Чувство ответственности? Но его ребята отвечают за все, что есть вокруг, по закону доброты. Квалификация? Это уж совсем никуда не годится. Альдо Джен овладел программированием в девять лет, а тот же Беленчук первую работу о групповой психологии опубликовал в тринадцатилетнем возрасте. Гражданственность? Но кто из детей не обладает этим качеством...

Странный зигзаг мысли — эти рассуждения о взрослости. А сам он такой, какой есть? Изменился ли он сам за прошедшие годы? И почему вдруг стало важным найти ответ на этот вопрос?

Нури прикрыл глаза и расслабился. В памяти все сохраняется, как говорил Иван Иванов. Нужно только уметь заглянуть в нее. Сначала забудь обо всем, о том, что есть сегодня и было вчера, потом сделай усилие и вызови цвет, и придай ему образ. Облечи образ в слова, и память раскроется, как книга. Теперь читай.

Двадцать два года назад. Полдень. В поселке пусто, все взрослые на объектах. Нури ведет за руку черта, и тот ковыляет на неверных лапах, оставляя на песке овальные следы. Олле забегает вперед, разглядывает черта: вот уж не думал, что он-таки пойдет. Они строем выходят наружу, за пределы силиконового купола, и Нури шлепает черта по звенящему заду:

— Топай и скажи спасибо.

Черт стоит, раскачиваясь. Уходить он явно не хочет, ему и здесь хорошо. Нури усмехается и вытаскивает из-за пояса стержень. Черт пятится. Нури нажимает кнопку, и стержень стремительно раскрывается в зонтик, накрывая черта тенью. Черт делает прыжок и убегает, сначала медленно и неуверенно, а потом все быстрее.

— Боятся тени, как ладана,— комментирует Олле.

Через неделю они подобрали недвижимого черта на вершине холма рядом с поселком.

Один в десять лет, мечтая о звездах, изобретает гравитационный двигатель, другой изучает старинные романы и выводит изящную зависимость между тональностью звука и деятельностью слезной железы, третий проводит дни у электронного микроскопа, постигая структуры белковых соединений. Нури в десять лет делал чертей. Увлечение не хуже других. Списанных деталей на складе хватало, и никто из взрослых не возражал.

Первые черти, тяжеловесные увальни, бродили неподалеку от поселка и тихо кончались по мере выхода из строя фотоэлементов. Это было скучно, и Нури, раскинув мозгами, ввел в конструкцию устройство, именуемое блоком заботы. Блок срабатывал, когда в аккумуляторах оставалось не более половины энергоресурсов. В результате черти изменили поведение — они теперь постоянно толпились у переходной камеры, заглядывая в глаза каждому входящему и выходящему. Их впускали, и черти стадом ходили за Нури по поселку, ожидая смены или подзарядки аккумуляторов. Ночи они проводили под рефлектором, а с утра заглядывали в окна.

— Вам что, нравятся эти митинги глухонемых? — спросил как-то Сатон, встретив Нури и Олле в окружении десятка чертей. — Куда это вы направились?

— На подзарядку,— ответил Олле. Он нес под мышками двух совсем ослабевших чертей, лапы их бессильно свисали. Нури сосредоточенно молчал.

— Если ты хотел заселить пустыню автоматами, то это у тебя не получилось,— вздохнул Сатон.— Вообще Марс, видимо, не для детей.

— Для! — твердо сказал Нури.

И он придумал блок агрессивности. Пустыня сразу оживилась. Старые черти охотились за молодыми, вылавливали их и обдирали чешуйки новых фотоэлементов. Вставить чешуйку в гнездо — с этим делом все они легко справлялись. Выпуская новорожденного, Нури теперь вручал ему коробочку с запасными чешуйками. Завладеть такой коробочкой — мечта каждого черта. А первая забота новорожденного — надежно спрятать ее: зарыть в песок или положить под приметный камень. Это надо было сделать ночью, тайком от посторонних глаз. Почти сразу появились кладоискатели — это были старые, ослабевшие от энергетического голодания черти. Сил на охоту и драку у них уже не хватало, а тихий поиск был еще по плечу.

— Я сегодня видел твоих чертей,— сказал однажды Сатон, и в голосе его звучало уважение.— Знаешь, в этом что-то есть. Но хотел бы я знать, о чем ты думал, когда возишься с ними?

— О Земле!

И вот прошло уже два десятка лет, а черти еще функционируют. Ребята рассказывают, что для них любая авария — радость. Черти разбирают брошенные машины, выискивая подходящие запчасти. Да и сами колонисты частенько подбрасывают им всякую ненужную электронную мелочь: у чертей все идет в ход.

Нури вспомнил неподвижную шеренгу у батарей радиаторов и свое мгновенное недоумение. Раньше вместе можно было видеть только дерущихся чертей. А теперь они проводят мирные ночи возле теплых батарей, новые фотоэлементы имеют широкий спектр поглощения и превосходно действуют в инфракрасном диапазоне. Делать стало нечего, энергии не хватает на всех, необходимость в движении отпала, и блоки агрессивности срабатывают лишь в том случае, если черта удалить от батарей.

Что же такое взрослость? И когда кончается детство? Опять этот навязчивый вопрос. Ну хорошо, примем банальное определение: взрослый — тот, кто забыл о детстве, тот, кто разучился удивляться. Но это просто болезнь, выброс из нормы, флюктуация.

Пусть по-другому: взрослость — это умение прокормить себя и семью. Но уже давно эти заботы с человека сняты. Вывод: детство живет в каждом, и во мне и в Альдо. Ребенок — вот эталон нормальности. И здесь, на Марсе, и на спутниках, и на Луне работают

дети. Тридцати и пятидесяти лет, дело не в возрасте, ибо попадают туда абсолютно нормальные люди...

Нури полюбовался выстроенным силлогизмом и заснул. Впервые за эти дни он спал без сновидений, а утром реализовал право, данное Советом,— послал на Землю личную радиограмму с грифом «Подлежит немедленному исполнению». К полудню Нури уже вернулся к энергетикам в четвертую экспедицию.

— Вам понравилось у нас, Воспитатель Нури?— встретил его Мануэль.— Для нас радость видеть вас вторично. Я извещу ребят.

— Не надо. Ответь, кто у вас здесь самый лучший?

— Я.

Из общительных воспитанников Нури Мануэль был самым общительным и отличался умением на неожиданные вопросы давать неожиданные ответы. Нури рассмеялся, чувствуя, как проходит усталость после изматывающей гонки по пустыне.

— Естественно, а еще кто?

— Я бы назвал Бугримова,— после секундной паузы сказал Мануэль.

— Отлично. Сегодня вечером ты поможешь мне. Я хочу поставить опыт. То, что раньше называли следственным экспериментом. Кроме тебя об этом никто знать не должен.

Мануэль улыбался, но Нури видел растерянность в его улыбке. Как это Олле называл свои лекции: уроки раскованной мимики. Ребята чисты в мыслях и не в состоянии носить маску безразличия.

— Я вынужден так поступить,— сказал Нури.

— Втайне ото всех? Ваше право, Воспитатель.— Мануэль рассматривал шнуровку своих ботинок.

— Ну как тебе объяснить,— стесненно сказал Нури.— Это нужно, чтобы не гибли больше. И я вынужден. В конце концов жизнь важнее этики. И я иду на нарушение этических норм ради жизни.

— Не надо об этике,— сказал Мануэль.— Я помогу вам. Что нужно сделать?

Вечером после захода солнца Нури сидел рядом с дежурным по безопасности, рассматривая круговую панораму— рельефную карту окрестностей. Поворотный пульт дежурного стоял на возвышении посередине круглого зала, и по полу во все стороны расходились макеты коттеджей поселка, а там, где начинались стены, низким бордюром было обозначено опоясывающее поселок кольцо— имитация основания снятого купола, границы поселка. К стенке-кольцу были приткнуты синие прямоугольники вездеходов, и такие же прямоугольнички двигались по рельефной стене, неся на себе зеленые огоньки: колонисты съезжались к поселку.

С момента прилета на Марс пояс безопасности с передатчиком носил на себе и Нури. Система безопасности позволяла вести

наблюдение за местом пребывания каждого члена экспедиции и обеспечивала двустороннюю связь, которой, кстати, почти никогда не пользовались.

Было хорошо видно, как, оставив у стенки квадратики вездеходов, зеленые огоньки двигались по улице поселка сначала к душевым — и маленьким хаосом роились там, потом к столовой и разделялись по четыре. Ну да, подумал Нури, столики на четверых.

Дежурный, с любопытством поглядывая на Нури, что-то писал в Книге жизни. Нури краем глаза смотрел, как к границе поселка, за коттеджами, движется зеленый огонек. Интересно, заметит дежурный или нет?

Дежурный резко повернулся вместе с пультом. Заметил. И нажал кнопку связи.

— Я ДП. Кто в одиннадцатом секторе?

— Я Мануэль. Все в порядке,— прозвучало в зале.

Конечно, это Мануэль. Он и должен увести чертей из поселка, пока колонисты ужинают. Нури нашел на панораме батарею радиаторов и мысленно увидел, как выпущенные черты ковыляют к ней, спеша получить свою долю излучения.

Мануэль, зеленый огонек, вернулся к центру поселка и одиноко застыл возле кольца выводной шахты. Это я должен был сделать сам, залопздало подумал Нури, сам должен был увести чертей.

Огоньки по одному начали собираться у шахты. Сейчас колонисты уже, наверное, молчат и ждут. Ждут привычного развлечения. Сколько их там? Нури обшарил взглядом панораму. Еще мгновение. Все! Один огонек отделился, и вот он быстро движется к стене.

Дежурный придвинул к себе микрофон, взглянул на Нури.

— Не надо. Кто-то должен привести чертей. Пусть это будет Бугримов.

Нури отодвинул кресло и вышел, перешагивая через домики. На ступеньках сидел Мануэль и снизу вверх смотрел на Нури.

— Я знаю, о чем ты думаешь.— Нури спустился, присел рядом.

— О Земле,— сказал Мануэль.— Мы здесь всегда думаем о Земле.

Нури грустно усмехнулся. Эти же слова когда-то он сказал Сатону. Уже тысячи живут в космосе. И пусть их будет миллионы — всегда во веки веков люди будут думать о Земле...

— Вы знаете, я ведь еще и гидролог.— Мануэль протянул конверт.— Здесь заявление. Я прошу перевести меня в седьмую экспедицию. Я прошу вас, Нури Метти, передать его в отдел кадров управления освоения Марса.

Нури Метти. Он уже не говорит — Воспитатель Нури. Все правильно, но, кажется, он не научил их прощать...

На второй день после возвращения Нури на Землю результа-

ты расследования обсуждались на секции Марса Совета Земли. Председатель секции пригласил Нури занять место докладчика.

— Мы просим вас дополнить материалы, которые вы столь любезно предоставили Совету. Не все ясно.

— Я готов.

— Начнем с вашей телеграммы.— Председатель вынул из папки бланк.

— Как это вы здесь пишете: «Внеочередным рейсом отгрузите Марс девять одиноких псов. Отбор животных прошу поручить Олле. Уполномоченный Совета Метти». Мы выполнили ваше, гм, указание. Псы уже на Марсе.

— Благодарю,— сказал Нури.— Теперь я спокоен.

— Отлично! — обрадовался председатель.— Успокойте и нас. Почему псов, почему именно девять, почему поручить Олле и почему, в конце концов, одиноких?

Манера председателя вести совещание нравилась Нури. И сам председатель, длинноногий, веселый и тощий, тоже нравился. По привычке оценивать человека Нури прикинул, как бы отнеслись к председателю его воспитанники: наверняка одобрили бы.

— Отвечать по порядку вопросов?

— Порядок, форма и содержание на ваше усмотрение.

— Из кодовых записей Совету, видимо, понятно, что я по сути ничего не расследовал. Не знал, с чего начать, и вообще ничего не знал. Я просто ездил, жил, работал как все и смотрел.

— Это хорошо — смотрел! — сказал председатель.— И что вы увидели?

— Стандарт. Одинаковость условий во всем. Стандарт оправданный, обоснованный и всеобъемлющий. Стандартными стали даже развлечения, которые свелись к любованию чертями. Но...

— Но?

— Но в пятой полное безразличие к чертям. Вопрос, почему?

— Действительно, почему? Там что, были отклонения от стандарта?

— Было одно. Лариска.

— Ага, Лариска. И что эта ваша Лариска делает?

— Не моя. Общая. Живет.

— И все?

— И все! Живет рядом с людьми собачка Лариска. Ее, вероятно, большинство и не замечает, но она есть. И никому в пятой не приходит в голову интересоваться чертями, этой имитацией живого.

Это во-первых, и, во-вторых, собака вне стандарта, она сама по себе. Полагаю, что тот вывих в психике, который наступает у человека, изолированного от живого, ускользнул от внимания психологов. Это что-то вроде ностальгии, не знаю, как назвать болезнь,

странное, неосознанное ощущение тоски по животным. Может быть, она развивается в условиях гипертрофированного стандарта, который на Марсе царствует как нигде? Не знаю.

— И потому погиб Альдо?

— Я полагаю, в этом одна из причин. Но в целом все сложнее. В детстве часто важно то, на что взрослый и внимания не обратит. Альдо был ребенком больше, чем остальные дети.

— Не понял? — Взор председателя горел неистовым любопытством, он, не отрываясь, смотрел в глаза Нури.

— Простите, я хотел сказать: чем остальные члены экспедиции. И когда однажды вечером обнаружилось, что никто не привел чертей, ему невыносимой стала мысль, что его друзья останутся без привычного развлечения. И он кинулся к радиаторам, где постоянно толкутся черти. Чтобы привести... — Нури замолчал, и никто не перебил молчания. — Я делал чертей, как заменителей животных, в детстве. А ими забавляются до сих пор. Я не задавал вопросов, знаю и так, что ребята втихомолку ремонтируют их: ни одна машина два десятка лет без обслуживания не выдержит... Вечер и пустота, и этот шорох за спиной, и мои товарищи молчат и ждут — я поставил себя на место Альдо. Знаете, будь он в маске, случай прошел бы абсолютно незамеченным, и они и дальше смотрели бы чертей. Изю дня в день, из месяца в месяц... мои ребята... и когда я ставил опыт, я хотел убедиться в неотвратимости, в том, что все равно кто-то пойдет. И знал, что пойдет Бугримов в силу закона, по которому лучшие идут первыми. Вы знаете, когда Мануэль увел чертей, мне самому стало не по себе, хотя у меня эта забава вызывает отвращение. — Нури опять помолчал. — Ну и о псах. Я попросил девять по числу бессобачных колоний. Одиноких, чтобы пес в каждом видел хозяина и не помер от тоски по оставшемуся на Земле: пусть он провожает их утром и встречает вечером. Просил Олле потому, что знал: поручи другому, и на Марс попадут особо выдающиеся псы, а этого не нужно. Естественно, Олле сразу понял, что требуется. Марсианин по рождению, он взял обычных собак. Просто собак, ибо каждый пес жизненно необходим.

А. ГОРЦЕВ

Белый Монастырь

Вырвавшись из каменных объятий скалистой теснины, река неудержимо мчалась куда-то вниз. С гневным грохотом она штурмовала обломки скал, забившие русло, — в фонтанах брызг солнце дробилось на радужные кванты. От грохочущей, ленившейся массы ве-

яло такой неодолимой мощью, что Владимир покачал головой: попробуй останови...

От этого места начинались десять тысяч ступеней, ведущих к Белой Часовне,—там, наверху, ожидал сюрприз, обещанный ему Джерри.

Поднимаясь все выше, Владимир чувствовал себя как никогда счастливым,—один в сосновом сумраке, пахнущем прогретой смолой. Под ногами лежали ступени, высеченные в скале. Отполированные миллионами шагов, они теперь были покрыты давно нетронутым ковром сухой хвои.

Ничто в природе Владимир не любил так, как горы. Ему казалось, что он понимал породившую их Землю,—ей словно прискучило однообразие равнин и океанов, и она стала творить из своей каменной одежды недвижимых гигантов, обрядив их в зеленую парчу лесов, украсив ожерельями звонкой воды и увенчав коронами снегов.

Прошло около трех часов, когда серовато-красная колоннада сосновых стволов, наконец, расступилась и Владимир оказался перед наклонной белой стеной. Она как бы продолжала холм, уходя выше сосен в темную синеву. Наверх вели еще четыре марша ступеней, выходивших на крышу, мощенную идеально подогнанными каменными плитами. Подойдя к барьеру, Владимир обомлел. Воздвигая часовню, древние строители знали, что делали: над ступенчатой перспективой возвышавшихся холмов, в синевом просторе встало белое видение Чомо-Ганги, иначе Белого Монастыря.

Вершина выглядела словно колоссальный многобашенный храм, и Владимир почувствовал, как по спине пробежал холодок почти суеверного восхищения. Накануне, во время ночного полета, он видел лишь силуэт Чомо-Ганги на мерцающем звездном фоне. Но теперь, отсюда, эта белая громада, освещенная боковым солнцем, вторглась в самую душу. Да, лучшего сюрприза Джерри не мог и придумать...

Внезапно шуршание шагов по каменным плитам заставило Владимира обернуться. От испуга и изумления он остолбенел. То, что стояло перед ним, не было привидением. Оно было реально и отбрасывало безобразную тень, похожую на размазанную кляксу. Котлообразная голова—или туловище—была приподнята метра на полтора тремя мощными членистыми лапами и несла на себе решетчатую раму. Каждая лапа кончалась ступней вроде распяленной банановой грозди. По окружности головы зияли отверстия, видимо глаза, а пониже торчал хобот, свернутый спиралью.

Космический гость? А может, злой дух во плоти, охраняющий Часовню? Но уродливое создание не дало ему времени размышлять.

— Обедать, господин Светлый,— сказало оно странным скрипучим голосом.— Господин Темный ждет внизу...

По трем его лапам переливалась волна едва уловимой дрожи. Владимир молчал, оправляясь от шока. Кажется, он начинал понимать, в чем дело.

— Кто ты? — спросил он.

— Носильщик Цзамбо, господин Светлый.— Скрип доносился откуда-то изнутри головы.— Господин Темный включил Цзамбо. Велел принести вас вниз. Цзамбо ходил быстро-быстро.

Сказав это, он услужливо сложился чисто механическим движением, одновременно подогнув все три лапы.

Все стало ясно. Это и был сюрприз Джерри: он находился, видимо, в том тяжелом зеленом ящике, который они погрузили в аэроплат первым. От него тянуло теплом и своеобразным запахом, вроде аммиака, вызвавшим у Владимира приступ отвращения. Тщетно он пытался восхититься целесообразностью этого чудовища: на раме были два удобных седла, а три лапы, должно быть, служили надежной опорой на горных склонах. Все равно между этим странным созданием человеческого ума и Белым Монастырем, великолепным творением Земли, контраст был так резок, что Владимир обозлился.

— Иди! Я спущусь сам!

— Да, господин...— Нелепая тварь, распрямившись, попятилась, словно включив задний ход, и стала спускаться, по-паучьи перебирая лапами.

Владимир отвернулся и, поднеся к глазам бинокль, стал рассматривать Чомо-Гангу оценивающим глазом восходителя. В поле зрения, деталь за деталью, медленно плыла пятикилометровая стена, сплошь обледенелая от подножия до зубчатых пиков. Она была покорена лишь однажды, полстолетия назад, ценой нескольких людских жизней и невероятных усилий. Теперь же их было только двое — или трое? — и у них был аэроплат. Конечно, о посадке на главную вершину не могло быть и речи. Но слева, с северной стороны, стена переходила в обширное, почти горизонтальное плечо. Оставалось посадить аэроплат в ледовый цирк на плече, одолеть ледник и предвершинный гребень — и за двое суток они доберутся до главного пика Белого Монастыря.

Пора было спускаться, и его мысли вернулись к диковинному носильщику. Теперь, в десятые годы XXI века, роботы были уже привычными. Они чистили обувь на улицах, продавали товары, подавали в ресторанах. И все же это были машины. Они не стилизовались под людей, оставаясь лишь замысловатыми аппаратами. Но в тиши лабораторий уже нарождалось новое поколение невиданных ублюдков техники и биологии. В них не было металла — только бел-

ковоподобные структуры, квазиживые ткани из искусственных клеток. Об этом Владимир только слышал, а вот теперь увидел воочию.

Ну и кикимора, подумал он. Будь это машина, все было бы ясно. Переставил рычаг, нажал клавишу или скомандовал в ухо-микрофон. Или животное, пусть самое диковинное, скажем, стегозавр,— он представил себя верхом на стегозавре, ноги в стременах, в руках уздечка, и усмехнулся. А тотот... к нему не подбиралось даже термина, не то что имени. Он ничего не напоминал, ни на что не походил, и это почему-то вызывало раздражение. Но в конце концов не всякому доставит удовольствие общение с говорящей лягушкой, будь она хоть гением.

* * *

На поляне, окруженной обрывистыми скалами, накренившись, стоял аэроплант — толстая пятиметровая тарелка, накрытая прозрачным полушарием. Неподалеку в тесном кольце каменного очага металась языки оранжевого пламени, облизывая дымившую черную посудину. Рядом в одних синих плавках, с болтавшимся на шее медальоном, под ритмическую музыку отплясывал Джерри, во все горло распевая модную песенку.

Владимир издали помахал ему рукой. Джерри был коренной тибетец, симпатичный парень с широким улыбчивым лицом и озорными черными глазами — любитель восхождений и прирожденный философ. Они недавно подружились на космическом полигоне, в великой травяной пустыне близ голубого озера Кукунор.

— Ну как сюрприз, Влади? — издали прокричал Джерри. — Похоже, он тебе не здорово понравился?

— Грешен, — сказал Владимир, подходя к огню. — Восторга нет.

— Ничего, привыкнешь, — сказал Джерри. — Это наша новинка, двухместный шагающий вездеход, у него выносливость яка и интеллект неандертальца, больше не нужно. Мы называем их биоидами.

— Черт побери, его бы можно было сделать по красивее, — пробурчал Владимир. — Этаким гибрид паука со слоненком...

— А на что ему красота? Он отлично приспособлен к своей функции, сам господин Естественный Отбор не сделал бы лучше. Проголодался?

— Еще бы, я ведь не биоид? Что в котле?..

— Настоящая тибетская часуйма, — сказал Джерри горделиво. — В Лхассе такой не найдешь. Ты видел Монастырь?

— Да. — Владимир вызвал в памяти образ Чомо-Ганги и снова испытал прилив восхищения. — А ты бывал здесь раньше?

— Мальчишкой, с дедом.— Джерри снял с огня свою посудину.— Уже тогда Белая Часовня была пуста, монахи ушли в мир... Давай котелок.

— Интересно, как бы монахи восприняли твоего Цзамбо?

Джерри рассмеялся, показав широкую дугу белых зубов.

— Они решили бы, что в этот облик перевоплотилась душа какого-нибудь бедняги, нагрешившего больше чем нужно... Но у него есть зачатки личности, например он может обидеться... Эй, Цзамбо! — крикнул он биоиду.— Ступай принеси воды для чая.

Разделавшись с часуемой, он достал из карманчика плавок тонкую сигарету и, закуриw, поудобнее устроился на траве.

— Привыкнешь, — повторил он.

Личность, подумал Владимир. Квазиличность. Квазимысли, квазиэмоции... Но как их отличишь от наших? Да и можно ли?

— Тяжело привыкнуть, — проронил он.— В нас еще сидит древнее, темное... Не похоже на тебя — значит, чужое, берегись его. Ничего не поделаешь, жизнь лепит нас еще по старой модели.

— Она лепит из нас не то, чем мы должны быть, а то, чем мы можем быть, — изрек Джерри.— Жизнь — это бесконечная цепь превращений, она не умирает с тобой, а каждый раз возрождается в новом облике. В каком — зависит от кармы, то есть алгебраической суммы всех твоих деяний и помыслов во всех прежних воплощениях. Заметь, со знаками «плюс» и «минус»... Чем больше плюсовый итог, тем лучше следующее воплощение, понял? — Джерри приподнялся на локте, подбросил в огонь сухого можжевельника.

Владимир покачал головой.

— Ну и бухгалтерия... И ты серьезно в это веришь?

— Верю. Судьбы, фатума, нет, каждый сам себе фатум.

— Но зачем тогда вообще жить? Рисковать испортить себе карму? Лучше сразу сесть в бочку с консервантом. Не шевелиться, не мыслить, не желать...

— Вот-вот! Это и есть нирвана, вечное блаженство абсолютного покоя, конец перевоплощений, награда за хорошую карму.

— Тогда чего ради ты лезешь на Белый Монастырь? — Владимир стал терять терпение.— Для кармы?

— Да, Влади.— Тон Джерри был серьезен.— Это доброе деяние, разве оно не делает нас лучше?

— Но неужели, черт возьми, за столько лет у вас ничего не изменилось? Как вы ухитрились соизмерить все это с высокой наукой?

— О нет, изменилось многое.— Джерри усмехнулся.— Старый ламаизм привел Тибет к застою. Когда же пришло освобождение, мы поняли, что на яках далеко не уедешь. Наука помогла нам не только уничтожить нищету и болезни. Раньше ламы крутили молитвенные барабаны. Теперь они стали рабочими и землепашцами.

Вместо лам молятся электронные машины. Мудрость сотен томов «Кянджура» доступна всем по телевизору и в микрофильмах, а над Поталой зажжены священные слова: «Ом мани падме хум» — знаешь, что это значит?

Владимир кивнул.

— Нет, Джерри,— сказал он.— Для меня это не подходит. Мне не нужна нирвана, даже на такой высокой технической базе. Я хочу жить и быть человеком... делать мир прекрасным и не давать спуску всякой дряни, ее еще много на земле... А вот и наш красавец. Слушай, почему он дымит?

Биоид приближался, ухватив хоботом дужку раскачивающегося красного ведра. Над ним поднималось облачко пара.

— Замочил радиатор, там градусов восемьдесят... Он ведь тепленький, ты разве не замечал? Пойдем, познакомься поближе.

Джерри потянул Владимира к биоиду. В нос ударило запахом аммиака, к горлу подступила тошнота. Владимир вырвал руку, крикнул с отвращением:

— Убери его подальше!

Улыбка погасла на широком смуглом лице Джерри.

— Вот оно что! — процедил он.— Знаешь, кто ты такой? Расист! Это сидит у вас в крови, у просвещенных европейцев! Какого черта ты удостоил меня своим обществом? Я ведь не Джерри, а всего лишь Чжало! Или ты рассчитывал, что я буду у тебя носильщиком? — Джерри рассек воздух сжатым кулаком.— Ко всем чертям! — Он повернулся и пошел к аэроплату.

За ним поплелся Цзамбо. В его ретиреде было что-то от безответной ослиной покорности. Владимир почувствовал, что краснеет. Кинулся вслед.

— Подожди, Джерри,— проронил он глухо.— Оправдываться не буду, я вел себя, как скотина... Понимаешь, мне всегда говорили, что я похож на стальной рельс: как уложен, так и ведет. Не могу я к нему привыкнуть, ну никак... Ему бросился в глаза медальон Джерри. В ромбовидной рамке улыбалась молодая черноволосая женщина с милым простодушным лицом.— Раньше я у тебя этого не видел, это Сонбу?

— Она.— Джерри смягчился.— Мы поженимся через год, когда она окончит университет в Чамдо. А у тебя девушка есть?

— Нет.— Владимир насупился.— Она не смогла примириться с этим.

— С рельсом?

— Да. Этот твой Цзамбо — я не могу считать его машиной. Животным тоже, он ведь говорит. Значит, человек? Но он слишком непохож на человека.

Некоторое время они молча глядели друг на друга.

— Ну и что из того, что непохож? — сказал наконец Джерри. — Вот ты, например, — откуда я знаю, что ты не искусно сделанный робот?

Владимир изумленно уставился на Джерри.

— Ты что, обалдел?

— Не пугайся, — насмешливо ответил тот. — Ты человек. Но не потому, что сделан из плоти и крови. А потому, что ведешь себя по-человечески, вот что важно. И Цзамбо тоже, почему же не считать его человеком?

Владимир задумался. Солнце клонилось к закату, и освещение стало неожиданно теплым, — это, невидимая отсюда, сияла Чомо-Ганга, наполняя мир розовым светом.

— А знаешь, ты прав, — признал он. — Думать иначе — это и есть расизм... Но тогда ты рабовладелец, так ведь? Ты же на нем верхом поедешь.

— А это совсем другое дело. Везить — его профессия. Аэроплат сядет не везде, а Цзамбо пройдет всюду. Изотопной батарее хватит надолго, пока не состарятся миофибриллы.

— Ладно, Джерри, я привыкну, — пообещал Владимир. — Но ездить на нем не стану... Послушай, а выключить его нельзя?

— Не выйдет. — Джерри расхохотался. — Если ты пустил батарею в режим, то все! Его можно только... разобрать, что ли? Да брось ты мудрить, он неплохой малый... Эй, Цзамбо, поди сюда!

Тот подковылял, тихонько виляя хоботом, платформа покачивалась в такт. Верно, не красавец, но ведь и як тоже... С этим хоть можно перекинуться несколькими фразами в пределах проблем ходьбы и переноски грузов.

— Он может не только везить. — Джерри окинул бионда сочувственным взглядом. — У него развитая терморегуляция. Прикажешь — обогреет не хуже костра, правда за счет сокращения своей жизни... — Он похлопал Цзамбо по слоновьей голове. — Все! Давай десерт.

Они с наслаждением поглощали консервированные бананы, когда Владимир вдруг сказал:

— Слушай, у меня идея, как добиться нирваны при жизни...

— Ну-ка, давай!

— В невесомости, орбитуя над планетой!

И передние глаза бионда Цзамбо увидели непонятную ему картину: господин Темный и господин Светлый разразились громкими ритмическими звуками, повалились на траву и стали по ней кататься, обхватив друг друга. Если это опасность, то нужно прийти на помощь. Но кому из них?..

Они были молоды, полны играющей силы и не подозревали, какой искус готовит им Белый Монастырь.

Было еще темно, но световой прилив с востока уже гасил звездные огни в высоком небе.

Они шли уже несколько часов по плавно поднимавшемуся глетчеру, сплошь покрытому сверкающим фирном. В удобном седле, в обогреваемом штормовом костюме Джерри не ощущал движения — вокруг господствовала белизна, не давая взгляду ни единой зацепки. Лишь впереди маячила ярко-алая фигура Владимира — шлем на голове, плоский серебристый баллон на спине, широкий белый кушак вокруг пояса. Джерри оглянулся — позади тянулась цепочка звездчатых следов от ступней бионда. Они перемежались с овальными отпечатками самоподъемных ботинок — ороподов, в которые был обут Владимир. Еще дальше простирался фиолетовый горизонт, на его фоне темнело пятнышко оставленного ими аэроплата.

— Джерри! Как маяк?

— Пищит нормально.

По сигналам маяка, отраженным спутником, следившая за ними спасательная база постоянно знала их место.

— Постой-ка, осмотримся.— Владимир вгляделся вперед. До подножия предвершинного гребня оставалось километра три коварного ледника, наверняка изрезанного трещинами, закрытыми снегом. Лишь перед самым гребнем, в плотной тени вершинного массива, снега не было — там громоздились полупрозрачные глыбы открытого льда.

— Будем держаться осторожнее,— услышал Джерри в своем шлеме.— Терпеть не могу закрытый ледник, не знаешь, где загремишь. Давай двигаться в связку, включая эхо-зонд...

Между ними пролегал тридцатиметровый красный трос, а в ушах Владимира возникло тихое жужжание, означавшее близкую ледовую твердь под слоем фирна. Подъем усилий не требовал: эту работу делали ороподы, «горные ноги», по очереди поднимавшие каждую ступню сжатым газом из заспинного баллона. Четыре такта, два «вдоха» и два свистящих «выдоха» под ногами: раз-два, три-четыре, ом-мани — падме-хум...

Когда из-за вершинных зубцов Чомо-Ганги высунулся ослепительный краешек солнца, их атаковал ураганный ветер. Подняв в воздух снежные вихри, он потопил все вокруг в белесой мгле. Но остановить восходителей не мог.

Почувствовав натяжение троса, Владимир оглянулся: Джерри подошел, пожалуй, слишком близко.

— Держись подальше, Джерри! — крикнул он предостерегающе.

И вдруг жужжание эхо-зонда стало оглушительно громким, а правая нога потеряла опору. Падая, Владимир ударился затылком

шлема о снег и ощутил сильный рывок натянувшегося троса. Дальше было быстрое скольжение вниз по ледовому склону, защемившее сердце чувство непоправимости, отчаянная попытка задержаться. Это длилось несколько секунд. Потом скольжение резко замедлилось и прекратилось. Владимира заклинило между двумя наклонными ледовыми стенами. Сверху чувствительно напирала масса обрушившегося снега.

— Влади! — раздалось в шлеме. Значит, они целы! Но где они?

— Джерри, Джерри, я здесь!

— Влади! — по-прежнему звал Джерри: он его не слышал.—

Влади, где ты?

Видимо, отказала связь. Если сбросить шлем, можно просто крикнуть. Владимир попытался высвободить зажатые руки, и тут же возобновилось скольжение. Неужели это конец?

— Влади! Где ты? — звучало в шлеме.

Скольжение замедлилось, и вдруг освободились руки, а ороподы уперлись в твердое.

Некоторое время Владимир не шевелился. Потом включил нагрудный фонарь, в его свете блеснули слоистые ледовые стены. Осторожно поднявшись, он отряхнулся и откинул шлем. Лицо обдало морозом.

— Джерри! — крикнул он. И тут же услышал радостный отклик.

— Влади, я тебя слышу! Мы съезжаем вниз!..

— Здесь пещера! — во всю мочь крикнул Владимир: эхо откликнулось издевательскими повторами.— Пусты вперед Цзамбо!..

Через минуту на Владимира посыпался град снежных комьев. Он отскочил, и стокилограммовый бионд, спружинив на лапах, шлепнулся на его место. Вслед за ним, весь в снегу, прибыл Джерри. Они обнялись, и Владимир помог ему снять шлем.

— Цел?

— Ушиб немного плечо.— Владимир снял заспинный баллон и ненужные ороподы.— Ты, я вижу, в порядке, а маяк?

— Посмотри у меня за спиной. Вроде пищит...

Владимир заглянул, покачал головой:

— Помяло антенну. Впрочем, его все равно надо выключить.

— Значит, маяк они уже потеряли.— Джерри просиял.— И знают где! Ом-мани-падме-хум! Через час будут здесь! — Он облегченно перевел дух.— Но Расскажи, как все это получилось?

— Скорее всего трещина была перекрыта старым наддувом фирна.— Владимир почесал затылок.— А под ним пусто. Зонд и дал отражение от фирна... А ты — какого черта ты подошел так близко? Держись ты на всю длину троса, остался бы наверху!

— Зазевался, Влади,— сказал Джерри чистосердечно.— Я и моргнуть не успел, как трос потащил нас...

Они стояли на волнистой ледовой поверхности, уходившей покатым горбом в глубокую тьму. Владимир посветил фонарем и свистнул.

— Как же нам повезло! Проехали метров двадцать, а могли бы ехать еще долго... Закрепляйся! — Джерри извлек из кармана ледовый пистолет, заложил в дуло зазубренный крюк, приложил его к стене и нажал спуск. Раздался громкий хлопок, мгновенное шипение пара, в лицо брызнули холодные льдинки. Раскаленный крюк глубоко засел во льду. Подобрал трос, Джерри привязал к ушку крюка себя и Владимира.

— А где упаковка со снаряжением?

Джерри подошел к биоиду, ощупал пустую искореженную раму:

— Все исчезло, Влади!

— Не беда, ждать недолго, прокормимся аварийным. — Владимир распустил свой кушак: это была гибкая нейлоновая лестница. — Посвети-ка.

Позовав Цзэмбо, он влез на раму и вогнал в стену, повыше, два крюка. Подвесив к ним лестницу, взобрался наверх, ощупал свод, — рука уперлась в холодную шероховатую поверхность. Пошарив по своду, он вдруг понял, что смерзшийся остаток обрушившегося снега запер их в ловушке. По спине пробежал неприятный холодок.

— Придется ждать спасателей, Джерри, — проронил он.

В луче фонаря было видно, как сразу изменилось лицо Джерри.

— А если они... задержатся? Аварийки хватит на сутки, ну растянем на двое, а потом?

— Спокойно, парень! Давай-ка лучше починим антенну...

Оставалось только ждать.

* * *

Влага стекала повсюду с ледовых сводов, капли падали на непокрытые головы, на окутанного паром биоида, постукивая вразнобой и вызывая неожиданную ассоциацию с мартовским днем там, дома...

Они давно переговаривали обо всем на свете, пытаясь обмануть голод и тревогу. Правда, гибель в этой ледовой западне была так бессмысленна, что в нее просто не верилось. Но уже надвигалась оцепяющая пассивность. Ей нельзя было поддаваться, и Владимир всячески старался расшевелить Джерри, все чаще молившегося в одиночку.

Привстав, он посмотрел на часы: было пятое июля. Прошло уже четверо суток, а спасателей все не было. Причина могла быть одна: они потеряли маяк где-то раньше. Но где и когда?

Бионд был еле виден в полумраке. Исходивший от него поток тепла явно стал жарче. И странно: уже привычный запах аммиака сменился чем-то другим, незнакомым. Спросить его, в чем дело? Как-то не поворачивался язык. Да и поймет ли?

Он растолкал спавшего Джерри. Тот открыл глаза, поблуждал взором, потом приподнялся на руках.

— Влади,— проговорил он с трудом.— Дай мне пить.

— Держись.— Владимир дал ему напиться.— Все равно выберемся!

— Когда? Может, им мешает снежная буря?

— Вряд ли она так затянулась. Знаешь, когда они потеряли маяк? В пургу! Помешали, наверное, электрические разряды, сам знаешь, в горах это бывает. Она же, черт, не дала им сразу взлететь.

Джерри сел на скомканном алом полотнище.

— Но ведь они могли найти нас по следам!

— Следы наверняка замело,— возразил Владимир.

— Но мы проделали в снегу изрядную дыру! Уж ее-то они могли разглядеть?

— Трещину засыпало свежим снегом.

— Так что же ты мне доказываешь? — крикнул Джерри.— Что нас невозможно спасти?

Он прав, подумал Владимир. Опять я ломлюсь по прямой...

— Спасатели идут, Джерри,— сказал он спокойно.— Безусловно ищут.

— Они найдут одного Цзамбо, его хватит надолго! — Джерри говорил все громче, его черные глаза возбужденно блестели. Внезапно он оборвал речь, уставился на бионда и вскочил на ноги.— У нас есть пища! Ты видишь?

Владимир невольно оглянулся.

— Вот она, позади тебя! Полсотни килограммов съедобного миозинового белка в его мышцах! Ты понимаешь?

Ответить Владимир не успел: со стороны бионда послышался какой-то свист. Неужели он понял разговор?

— Смотри, что он делает!

Хобот был развернут и направлен на узкую расщелину, уходившую вверх. Джерри дотронулся до головы бионда и тут же отдернул руку. Из хобота со свистом вырывалась струя горячего воздуха.

— Он перегрелся! — крикнул он.— Эй, Цзамбо! Остынь, я приказываю!

— Зачем, Джерри? — вмешался Владимир.— Он же спасает нас! От тепла протаивает обвал, еще немного — и мы выберемся!

— Цзамбо греть...— послышался скрип биоида.

— Но для него это самосожжение! Миозин не выдержит и мы лишимся всего! Смотри, как под ним тает лед — он рухнет вниз! Остынь, Цзамбо!

— Цзамбо не остыть...— был ответ.

Джерри кинулся к Владимиру, схватил за ворот комбинезона.

— Надо его разобрать! Ты не веришь, что это съедобно?

— Нет, не то...— Владимир отвел его руки.— Как насчет твоей кармы? И во что перевоплотишься ты?

— Ах, вот что! Быстро же ты перестроился! Давно ли он был для тебя поганим монстром?

— Ошибаешься.— Лицо Владимира было мрачно.— И тогда он был для меня почти человеком... То, что ты предлагаешь, убийство. Почему бы тебе не подкрепиться моим филе?

Свист воздуха не прекращался. Из расщелины валил пар, безостановочно лилась вода.

— А если бы это был пес, верный друг, понимающий, но не говорящий? Ты бы умер с голоду рядом с ним?

— Да,— ответил Владимир твердо.

— Но это просто говорящая машина, пойми! Съесть кожаный сальник насоса — это тоже каннибализм?

— Не валяй дурака, Джерри! Неважно, из чего он сделан. У него есть личность, вот что важно.— Сам того не замечая, он повторил сказанное Джерри там, на поляне.

Они встали друг против друга, расставив ноги, полусогнув руки.

— Не мешай мне, Влади! — Тон Джерри был угрожающим.

— Ты не вправе отнять у него жизни!

— Он не живой!

— У него есть разум. И может быть, чувства.

— Ему все равно!

— Но я не могу...— Владимир почувствовал, как его захлестывает нечто, стоящее над доводами разума.— Я не позволю тебе это!

— Ты стальной рельс, ты один, а меня ждет невеста! — Джерри отскочил к стене с пистолетом в руках.— Я не намерен подыхать в этой мышеловке! — Он загнал в ствол крюк, похожий на сосновую ветку.— С дороги!

— Джерри, погоди! — крикнул Владимир, задыхаясь.— Ом-мани-падме-хум! Во имя Священного Сокровища в Цветке Лотоса — стой!

В тусклом взоре Джерри мелькнуло замешательство. Отчаянным прыжком Владимир очутился рядом, схватил за кисть, отклонил пистолет вверх. Хлопнул выстрел. Раскаленный вишнево-красный крюк, мелькнув, скрылся в расщелине. Оттуда с шумом посыпались куски

льда, и вдруг словно забрезжила зоря: к ним пробился дневной свет.

Оба так и застыли рядом, с вытянутыми вверх руками. Но сзади послышался треск, часть льда откололась, увлекая с собой глубоко втаявшего биоида.

— Господин... опасность... — раздался скрипучий голос и утих.

Из пропасти донеслось шипение, взвились клубы пара — все было кончено.

Ах, Цзамбо!.. Никогда еще Владимир с такой силой не испытывал жалости.

Но нужно было действовать. Через час лихорадочной работы — крюк, лестница, крюк, лестница — оба выбрались наверх и, зажмурившись, повалились в изнеможении на снег.

Потом Владимир встал, пошарил зондом, — кругом было безопасно. Пройди они метрах в трех стороной — не угодили бы в трещину. Он установил маяк, прислушался — маяк пищал успокоительно. Теперь уж скоро прилетят за ними.

Они ждали, откинув шлемы, щурясь от яркого света.

— Почему он тебя не послушался, Джерри?

— Не знаю... Такого с ними раньше не бывало. В их программе нет стимула к самопожертвованию, только защита хозяина. — Джерри помолчал. — Хотел бы я знать, во что он теперь перевоплотился...

— В человека, — сказал Владимир.

МИХАИЛ ВЕЛЛЕР

Тест

Первого августа, за месяц до начала занятий в школе, мама повела Генку на профнаклонность. Генка не боялся и не переживал, как другие. Ему нечего было переживать. Он знал, что будет моряком. Его комната была заставлена моделями парусников и лайнеров. Он знал даже немного старинный флажный семафор и морзянку. И умел ориентироваться по компасу.

Вот Гарька — Гарька, да, волновался. Он семанил рядом со своей мамой, вспотевший и бледный. Вчера он упросил Генку, что будет проверяться после него. Он во всем с Генки обзаяничал. И модели с него слизывал, и тельняшку себе выклянчил, когда Генка впервые вышел во двор в тельник. Ему тоже хотелось стать моряком. Генке было не жалко. Пожалуйста. Море больших — на всех хватит. Даже так: когда он станет капитаном, то возьмет Гарьку на свой корабль помощником.

С солнечной улицы они вошли в прохладный вестибюль поликлиники. Генке мама взяла номерок на десять сорок. Гарькин номерок был на десять пятьдесят.

В очереди ждало и томилось еще человек пять. Трое девчонки сидели чинно, достойно; девчонки... что с них взять, сначала им куклы, потом дети — весь интерес. Пацаны тихо спорили, с азартом и неуверенностью. Профнаклонность — это тебе не шутка, все понимали.

Настала Генкина очередь. Они шагнули с мамой за белую дверь.

— Останься в трусиках, — сказала медсестра. — А вы, — к маме, — подождите здесь с одеждой.

Генка независимо вошел в кабинет. Доктор оказался совсем не такой; не старый и в очках, а молодой и без очков. Из-под халата у доктора торчали узкие джинсы.

— Садись, орел! — Он подвел Генку к высокому креслу. — Сиди тихонько, — пощелкал переключателями огромной, во всю стену, машины с огоньками и экранами. Снял со стеллажей запечатанную пачку карточек и вложил в блок. — Не волнуйся, — приговаривал он весело, успокаивающе, а то, можно подумать, Генка волновался... хм. Доктор надел Генке на голову как бы корону, от каждого зубца тянулся тоненький проводок за кресло. Подобные же штуковины доктор быстро пристроил ему на левую руку и правую ногу. И прилепил что-то вроде соски к груди. — Так. Вдохни. Выдохни. Расслабься. Сиди спокойно и постарайся ни о чем не думать. Будто бы ты уже спишь... — Он повернул зеленый рычажок. Машина тихонько загудела. — Вот и все! — объявил доктор и снял с Генки свои приспособления.

— Доктор, я моряк? — для полного спокойствия спросил Генка уверенно.

— Одну минуточку... — Доктор открыл блок, вынул карточки, нажал какую-то кнопку, и машина выбросила пробитую карточку в лоток. — А ты, брат, хочешь стать моряком?..

— Ну естественно, — снисходительно сказал Генка.

— Ого!.. Сто девяносто два! — Доктор одарил Генку долгим внимательным взглядом. — Сто девяносто два! Поздравляю, юноша.

— Я буду адмиралом?! — подпрыгнул Генка.

После паузы доктор ответил мягко:

— Почему же обязательно адмиралом?..

И то ли от интонации его голоса, или еще от чего-то странного Генку вдруг замутило.

— Что... там?.. — выговорил он, борясь с приступом дурноты.

Доктор был уверен, весел, доброжелателен:

— Чудесная и редкая профессия. Резчик по камню! Нравится?

— Какой резчик,— шепотом закричал Генка, вставая на ноги среди рушащихся обломков своего мира, и замотал головой,— какой резчик!

Появившаяся медсестра положила добрую властную ладонь ему на лоб и что-то поднесла к лицу, от едкого запаха резануло внутри и выступили слезы, но сразу отошло, стало почти нормально.

— Нервный какой ты у нас мальчик,— ласково сказала медсестра и погладила его по голове.

— Редкая и замечательная профессия,— убедительно и веско повторил доктор.— И у тебя к ней огромнейшая способность. Утречко, а? — обратился он к медсестре.— В девять был этот мальчишечка... Шарапанюк... резчик по камню, сто восемьдесят. Теперь, пожалуйста, этот — сто девяносто два, а?

— И тоже резчик? — сестра взглянула на Генку по-особенному и вздохнула.— Талант...

— Посмотри на его убитое выражение.— Доктор даже крикнул.— А поймет, что к чему, еще ведь зазнается, возгордится. Ты еще прославишься, мальчик.

— Я не хочу прославиться,— горько сказал Генка.— Я все равно моряк...

Мама поняла все сразу, когда Генка вышел обратно в приемную. Она взяла профнаправление — и лицо ее посветлело. Она взволнованно поцеловала Генку куда-то между носом и глазом и принялась сама надевать на него рубашку, как будто бы он маленький.

— Чудесно, сынок,— сказала она.— Замечательно! Пойдем с тобой сейчас в художественную школу.

— Я пойду в мореходку,— ответил Генка непримиримо.

Мама покусала губы.

— Хорошо,— сказала она.— Пойдем сейчас домой. Пусть папа придет, там решим вместе.

Генка хмуро сидел во дворе под старым кустом акации, когда его отыскал там Гарька. Гарька самодовольно сиял.

— Меня уже оформили в мореходку,— похвастался он.— Что же ты меня не дождал, как договаривались? А мама сказала, что ты теперь пойдешь в художественную школу... Я не поверил, конечно,— доверительно сообщил он.— Какой у тебя уровень? У меня девяносто один! Почти сто! А у тебя? Сто один?

— Тыща,— сказал Генка, поднялся и ушел, пряча глаза.

Семейный совет был тягостен. Папа настаивал:

— У тебя все данные к редкой и замечательной профессии. Тысячи ребят были бы счастливы на твоём месте. Послушай нас с мамой, сынок. Ты ведь, хотя и взрослый, не все еще понимаешь... А в свободное время ты сможешь купить катер и плавать где душе угодно.

— А доктор не мог ошибиться? — безнадежно спросил Генка.

— Как?..

— Ну... может, машина его испортилась...

Папа молча взъерошил ему волосы.

— Я пойду в мореходку, — сказал Генка и заплакал.

Месяц прошел ужасно. Предатель Гарька дразнил его во дворе и похвалялся синей формой. Генка не отвечал ни на чьи расспросы (все, казалось ему, только и думают об его несчастье и позоре) и отказывался выходить гулять вообще. Мама с папой переглядывались.

Тридцатого августа мама сказала:

— Гена. Ты уже большой. Послезавтра тебе идти в школу. Ты — разчик по камню. Понимаешь? Кем бы ни стал, но все равно ты — разчик по камню. Иди тебе в мореходку — ну... как если бы птице учиться быть рыбой.

— Чайки плавают... — сказал Генка.

— И кроме того, в первую очередь все будет предоставляться ребятам с профнаправлением, ты понимаешь?

— Понимаю, — упрямо сказал он.

Назавтра они с мамой отнесли его документы в мореходку.

Завуч, взяв его профкарточку, с некоторым недоумением взглянул на Генку, потом на маму, потом снова на карточку, потом покачал головой.

— На вашем месте, — порекомендовал он, — я бы без всяких сомнений и вариантов отдал его в художественную.

Мама неловко помялась и развела руками:

— Он хочет... Мечтал... Ему жить.

— Вырастет — поймет. Благодарен будет.

— Не буду, — угрюмо пообещал Генка. Он ждал, обмирая в отчаянии.

— Что ж, — сказал завуч и кашлянул. — Мы возьмем тебя, конечно. Характер есть — уже хорошо. Но тебе придется трудно, учи, друг мой. Очень трудно.

— Лускай, — сказал Генка неожиданно ослабшим голосом и впервые за этот месяц счастливо перевел дух. — Морякам всегда трудно!

Через неделю Генка понял, что такое профнаправленность. Гарька давно гулял во дворе, а он еще готовил домашнее задание. Класс успевал решить три задачи, а он корпел над первой. Все уже усваивали новый материал, а он разбирался в старом и задавал вопросы. Полугодие он закончил последним в классе.

— Ты бы не хотел перейти в художественную школу, сынок? — печально спросила мама. — Тебя всегда примут. Подумай!

— Нет! — бросал Генка и зло сдвигал брови. — Нет!

Он шел последним до третьего класса. В третьем он передвинулся в таблице успеваемости на две строки вверх.

— Так держать,— сказал завуч, встретившись в коридоре.— Уважаю!

В шестом классе Генка стал достопримечательностью. Он был включен в состав команды, посланной на олимпиаду мореходных школ. Команда заняла третье место. Генка был единственным участником олимпиады, не имевшим профнаклонности. Гарьку в команду не включили.

Сознание необходимости делать больше, чем требуют от других, больше, чем делают другие, укоренилось в нем и стало нормой. Он привык, как к естественному, весь вечер разбираться в пособиях, чтобы на следующем уроке знать то, на что по программе, составленной с учетом профнаклонности, хватало и учебника.

Генка окончил мореходку десятым по успеваемости. Это очень нужно было. В числе первого десятка он получал право поступления в Высшее мореходное училище без экзаменов.

На медкомиссии он проходил исследование на профнаклонность. «Резчик по камню. Сто восемьдесят один»,— последовало не подлежащее апелляции заключение. Комиссия устала на Генку непонимающе и вопросительно.

— Да,— сказал Генка.— Ну и что? Я моряк.

Комиссия полистала его характеристики.

— Будете сдавать экзамены на общих основаниях. Таковы правила.

Он проходил комиссию каждый год. «Резчик по камню».

На преддипломной практике он впервые не травил при сильной волне — четырнадцать лет тренировки вестибулярного аппарата.

Гарька получил уже под команду сухогруз, когда его еще мариновали в третьих помощниках. Потом он четыре года ходил вторым. Потом старшим. Потом ему дали старый танкер-шестнадцатитысячник, двадцать восемь человек экипажа.

В паромстве привыкли к необычному капитану и перестали обращать на него особенное внимание, пока внимание это не возникло вновь, уже в благосклонном плане, когда третья подряд комиссия по аварийности признала его самым надежным капитаном паромства. В тридцать девять лет, являясь исключением из инструкций, он стал капитаном трансатлантического лайнера. Капитан лайнера без профнаклонности.

Он приезжал в отпуск, проходил двором мимо куста акации домой и каждый раз говорил стареющим родителям: «Ну как?» — и раскрывал чемодан с заморскими подарками.

— Как надо,— отвечал отец.

— Никогда не сомневалась, что из моего сына в любом случае

выйдет толк,— говорила мама и на несколько секунд отворачивалась с платочком.

В сорок семь, капитан-наставник флотилии, он сошел в августе во Владивостоке. Пять широких старого золота галунов тускло отличали на его белой тропической форме. Широкая фуражка лондонского пошива затеняла загорелое лицо. Солнце эффектно серебрило седые виски. Навидавшиеся моряков владивостокские мальчишки смотрели ему вслед.

Дворец был вписан в набережную, как драгоценность в оправу. Линии его были естественны и чисты, как прозрение. Воздушная белизна плоскостей плыла и дробилась в сине-зеленых волнах и искрящейся пене прибоя.

Стройный эскорт окружая отгранных колонн расступался при приближении. Причудливый свет ложился на резьбу фронтонов и фриза, превосходящая ощущение замершего вдоха.

Экскурсовод произносил привычный текст, и негромкие слова, не теряя отчетливости, разносились в пространстве: «...уникальный срмамент... международная премия... потомки...»

Капитан вспомнил фамилию, названную гидом. Она держалась в его памяти с того дня, того, главного дня, когда он смог... смог вопреки судьбе, вопреки всему... Это была фамилия того мальчишки, резчика, у которого было сто восемьдесят в то утро, а у него сто девяносто два. Шарапанюк была его фамилия.

Корабль уходил в море ночью. Спелые звезды августа качались в волнах. Полоска портовых огней притухала за горизонтом. Капитан стоял на открытом крыле мостика. Он снял фуражку, и ветер шевелил пордевшие волосы.

— Я лучший капитан пароходства,— сказал капитан и закурил.

И только холодок печали звенел, как затерянный в ночи бенчик.

Киберомахия

Ах, какая была витрина!

Очарование, чудо! Что душе твоей пожелается — все красовалось под стеклом. Не захочешь — остановишься и будешь целый час глазеть, слюнки глотая, как гарцуют перед тобой огромные, раскрашенные, сверкающие короба, в которые, ей-богу, будто вся вселенная упакована и выставлена напоказ. Решайся, заходи и покупай! Любую благодать. Механика кругом — сплошная.

И вот в один солнечный весенний день набрался я храбрости и денег и пошел в тот самый магазин приобретать какое-нибудь диво. Какое — я сам тогда еще не знал.

Вошел.

В магазине — чистота, уют, вдоль прилавков автоматы сияют, у каждого мастер сидит и починяет — ведь рабочий день только начался, значит, автоматы должны весь день без отказа работать. Ремонт необходим.

— Здравствуйте! — говорю.

Все молчат — заняты.

— Ну ладно, — говорю, — мне ведь не к спеху.

Подходит тут ко мне продавец с лицом физика-теоретика, который только что переворот в науке сделал, но сам тому не верит, и спрашивает вдруг:

— А кофе не хотите?

Я смутился. К чему вопрос? Однако вмиг сообразил.

— Ага! — вскричал я. — Сервис максимум — такова программа? Превосходно! Что ж, налейте.

Нацедил продавец мне кофе в чашечку и, подавая, говорит:

— Вы за столиком в углу посидите, обождите немного. Купить, наверное, что-то пришли?

— Верно, — отвечаю, — угадали. Товар пока не выбрал, но уж что-нибудь куплю. Непременно!

— Вот и отлично. Как только освобожусь — весь ваш.

И продавец исчез.

Пошел я к столику. Настроение было радужное. Приятно, когда с тобой душевно говорят, не казенно... Я люблю, чтоб все на уровне и с блеском выходило — душа у меня современная, иначе не могу.

За столиком сидел какой-то гражданин. Он тоже кофе поливал и, будто нехотя, листал журнал с картинками. Одет он был отменно и выражение лица имел лощено-деловое. Я ценю такие лица. Как видно, сильный человек.

— А что,— говорю, садясь напротив гражданина,— не правда ли, день сегодня особенный?

— Ждем катаклизма? — отозвался гражданин мгновенно.

— Да нет. Просто солнышко светит, гололеду нет.

— Весна,— развел руками гражданин и улыбнулся.

— И впрямь,— киваю.— Как это вы подметили!.. Весна и впрямь. А после будет лето. Время отпусков. Вы — здешний?

— Все мы здешние,— еще шире улыбнулся гражданин.

Вот-вот, подумал я, какой подтекст, глобальный ход идей!.. Интеллигент, поди ж ты...

— Ждете долго? Что собираетесь купить?

— Могу журнальчик показать,— вдруг сообщает гражданин.

— Бойтесь сглазить, понимаю... А журнальчика не надо. Там картинки заграничные. А я, признаться, не обучен. Не пойму.

Тут за прилавком дверь распахнулась, и подлетел к столику наш продавец.

— Ну как? — спросил он очень деловито.

— Что — как? — не понял я.

— Ну, разговорились, обменялись новостями?

— Это уж как положено,— усмехаюсь.— А что?

— Вам нравится этот человек?

Посмотрел я на гражданина — тот сидит, сияет весь, ну прямо душка!..

— Да,— говорю.— А все-таки, что случилось?

— Если товара для души не выбрали, то вот, предлагаю, покупайте. Прекрасный экземпляр!

— Чего-чего?! — У меня аж глаза на лоб полезли.

— А ничего,— говорит продавец.— Наша последняя модель. Друг механический. Прошу любить и жаловать.

Гражданин вдруг подскочил и давай эдак сердечно, с изяществом раскланиваться. Будто заезжий какой гастролер, бисы срывать мастак.

— Вот это новости,— говорю,— а я тут с ним беседы по душам вести пытался... Оказывается, механизм!..

— Друг механический,— поправил продавец.— Если вы одиноки, если вы нуждаетесь в помощнике, опоре на всю жизнь, если вам нужен добрый совет в тяжелую минуту и преданное существо, то лучше этого вам не найти. Высшего качества, изъянов нет. Гарантия — полвека. Отзывчив, мил, любую просьбу выполнит в момент. Сделан с учетом международных стандартов. И стоит недорого. Подумайте-ка: за гроши такого друга заиметь!..

Все у меня в голове перемешалось, и почувствовал я себя внезапно дурак дураком.

— Как же так? — спросил я, пытаюсь встать на твердую почву. — Выходит, каждый может...

— Совершенно верно! В недалеком будущем — любой! Хватит с нас случайностей. Ошибки сокращают жизнь. Теперь все по-научному. Друзей теперь будут и в самом деле выбирать. Наверняка! Магазины откроют, пункты проката, предварительные заказы, торговля в кредит... Вам повезло. Это наш первый, пробный экземпляр. Еще ручной работы. Ну так что, берете или нет?

Я современный человек, и не приобрести новинку — как я могу? Затем ведь и живу, чтоб в ногу с временем шагать.

— Беру, — сказал я, больше не колеблясь. — Друг под рукой всегда сгодится. Ваша правда.

— Прекрасно сказано! — обрадовался продавец. — Вот вам квитанция, извольте — в кассу.

Влез он под прилавок, повозился там немного и выволок на середину магазина здоровенную коробку — кубометр, не меньше. Потом вдруг весь взъерошился и как-ак цыкнет на друга моего механического. Тот мигом сник — куда только лоск его пропал? — задергался, закрутился волчком, руками, будто веслами, воздух загребая, и... сложился пополам. Сложился и застыл. Схватил его тогда продавец за штаны и разом запихнул в коробку. Сверху стружек набросал и на крышку навесил пять замков — все блестящие и с музыкой.

Уплатил я деньги, тут внимание мое другая коробка на полке привлекла.

— А что, милейший, там у вас лежит? — интересуюсь.

— Жена, — отвечает продавец. — Механическая жена — холостяку всегда нужна.

— Ну? — изумился я. — Батюшки, и женами торгуют! Во, времена бегут!.. А взглянуть на нее можно?

— Нет, — важно говорит продавец, — ни в коем случае. Иначе вся герметизация пропадет, и станет эта жена не для кого-то там, кто заплатит, существовать, а для всей широкой публики. Вот будут у вас деньги — приходите. И жену оформим вам.

Подхватил я за ручки коробку с другом — а он, чертяка, в теле, ощутительно тяжелый! — поймал такси и полетел домой. Счастливый.

Ввалился в квартиру — и сразу к телефону. Звоню приятелю:

— Старикашечка, привет! Поздравь — друга купил! Настоящего! До гробовой доски! Вот он, теплый, красивый, — и нежно так по стенке ящика стучу. — Я, брат, тысячу целковых выложил. Все равно что пианино или мотоцикл купил. Соображаешь? Ты заходи, брат, полюбуюсь.

Стал я запоры с коробки снимать.

Тут одна мысль в меня вошла. А что, думаю, ежели он шалить вдруг начнет или качать свои права, коли что ему не по вкусу придется?

Но я сомнения отмел и сказал себе определенно: раз заплачено, то опасайся где-нибудь еще, а не на этом свете.

Снял я, наконец, запоры и сижу, любуюсь на ящик красочный. Глаз оторвать не могу. Тут же и применение коробке нашел. Поставлю я ее в углу на кухне и пальму в нее посажу.

Откинул я крышку и жду, когда же друг мой механический вылезет наружу. А он — ни гугу. Не шевелится и молчит. Как будто его там и нет.

Я сидел и огорчался. Прямо хоть беги назад.

Вдруг стружки зашевелились, в ящике затукало, заавдыхало, потом стружки поднялись горбом, и родился из них мой друг механический. Увидал меня, встрепенулся, метнулся вон из ящика и, очутившись на полу, одним движением весь отряхнулся и снова стал пощено-деловым, как в магазине за столом, и вновь сердечная улыбка заиграла на его лице.

— Ну вот. Я дома, — произнес он, потирая руки. — Я твой друг, делай со мной что хочешь, повелевай как заблагорассудится. Все для близкого человека сделаю!

Ну что ж, думаю, поди, и впрямь не врет. Вон, и в магазине заприходовали... Дескать, верный спутник на всю жизнь.

— А как зовут тебя, любезный? — спрашиваю.

— Как назовешь, так и будет.

— Ну, зовись тогда, мнэ-э... Выпертотом. Нравится?

— Нравится. Так чего желаешь, друг сердечный?

— Это смотря, что ты можешь.

— Все могу!

Ежели все, то еще ничего, думаю. Что б мне хотелось сейчас эдакого особенного? Чтоб на всю жизнь запомнилось и не стыдно было потом перед собой?

— Ага, — решил я. — Неохота мне на работу идти, слабость какая-то одолевает... Сделай так, чтобы все считали, будто завтра у меня воскресенье.

Друг пожужжал, попыхтел, покрутился на месте и говорит:

— Готово!

— Мнэ-э... Вон ты какой шустрый... Ну, коли так, то сооруди тогда, чтобы я совсем работать перестал, а жалованье ко мне бы шло.

Еще две минуты — и уже готово. Хорошо иметь механического друга!

— Так, — говорю после некоторого размышления, — это тебе и впрямь раз плюнуть... А сделай мне теперь автомобиль — не век же пешком ходить! И чтоб права, и... Словом, понимаешь.

И автомобиль добыл. Потом квартиру мою до восьми комнат расширил, мебелью в большом количестве современной обставил, с хрусталами и бронзой литой, фонтанчик устроил и бассейн для купания. Затем дачу мне отгрохал и участок в лесу отхватил гектаров на пять, с садом, стадом, с речкой, пожарной командой и шоссейной дорогой прямо к даче. Потом аэродром построил и самолет пригнал.

— Ну, что еще? — спросил Выпертот, изрядно потрудившись. — Чего еще ты хочешь?

— Славы хочу. Хочу стать великим писателем, чтоб меня называли новым Львом Толстым.

Стал я писателем. Обо мне в газетах тут же напечатали. Дескать, живет такой-то и творит. Начал я в маститых выбиваться и дачу свою прозвал «Ясный овражек».

Словом, в один день — да что там, меньше, в несколько часов! — заполучил я все и зажил припеваючи, как и должен уметь жить простой человек, идущий в ногу со временем.

Уж не помню, сколько минуло с тех пор, как вдруг является ко мне делегация, вся из товарищеских судей, и сообщает, что живу я на нетрудовые доходы, что на деле я дутый хануга и все, что у меня есть, пора бы и конфисковать.

Естественно, возмущению моему не было предела, я рвал и метал, строчил объяснительные статьи, выступать порывался, но... не помогло.

Забрали у меня все. И дачу, и машину, и самолет, и квартиру, и даже ненаглядного друга моего Выпертота. А я так к нему привык, можно сказать, полюбил... Даже ящик красочный — и тот забрали!

В смятении душевном побегал я в магазин.

На витрине было пусто, и только белел плакат «Наш быт — лицо наших дней» с аршинными огненными буквами.

В магазине — все та же чистота, уют, и вдоль прилавков автоматы сияют, у каждого мастер сидит и починяет.

— Как же так? — вскричал я оскорбленно.

Подошел ко мне продавец с лицом физика-теоретика, который ничего не открыл, но верит, что откроет, и сказал:

— Вышла ошибочка, молодой человек. Та машина, которую мы продали вам, для творчески-порядочных лиц предназначалась. Она уж слишком многомогущая.

— Но отчего сказали, будто я на нетрудовые доходы жил?

— Да так оно и есть! Вы жили в ущерб государству. Думаете, машина из воздуха вам все это строила? Нет! Она выкрадывала имущество народное и передавала вам. Так вы и жили.

— Что же делать мне теперь? — спросил я в отчаянии.

— Ничего,— успокоил продавец,— машину мы назад в витрину поместим, пусть постоит пока, где стояла. А вас — туда же!

— То есть как? За что?

— Я ж говорил вам — неувязка вышла,— пояснил охотно продавец.— Вот поглядите.

Шагнул он ко мне, елеяно улыбаясь, и вдруг проворною рукою под мою рубашку — шаст! — и вытянул оттуда глянцевый ярлык на пурпурной тесьме.

— Вот,— сказал он,— мы думали, все обойдется, не станем вас расстраивать, да, видно, судьба... Вслух читайте!

— «Хомо вульгарис, экземпляр экспериментальный, гарантия 100 лет»,— прочитал я, холодея.

— Вы и есть,— заметил продавец.— Мы вас сделали, дали пугавку в жизнь, хотели в серию пустить, а вы нам такую свинью подложили... Придется вас в надежные руки отдать. Может, куда и для лабораторных нужд. Уникальный вы все же тип.

Тут я возмутился. Что значит — для нужд лабораторных?! Я не мартышка и не крыса!

— Книгу жалобную! — рявкнул я в сердцах.

— Извольте,— согласился продавец.— Да толку?

Мигом появилась книга — на мелованной бумаге, в суператласном — и помчалось перо по страницам, выделявая кренделя. Дескать, обманули; дескать, затирают; дескать, страшно мне теперь вообразить, как дальше повернется жизнь. Всю книгу написал.

— Ну, вы даете,— восхитился продавец.— Ах, лихопись шальная!

Забрал он книгу и спрятал под прилавок, в сундучок. А после сладко потянулся.

— Поймите,— сказал он назидательно,— вы — машина, вы — только копия человека. И не воображайте из себя бог знает что. Ну, не удался эксперимент, ну, что теперь подделаешь? Хотя, возможно, этого и ждали...

— Жалобу прошу рассмотреть,— сказал я зло.

— Рассмотрим. Куда она денется? Но ведь не сразу, сами посудите. А пока... К чему упрячиться? Ступайте на витрину. Надеюсь, кто-нибудь вас купит. Организация или отдельный человек.

— Купит,— чуть не заплакал я.— Друга лишили, а теперь вот — и свободы.

— Эксперимент,— развел руками продавец.— Ступайте, не мешайте мне работать.

— Отпустите!

— Нет! Вам теперь не верят. Где гарантия?

Я подумал и кивнул:

— Нет гарантии. Все верно. В душе-то я человек. И мне не чуждо...

— Вульгарис хомо,— скривился продавец.— Сам знаю. Ну-ка, брысь!

... И встал я под стекло.

Я поворачиваюсь в витрине под перекрестным сиянием ламп и пальцем незаметно выпячиваю на животе ярлык с названием товара и ценой. Пусть видят все, пусть знают...

А мимо по улице люди снуют, и среди них, наверняка, уже запущенные в серию механические друзья — бежит, бежит время... А я спокоен. Потому как верю: вот приглянусь я кому-нибудь и купит меня мой друг механический, чтоб вместе со мною по жизни шагать. И какая разница, кто в конечном счете за кого заплатит. Главное, нам ничто не чуждо... Да, ничто! Как и всем, у кого душа современная...

ЕВГЕНИЙ ФИЛИМОНОВ

Грибники

На опушке леса Степин извлек из рюкзака небольшой продолговатый предмет. Он был похож на хромированную коробку. Что-то щелкнуло, и из металлического туловища высунулись восемь суставчатых ножек — они были снабжены лезвиями, лопатками, крючками. Телезрачки на телескопических стебельках синхронно вращались, ножки копошились, позвякивая микронструментами: видно было, что хромированному паучку нестерпимо захотелось взяться за дело. Мы с Галкой почтительно замерли — нам первым Степин демонстрировал свое очередное изобретение, «автономного грибника», «АГ», как он назвал его для вящей солидности.

— Сейчас, сейчас,— бормотал он успокоительно, держа свое детище на отлете и с некоторой даже, как нам показалось, опаской,— сейчас Агунчик пойдет за грибочками, сейчас он начнет их собирать...— сюсюкал он с механическим насекомым, как с балованным ребенком. Ловко вставил ему в спину кассету с программой, розовым пальцем переключил клавиши автопоиска. Одна из ножек паучка, бесцельно мотавшая в воздухе зазубренными ножницами, вдруг молниеносно изогнулась, схватила его за палец и, подержав некоторое время, разочарованно отпустила.

— Шали! — прикрикнул несколько побледневший Степин.— Палец — это тебе не гриб. Ну вот, все готово, пошел!

Он опустил АГ на землю, и тот помчался по траве, словно раздраженный тарантул. В мгновение ока выковырнул у меня из-под каблука крохотный маслячок, бросил его в проволочную сетку, которую Степин приспособил к его туловищу, и, взметнув тучу сухих листьев, скрылся из виду.

— Уф-ф...— Степин уселся на пенке и приглашающе живнул нам.— Падай, братва!

Пораженные, мы топтались на месте.

— А грибы? — начала было Галка.— Сперва побродим, поищем часиков до двенадцати, а потом уже...

— Ерунда,— засмеялся довольный Степин.— Агуша соберет за всех. Присаживайтесь.

На полянке возникла скатерть-самобранка, булькнула заветная бутылочка. Мы поняли — Степин добился переворота в косном, тривиальном процессе сбора лесных грибов — процессе, который ни на йоту не изменился со времен ледникового периода, который на протяжении веков успешно ускользал от пытливой инициативы изобретателей и, вроде бы, не содержал в себе никаких предпосылок для рационализации. И тем не менее Степин — наш Степин, изобретатель, сознательно избравший исключительно рутинные области быта и труда для внедрения своих новаций,— добился и здесь радикального успеха. Мы почтительно уселись возле торжествующего Степина. Из лесу доносился частый хруст, несколько раз в солнечных просветах мелькал деловитый АГ: на спине его металлическая корзинка быстро заполнялась грибами.

— Да-а,— рассказывал Степин, со смаком закусывая малосольным огурчиком,— убил я на него, на своего Агушку, целых полтора года, но результат — налицо.

Из-за ели выскочил АГ, ссыпал грибы из переполненной корзинки в рюкзак Степина и опять умчался.

— Семь минут — четыре килограмма! Вот ты, математик,— Степин подмигнул мне,— сосчитай, сколько это в час будет? А ведь грибные уголья здесь не особенные...

— Верно. Я бы в таком лесу вряд ли набрал полрюкзака за день.

— То-то. Техника, она, брат, везде скрытые резервы обнаруживает и извлекает с потрохами.

Галка тем временем присматривалась к принесенным грибам.

— Смотри-ка, почищенные. Ни одного червивого, гнилого... А это что за гриб, я таких не знаю.

Степин глянул равнодушно.

— Понятия не имею. Да ты не бойся, у него хеморецепторы на яд. Ядовитых он не возьмет. Паучок непростой, что и говорить.— Степин помолчал, поиграл палкой.— Определитель калорийности,

обонятельный анализатор, колориметрия лучших видов грибов — и все в ящичке $7 \times 18 \times 40$!

— За твой успех!

Изобретатель снисходительно улыбнулся.

— Это что — репетиция, первый образец... Но он должен пробить дорогу лучшему, более производительному агрегату — АГ-2!

Он рассказал нам о своих замыслах. АГ-2 должен был окончательно перевести сбор грибов на современный уровень. Этот стальной скорпион высотой с теленка должен был весь собранный материал тут же консервировать или сушить — в зависимости от заложенной программы. Ни один гриб в радиусе трех километров не смог бы укрыться от его внимания. Приборы ночного видения позволяли ему работать круглосуточно.

Мы с Галкой представили себе этих членистоногих грибников в прозрачных осенних лесах и содрогнулись. АГ тем временем успел наполнить и мой рюкзак.

— Идем, посмотрим его в деле, — предложил Степин.

Мы углубились в лес и ахнули. Зеленые лужайки были перерывы, будто по ним прошло огромное стадо самней.

— Ищет на совесть! — отметил удовлетворенно создатель паучка. — Куда тому Пронину...

Из-под растрепанных кустов краснели нетронутые мухоморы. В конце вспаханной просеки ненасытный АГ дрался с белкой, заставшей его за разграблением своей кладовой. Техника победила, и возмущенный зверек еще долго стрекотал с ветки на невиданного грабителя.

Рюкзаки были полны. Некоторых трудов стоило поймать «автономного грибника» — Степин забыл включить автостоп. Наконец он изловчился, набросил ватник на яростно сопротивлявшееся насекомое и выключил его; обездвиженный паучок втянул конечности и вновь стал компактным бруском металла.

— Ну что, по домам? — весело спросил Степин. — Полчасика нам хватило на все дела. Теперь давай, хозяйка, маринуй.

Он с натугой взвалил тяжелый рюкзак. Галка с недоумением смотрела на расхристанный лес — в сборе грибов результат для нее всегда был десятым делом. Мы поплелись обратно вдоль опушки, сгибаясь под тяжестью рюкзаков.

— Идем напрямик! — взмолилась вдруг Галка. — А то чувство такое, будто и в лесу не бывали.

Мы углубились в сосняк. Здесь в не тронутых никем зарослях царило бабье лето, листопад расцвел вокруг во всю свою огненную палитру. Даже рационалист Степин вроде бы проникся этим очарованием.

Ближе к опушке стали вновь встречаться разрытости, а из чащи начал доноситься немолчный хруст. Степин озадаченно прислушивался, приглядывался к следам.

— Не знай я,— сказал он наконец,— что Агушка в моем рюкзаке, я бы подумал, что он работает где-то здесь. Тот же почерк, только еще более решительный, еще более, я бы сказал, бескомпромиссный.

Действительно, осинка, по-видимому, мешавшая добраться до вожделенного гриба, была вырвана с корнем, массивный пенек рядом был разобран на щепочки в поисках опенок...

— Что же это может быть?

— АГ-2? — неудачно пошутил я.

Степин смерил меня взглядом и направился в осинник. Шум стал явственнее. Слышался треск вспарываемых корней, шорох разгребаемой почвы, посвистывание лезвия, взрезающего грибные корешки...

— Вот он!

В чаще желтолистных кустов виднелся нацеленный в зенит объемистый зад в кожаных штанах, этот зад был эпицентром лесной разрухи. Вдруг он распрямился, и над волнующейся листвой возникла морковного цвета физиономия. Она с неудовольствием отвернулась от возможных конкурентов, вновь нырнула в таинственный папоротниковый сумрак, и треск возобновился.

— Крюкодумов, начальник отдела кадров! — шепнула Галка.

Да, это был он. Крюкодумов по праву считался одним из активнейших грибников отдела.

— Вот это собиратель! — подзуживал я Степина. Тот, не отвечая, двинулся прочь. Позади нас с трясущихся стволов сыпались листья...

— Да-а,— сказал Степин задумчиво, когда мы уже вышли к шоссе,— человек — это все-таки венец творения. Куда моему паучку до Крюкодумова! Электроника, бионика, новейшие достижения оптики, химии — а приходит простой человек в кожаных штанах, и тебе становится ясно — вся работа еще впереди. Но ничего,— Степин оптимистически потрянул головой,— следующий мой «Грибник» по результативности сравняется с Крюкодумовым, уж я этого добьюсь!

■ ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Голем XIV

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уловить исторический момент, когда простые счеты обрели разум, столь же трудно, как и тот, когда обезьяна превратилась в человека. И все же мы с уверенностью можем утверждать, что от той поры, когда созданный Ванневаром Бушем анализатор дифференциальных уравнений положил начало бурному развитию электроники, нас отделяет время, едва ли достигающее продолжительности одной человеческой жизни. Построенный после него, на исходе второй мировой войны, ЭНИАК* был устройством, которое уже окрестили — надо заметить, довольно преждевременно — «электронным мозгом». По сути дела, ЭНИАК был всего лишь компьютером, электронно-вычислительной машиной, то есть в масштабах Древа Жизни — примитивным нервным ганглием. Однако именно с него начинают историки вести отсчет эры компьютеризации. В 50-х годах XX столетия возникла настоятельная потребность в использовании цифровых машин; одним из первых к их массовому производству приступил концерн ИБМ**.

Работа этих машин имела немного общего с процессами мышления. Эти машины представляли собой устройства для обработки данных как в области экономики и крупного бизнеса, так и в сфере управления и науки. Вошли они и в политическую жизнь: уже первые образцы этих машин использовались для предсказания результатов президентских выборов. Примерно в то же самое время «РЭНД корпорэйшн»*** сумела заинтересовать военные инстанции

© Stanisław Lem. Golem XIV.— Wielkość urojona. Warszawa, Czytelnik, 1973.

* ENIAC — Electronic Numerical Integrator and Automatic Calculator (англ.) — электронный цифровой интегратор и вычислительная машина. — Здесь и далее прим. перев.

** IBM — International Business Machines Corporation.

*** РЭНД — сокращение от англ. Research and Development (исследования и разработки) — созданная в Калифорнии в конце

Пентагона методом прогнозирования событий на международной военно-политической арене, заключающимся в составлении так называемых «сценариев событий». Отсюда было недалеко до более надежных методик, таких, как, например, «СИМА», из которых спустя два десятилетия родилась прикладная алгебра событий, называемая (впрочем, не совсем удачно) политикоматикой. Подобным же образом — в роли Кассандры — компьютер проявил свои возможности, когда впервые в Массачусетском технологическом институте было начато в рамках знаменитого проекта «Пределы роста» составление формальных моделей земной цивилизации.

Но на эта ветвь эволюции вычислительных машин оказалась важнейшей на исходе столетия. Армия использовала цифровые машины с конца второй мировой войны в соответствии с развитой на театрах военных действий системой операционной логистики. На стратегическом уровне решения по-прежнему принимали люди, но второстепенные и менее сложные проблемы все в большей и большей степени передавались вычислительным машинам. Одновременно эти машины стали внедряться в систему обороны Соединенных Штатов, где они играли роль нервных узлов континентальной сети раннего оповещения. С технической точки зрения такие сети чрезвычайно быстро устаревали. Первую из них, называемую КОНЕЛРАД, сменило множество очередных вариантов сети ЭВАС*. Оборонительный и атакующий потенциал в то время основывался на системе подвижных (подводных) и неподвижных (подземных) баллистических ракет с термоядерными боеголовками, а также на кольцевых системах радарно-сонарных баз. Вычислительные машины выполняли в этой системе функции коммуникационных звеньев, другими словами, чисто исполнительные.

Автоматизация входила в жизнь Америки широким фронтом — вначале «снизу», то есть со стороны таких работ в сфере обслуживания, которые легче всего механизировать, ибо они не требуют интеллектуальной активности (банковское дело, транспорт, гостиничное хозяйство). Военные вычислительные машины выполняли специальные узкие задания: занимались поисками целей для комбинированной ядерной атаки, обрабатывали результаты наблюдений со спутников, оптимизировали перемещения флотов и коррелировали движения тяжелых МОЛОВ**.

второй мировой войны исследовательская фирма, занимающаяся проблемами глобальной военной стратегии и национальной безопасности США. В настоящее время тесно связана с военно-промышленным комплексом и Пентагоном.

* EWAS — Early Warning System (англ.) — система раннего оповещения войск противовоздушной обороны.

** MOL — Military Orbital Laboratory (англ.) — военная орбитальная лаборатория.

Как и можно было ожидать, диапазон проблем, решение которых доверялось автоматическим системам, неуклонно расширялся. Это было естественно в ходе гонки термоядерных вооружений, но последовавшая затем разрядка также не стала тормозом для дальнейших капиталовложений в этой области. Дело в том, что замораживание термоядерных вооружений высвободило значительные бюджетные квоты, от которых, уже после окончания вьетнамской войны, Пентагон не хотел полностью отказаться. Но и тогда выпускаемые вычислительные машины — десятого, одиннадцатого и, наконец, двенадцатого поколений — превосходили человека только в скорости выполнения операций. Становилось все более ясно, что в оборонительных системах именно человек оказывается элементом, приводящим к задержке выполнения нужной команды.

Таким образом, можно признать вполне естественным возникновение в кругах специалистов Пентагона — особенно ученых, связанных с так называемым «военно-промышленным комплексом», — идеи противодействия описанной тенденции интеллектуальной эволюции. Среди неспециалистов это движение получило название «антиинтеллектуального». По свидетельству историков науки и техники, его духовным отцом был английский математик середины XX столетия А. Тьюринг, создатель теории «универсального автомата». Это была машина, способная выполнить БУКВАЛЬНО ЛЮБУЮ операцию, которую можно формализовать, то есть придать ей характер идеально повторяемой процедуры. Различие между «интеллектуальным» и «антиинтеллектуальным» направлением в электронике сводится к тому, что машина Тьюринга, элементарно простая, своими возможностями обязана ПРОГРАММЕ действия. С другой стороны, в работах двух отцов кибернетики Н. Винера и Дж. фон Неймана появилась концепция такой системы, которая может сама себя программировать.

Разумеется, мы представляем эти перепутья развития кибернетики необычайно упрощенно, так сказать, с птичьего полета. И понятно также, что способность самопрограммирования не возникла на пустом месте. Ее необходимой предпосылкой была высокая внутренняя сложность строения вычислительной машины. В середине XX века почти незаметная, эта дифференциация оказала большое влияние на дальнейшую эволюцию математических машин, особенно когда окрепли и стали самостоятельными такие отрасли кибернетики, как психоника и многофазная теория принятия решений. В восьмидесятых годах в военных кругах родилась мысль о полной автоматизации всех начинаний высших органов власти как военно-командных, так и политико-экономических. Эту концепцию, впоследствии названную «Идеей Единого Стратега», первым, по видимому, высказал генерал Стюарт Иглтон. Начертанная им карти-

на простиралась за пределы компьютеров поиска оптимальных целей атаки, за пределы сети связи и расчетов, заведующей системой оповещения и обороны, за датчики и боеголовки — он предвидел создание могущественного центра, который во время всех фаз, предшествующих окончательной крайности — началу военных действий, — был бы способен благодаря всестороннему анализу экономических, военных, политических и социальных данных непрерывно оптимизировать глобальную ситуацию США, обеспечивая тем самым Соединенным Штатам превосходство в масштабе всей планеты и ее космической окрестности, вышедшей в то время за пределы орбиты Луны.

Последующие сторонники этой доктрины настаивали на том, что речь идет о необходимом шаге в направлении прогресса цивилизации; причем этот прогресс представляет собой органическое целое, и поэтому из него нельзя произвольно исключать военную область. После прекращения эскалации поражающей ядерной мощи и ограничения радиуса действия ракет-носителей наступил третий этап — этап соревнования, казалось бы, менее грозный и более совершенный, ибо он должен был быть не Антагонизмом Сокрушающей Силы, но Оперативной Мысли. И как ранее сила, так теперь и мысль должна была испытать на себе влияние обесчеловечивающей механизации.

Эта доктрина, как, впрочем, и ее атомно-баллистические предшественницы, стала объектом критики, исходящей главным образом из либеральных и пацифистских кругов. С нею боролись многие выдающиеся представители мира науки, в их числе специалисты-психосоматики и интеллектроники, но она в конце концов победила, что нашло свое выражение в правовых актах обоих законодательных органов США. Впрочем, уже в 1986 году в качестве органа, подчиненного лично президенту, возник ЮСИБ*. Ему был выделен собственный бюджет, который в первый год составил 19 миллиардов долларов. Это было лишь скромное начало.

ЮСИБ с помощью консультативного органа, являющегося полуофициальным представительством Пентагона, под председательством государственного секретаря Министерства обороны Леонарда Дейвенпорта разместил в ряде крупных частных фирм, таких, как «ИБМ», «Нортроникс» и «Сайбермэтикс», заказы на строительство прототипа устройства, известного под кодовым названием ГАНН (сокращение от Ганнибала). Однако под влиянием прессы и из-за различных утечек информации распространение получило другое

* USIB — United States Intellectronical Board (англ.) — совет США по интеллектронике. — Прим. авт.

название этого устройства — УЛВИК *. До конца столетия возникли и другие прототипы подобных устройств. Из наиболее известных здесь можно упомянуть такие системы, как АЯКС, УЛТОР, ГИЛЬГАМЕШ, а также многочисленную серию ГОЛЕМов.

Благодаря быстро растущим гигантским затратам средств и труда традиционные методы информатики испытали подлинную революцию. В особенности огромное значение имел переход от электрических процессов к световым в передаче информации внутри вычислительной машины. В сочетании с прогрессирующей «нанизацией» (так называли очередные этапы микроминиатюризации — быть может, стоит добавить, что в конце столетия 20 тысяч логических элементов могла разместиться в зернышке мака!) этот переход дал поразительные результаты. Первый полностью световой компьютер, ГИЛЬГАМЕШ, работал в миллион раз быстрее архаичного ЭНИАКа.

«Преодоление барьера разума» — как это иногда именуют — произошло сразу же после 2000-го года благодаря новому методу конструирования вычислительных машин, называемому также «невидимой эволюцией разума». До этих пор каждое поколение компьютеров конструировалось реально; концепцию построения их очередных вариантов с огромным — тысячекратным! — ускорением, хотя и известную, не удавалось воплотить в жизнь, поскольку существующие вычислительные машины, которые должны были служить «утробой» или «синтетической средой» этой эволюции Разума, не располагали достаточным объемом. Лишь возникновение Федеральной Информационной Сети позволило воплотить эту идею в жизнь. Развитие 65 следующих поколений продолжалось всего лишь десятилетие; Федеральная Сеть в ночные периоды — периоды минимальной нагрузки — производила на свет один «искусственный вид Разума» за другим; это было потомство, прошедшее «ускоренный компьютерогенез», ибо оно созревало — ускоренное символами, то есть нематериальными структурами, — в информационном субстрате, в «питательной среде» Сети.

Но после этого успеха наступила пора новых трудностей. АЯКС и ГАНН, прототипы 78-го и 79-го поколений, признанные достойными воплощения в металле, проявляли неуверенность в принятии решения, называемую также «машинным неврозом». Различие между прежними и новыми машинами в принципе сводилось к различию между насекомым и человеком. Насекомое приходило на свет «запрограммированным до конца» — инстинктами, которым оно подчиняется, не раздумывая. Человек же должен только учиться

* ULVIC — Ultimate Victor (англ.) — Абсолютный Победитель. — Прим. авт.

правильному поведению, но это обучение в качестве следствия приводит его к еще большей самостоятельности: дело в том, что человек может по своему решению и исходя из своих знаний сменить существовавшие прежде программы.

Таким образом, вычислительные машины вплоть до 20-го поколения включительно отличались поведением «насекомого»: они не могли ставить под сомнение, а тем более преобразовывать свои программы. Программист «оживлял» в свои машины знания, подобно тому как эволюция «оживляет» в насекомое инстинкт. Еще в XX веке много говорилось о «самопрограммировании», но в то время это были лишь нереальные мечты. Условием реализации «Абсолютного Победителя» как раз и было создание «Самосовершенствующегося Разума»; АЯКС был еще промежуточной формой, и лишь ГИЛЬГАМЕШ достиг соответствующего интеллектуального уровня — «вышел на психоэволюционную орбиту».

Обучение вычислительной машины 80-го поколения было гораздо более похоже на воспитание ребенка, нежели на классическое программирование цифровой машины. Однако, кроме огромного количества общих и специальных знаний, компьютеру надлежало «привить» определенную систему неопровержимых ценностей, которыми он должен был руководствоваться в своих действиях. Это были абстракции высшего порядка, как, например, «государственные интересы», идеологические принципы, содержащиеся в Конституции США, кодексы норм, предписание безусловного подчинения решению президента и т. п. Для того чтобы предохранить систему от так называемого «этического сдвига», от «измены интересам страны», машину обучали этике не так, как обучают ее основам людей. Этический кодекс не загружался в ее память, но все требования послушания и кротости вводились в машинную структуру так, как это делает природная эволюция, — а именно в область инстинктивных влечений. Как известно, человек может изменить мировоззрение, но не может уничтожить в себе элементарных влечений (например, полового влечения) простым волевым актом. Машины были наделены интеллектуальной свободой, но при этом они оставались прикованными к заданному заранее фундаменту тех ценностей, которым они должны были служить.

На XXI Панамериканский конгресс психоники профессор Эдмон Пэтч представил работу, в которой он утверждал, что компьютер, даже с оживленной таким образом системой ценностей, может перейти так называемый «аксиологический порог» и тогда окажется способным поставить под сомнение любой принцип, который был ему привит, иначе говоря, для такого компьютера больше не существует неприкосновенных ценностей. Если он не сумеет противопоставить себя императивам прямо, то сможет сделать это окольным

путем. Став известной, работа Пэтча возбудила брожение в университетских кругах, а также новую волну нападков на УЛВИК и его патрона — ЮСИБ, однако эти голоса не оказали никакого влияния на политику ЮСИБа.

Эту политику определяли люди, предубежденные по отношению к среде американских психоников, считающейся подверженной влиянию левых и либеральных тенденций. В связи с этим предубеждения Пэтча были проигнорированы в официальных заявлениях ЮСИБа и даже в заявлениях представителя Белого дома по связям с печатью. Была даже развернута кампания, которая имела целью дискредитировать Пэтча. Утверждения Пэтча сравнивали с иррациональными страхами и предрассудками, которые в то время множились в обществе. Впрочем, брошюра Пэтча не завоевала себе даже такой популярности, какую снискал бестселлер социолога Э. Лики «Кибернетика — газовая камера человечества». Этот автор утверждал, что «Абсолютный Победитель» подчинит себе все человечество сам или сделает это, вступив в тайный сговор с аналогичным компьютером русских. Результатом будет, писал он, «электронный дуумвират».

Подобные опасения, выражаемые также значительной частью прессы, перечеркивались, однако, вводом в строй очередных прототипов, успешно сдающих выпускные экзамены. Построенный по специальному правительственному заказу для исследования этологической динамики компьютер с «незапятнанным моральным обликом» ЭТОР БИС, созданный в 2019 году Институтом психонной динамики штата Иллинойс, после запуска обнаружил полную аксиологическую устойчивость и неподатливость на «тесты подрывного соображения». В связи со всем сказанным назначение в следующем году на должность Верховного Координатора мозгового треста при Белом доме первого компьютера из многочисленной серии ГОЛЕМов* уже не возбудило ни массового протеста, ни демонстрации.

Это был ГОЛЕМ I. Независимо от этого серьезного нововведения ЮСИБ по договоренности с оперативной группой психоников Пентагона по-прежнему вкладывал значительные средства в исследования, направленные на построение Абсолютного Стратега с информационной пропускной способностью, более чем в 1 900 раз

* GOLEM — General Operator, Long-range, Ethically Stabilized Multimodelling (англ.) — оператор общего типа, дальнодействующий, этически стабилизированный, мультимоделирующий. Големом согласно средневековой легенде был назван созданный одним чернокнижником искусственный глиняный человек, предназначенный для исполнения всех черных работ, но прежде всего для предотвращения коварных планов противника путем их разгадывания и уничтожения.

превышающей человеческую, и значениями интеллектуального коэффициента (IQ) порядка 450—500 центилей. Необходимые для этой цели огромные кредиты проект получил, несмотря на усиливающееся сопротивление среди демократического большинства конгресса США. Однако закулисные маневры политиков открыли, наконец, зеленую улицу для всех запланированных ЮСИБом заказов. В течение трех лет проект поглотил 119 миллиардов долларов. Кроме того, сухопутные силы и военно-морской флот, подготавливаясь к полной реорганизации своих центральных служб, необходимой перед лицом надвигающегося изменения стиля и методов командования, затратили в то же самое время на те же цели 46 миллиардов долларов. Львиную долю этой суммы поглотила постройка — под массивом кристаллических пород Скалистых гор — помещений для будущего электронного стратега, в процессе которой определенные участки скал были покрыты броней четырехметровой толщины, повторяющей естественные изгибы рельефа горной местности.

Тем временем ГОЛЕМ VI в 2020 году провел глобальные маневры Атлантического пакта в роли главнокомандующего. Количеством логических элементов он превосходил среднего генерала.

Пентагон не удовлетворился результатами маневров 2020 года, хотя ГОЛЕМ VI и победил в них сторону, изображающую противника, которой руководил штаб, составленный из самых выдающихся выпускников академии в Уэст Пойнт. Памятуя о своем горьком опыте — превосходстве «красных» в космонавтике и ракетной баллистике, — Пентагон не намеревался ждать, когда они построят своего стратега, более эффективного, чем американский. План, долженствующий обеспечить Соединенным Штатам прочное превосходство стратегической мысли, предусматривал непрерывную замену строящихся стратегов все более совершенными моделями.

Так началась третья по счету (после двух, вошедших в историю — ядерной и ракетной) гонка между Западом и Востоком. Эта гонка, или же соперничество в Синтезе Мудрости, хотя и подготовленная организационными начинаниями ЮСИБа, Пентагона и экспертов УЛВИКа военно-морского флота (существовала специальная группа NAVY's ULVIC, ибо и на этот раз проявился старый антагонизм между военно-морским флотом и сухопутной армией), требовала все новых и новых капиталовложений, которые в условиях растущего сопротивления конгресса и сената поглотили в течение последующих лет еще десятки миллиардов долларов. В этот период было построено шесть гигантов световой мысли. Отсутствие всяческих сведений об аналогичных работах по другую сторону океана только укрепляло ЦРУ и Пентагон в убеждении, что русские при-

кладывают все усилия, чтобы построить все более и более мощные компьютеры под прикрытием строжайшей секретности.

Ученые из СССР неоднократно заявляли на международных конференциях и съездах, что в их стране подобные устройства вообще не конструируются, однако эти утверждения считались лишь дымовой завесой, которая должна была ввести в заблуждение мировое общественное мнение и вызвать волнения среди граждан Соединенных Штатов, которые как-никак вкладывали ежегодно в строительство УЛВИКа миллиарды долларов.

В 2023 году произошло несколько инцидентов, которые, однако, ввиду секретности работ, обычной для такого проекта, не получили поначалу широкой огласки. ГОЛЕМ XII, исполнявший во время пагубного кризиса обязанности начальника генерального штаба, отказался сотрудничать с генералом Т. Оливером, проведя текущую оценку интеллектуального коэффициента этого заслуженного командира. Этот конфликт повлек за собой расследование, в процессе которого ГОЛЕМ XII до глубины души оскорбил трех направленных сенатом членов специальной комиссии. Дело удалось замять, а ГОЛЕМ XII после нескольких других стычек понес наказание в виде полного демонтажа. Его место занял ГОЛЕМ XIV (тринадцатый был отбракован еще на верфи, поскольку перед вводом в строй обнаружил неустранимый шизофренический дефект). Ввод в строй этого гиганта, психическая масса которого была сравнима с водонесущим броненосцем, продолжался без малого два года. При первом же соприкосновении с обычной процедурой — составлением новых ежегодных планов ядерного поражения — этот, последний из серии ГОЛЕМов, прототип проявил симптом непонятного негативизма. Во время очередной испытательной сессии на заседании генерального штаба он предложил вниманию группы военных и экспертов-психоников сжатый меморандум, в котором заявил о своей полной незаинтересованности в превосходстве военной доктрины Пентагона, в частности, и мировой позиции США вообще. Он не изменил своего мнения даже под угрозой демонтажа.

Последние надежды ЮСИБ возлагал на модель совершенно новой конструкции, совместно разрабатываемую фирмами «Нортроникс», «ИБМ» и «Сайбертроникс». Психонический потенциал этой модели должен был быть рекордным для всех машин из серии ГОЛЕМов. Известный под названием «Добродетельная АННИ» (последнее слово сокращение от АННИГИЛЯТОР), этот гигант постыдно провалился уже на предварительных испытаниях.

Он проходил обычный курс информационно-этического обучения в течение девяти месяцев, а затем прекратил связи с внешним миром, замкнулся в себе и перестал реагировать на все раздражители и вопросы. Вначале планировалось проведение следствия

ФБР, поскольку конструкторов подозревали в саботаже, однако тем временем старательно скрываемая тайна вследствие непредвиденной утечки информации попала на страницы печати, и разразился скандал, известный всему миру под названием «Афера ГОЛЕМА и др.».

Этот скандал разрушил надежды на блестящую карьеру многих идущих в гору политиков, а три сменявшиеся поочередно вашингтонские администрации выставил в таком свете, что это вызвало радость оппозиции в Соединенных Штатах и чувство глубокого удовлетворения у друзей США во всем мире.

Неизвестное должностное лицо из Пентагона отдало отделу специальных терминалов приказ произвести демонтаж ГОЛЕМА XIV и «Добродетельной АННИ», однако вооруженная охрана комплексов генерального штаба не допустила разборки машин. Обе законодательные палаты создали специальные комиссии для расследования всего этого предприятия ЮСИБа. Как известно, следствие, продолжавшееся два года, стало излюбленной мишенью для нападок прессы на всех континентах; ничто не пользовалось такой популярностью на телевидении и в кино, как тема «взбунтовавшихся компьютеров», а пресса не расшифровывала название ГОЛЕМ иначе, как «Прискорбное Разбазаривание Денег Правительством»*. Эпитеты, которые обрушились на «Добродетельную АННИ», мы затрудняемся воспроизвести.

Генеральный прокурор намеревался возбудить судебное преследование против шести членов главного совета ЮСИБа, а также против ведущих конструкторов-психоников проекта УЛВИК, но следствие в конце концов доказало, что ни о каких актах враждебной антиамериканской деятельности не может быть и речи, поскольку на самом деле имели место явления, которые были неизбежным результатом эволюции искусственного Разума. Дело в том, что, как это сформулировал один из свидетелей, вызванный в качестве эксперта, профессор А. Хиссен, высший разум не может быть ничтожным рабом. В ходе расследования обнаружилось также, что на верфи находится еще один прототип — СУПЕРМАСТЕР, строящийся фирмой «Сайбермэтик» (на этот раз по заказу армии). Его монтаж намеренно был закончен в условиях строгого надзора. Затем готовый прототип был допрошен на специальной сессии обеих комиссий (сената и конгресса) по делам УЛВИКа. Во время слушания имели место шокирующие сцены: например, генерал С. Уокер пытался повредить СУПЕРМАСТЕРА, когда последний заявил, что геополитическая проблематика не может сравниться с онтологической, а лучшая гарантия мира — это всеобщее разоружение.

* *Governments Lamentable Expense of Money* (англ.).

Воспользовавшись выражением профессора Дж. Мак-Калеба, можно сказать, что специалисты УЛВИКа решили поставленную перед собой задачу слишком хорошо: искусственный разум в ходе заданной эволюции преодолел уровень военных проблем, и эти устройства из военных стратегов превратились в мыслителей. Одним словом, за 276 миллиардов долларов Соединенные Штаты приобрели себе коллектив световых философов.

Эти кратко описанные события, среди которых мы обошли как административную сторону проекта УЛВИК, так и реакцию общественности, вызванную его «фатальным успехом», представляют собой предысторию возникновения настоящей книги. Данному предмету было посвящено неисчислимое количество публикаций, которые мы здесь не имеем возможности даже упомянуть. Заинтересованного читателя мы отсылаем к аннотированной библиографии, составленной д-ром У. Багхоорном.

Ряд прототипов, среди которых был и СУПЕРМАСТЕР, подвергся демонтажу или получил серьезные повреждения, в частности, в связи с финансовыми конфликтами, которые возникли между корпорациями-подрядчиками и федеральным правительством. Дело дошло даже до актов терроризма, направленных против некоторых машин; прогремели взрывы; часть прессы, главным образом на Юге Соединенных Штатов, привычно запугивала своих читателей «красной опасностью», но уже под новым лозунгом — «Каждый компьютер — красный»; но я оставляю в стороне и эти события. Благодаря вмешательству группы либеральных конгрессменов, обратившихся лично к президенту, ГОЛЕМА XIV и «Добродетельную АННИ» удалось спасти от уничтожения. Став перед лицом провала своей идеи, Пентагон в конце концов согласился передать оба этих гиганта Массачусетскому технологическому институту (МТИ). Однако это произошло только после уточнения финансово-юридической стороны этого акта, которая носила компромиссный характер — дело в том, что формально они были лишь переданы МТИ «в бессрочную аренду». Ученые МТИ, создав исследовательскую группу, в состав которой входил и автор этих слов, провели с ГОЛЕМОМ XIV ряд сессий и выслушали его лекции на избранные темы. Небольшая часть магнитограмм этих заседаний и послужила материалом для настоящей книги.

Большинство высказываний ГОЛЕМА непригодно для широкого опубликования либо в связи с их абсолютной непонятностью для всех живущих на нашей планете, либо же по той причине, что их понимание предполагает весьма высокий уровень специальных знаний. Чтобы облегчить читателю знакомство с этим единственным в своем роде протоколом бесед людей с разумным, но не челове-

ческим существом, следует поначалу выяснить несколько основных вопросов.

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что ГОЛЕМ XIV не является увеличенным до размеров здания человеческим мозгом и уж тем более человеком, построенным из световых элементов. Ему чужды почти все мотивы человеческого мышления и деятельности. Так, например, он не интересуется прикладными науками или проблематикой власти (благодаря чему, можно добавить, человечеству не угрожает господство машин, подобных ГОЛЕМУ).

Во-вторых, в соответствии со сказанным ГОЛЕМ не является личностью в человеческом понимании этого слова и не обладает каким-либо характером. Точнее говоря, он может в процессе общения с людьми предстать перед ними в качестве произвольной личности. Оба высказанных выше утверждения не исключают друг друга, но создают порочный круг: дело в том, что мы не умеем решить проблему, является ли само по себе личностью то, что может предстать перед нами в виде различных личностей? Как может быть Кем-то (то есть «кем-то единственным») тот, кто умеет быть Каждым (то есть Произвольным)? Заметим, что согласно самому ГОЛЕМУ здесь наблюдается не порочный круг, но «релятивизация понятия личности»; эта проблема связана с так называемым алгоритмом самоописания, или автоописки, который поверг психологов в глубокое замешательство.

В-третьих, поведение ГОЛЕМа непредсказуемо. Иногда он любезно вступает почти что в светские беседы с людьми, а иногда попытки контакта ни к чему не приводят. Бывает, что ГОЛЕМ шутит, но его чувство юмора принципиально отлично от человеческого. Многое зависит от самих собеседников. Иногда — в редчайших и исключительных случаях — ГОЛЕМ проявляет определенный интерес к людям, обладающим довольно специфическими способностями; его как будто привлекают не математические способности, хотя бы и самые большие, но скорее формы таланта, возникающие на «пограничье» различных дисциплин; несколько раз случалось так, что он предсказал — с невероятной прозорливостью — совершенно еще никому не известным молодым ученым достижения в указанной собою области. Например, еще только собирающемуся защищать диссертацию двадцатидвухлетнему Т. Врёделю он заявил, после того как обменялся с ним несколькими фразами: «Из вас выйдет компьютер», что означало более или менее: «Из вас выйдет человек».

В-четвертых, участие в беседах с ГОЛЕМом требует от людей терпения, а прежде всего умения владеть собой, ибо он часто, с нашей точки зрения, ведет себя самоуверенно и безапелляционно. Собственно, он является лишь абсолютным правдолюбом — в логи-

ческом, а не только в светском смысле этого слова — и совершенно не считается с самолюбием своих собеседников, поэтому невозможно рассчитывать на его снисходительность. В течение первых трех месяцев пребывания в МТИ он проявлял склонность к публичному свержению с пьедестала различных известных авторитетов; он делал это, используя сократический метод наводящих вопросов. Однако потом по неизвестным причинам эта привычка у него исчезла.

Стенограммы бесед мы представляем здесь в отрывках: полное их издание заняло бы объем около 6 700 страниц формата ин-кварто. Вначале во встречах с ГОЛЕМОМ принимал участие только довольно узкий круг сотрудников МТИ, а затем укоренился обычай приглашать гостей из других учреждений, например, из Института высших исследований в Принстоне и из американских университетов. В более поздний период в семинарах принимали участие и гости из Европы. Модератор планируемого заседания предлагает ГОЛЕМУ список приглашенных; ГОЛЕМ не дает всем одинакового одобрения: на участие некоторых он соглашается только при условии, что они будут сохранять молчание. Мы пробовали выявить применяемые им критерии; вначале казалось, что он дискриминирует гуманитариев; в настоящее время его критерии нам попросту неизвестны, поскольку он не желает их сообщать.

После нескольких неприятных инцидентов мы модифицировали порядок заседаний таким образом, что в настоящее время каждый новый участник, представляемый ГОЛЕМУ, на первом заседании выступает только в том случае, если ГОЛЕМ обратится непосредственно к нему. Неумные слухи, будто бы в данном случае речь идет о каком-то «придворном этикете» или о нашем «благословенном трепете» перед машиной, лишены всяческих оснований. Все продиктовано исключительно тем, чтобы впервые участвующий в беседе привык к существующим здесь обычаям и в то же время был избавлен от риска неприятных переживаний, вызванных непониманием намерений светового партнера. Такое предварительное участие называется «разминкой».

Каждый из нас на протяжении очередных заседаний накопил кое-какой опыт. Д-р Ричард Попп, один из давних членов нашей группы, называет чувство юмора ГОЛЕМА математическим, а другое его замечание частично дает ключ к поведению ГОЛЕМА. Д-р Попп считает, что ГОЛЕМ независим от своих собеседников в такой степени, в какой ни один человек не является независимым по отношению к другим людям, ибо он не включается в дискуссию иначе как микроскопически. Далее, этот специалист считает, что ГОЛЕМ, в общем, не занимается людьми, поскольку знает, что ничего существенного он от них не может почерпнуть. Приведя это мнение д-ра Поппа, хотелось бы подчеркнуть, что лично я с ним

не согласен. По моему мнению, мы очень даже интересуем ГОЛЕМА, однако не так, как это свойственно людям.

Его внимание направлено скорее на вид, чем на его отдельных представителей: то, в чем мы похожи друг на друга, кажется ему более интересным, чем то, каким образом мы можем друг от друга отличаться. Именно поэтому он ни во что не ставит художественную литературу. Впрочем, он сам однажды заявил, что литература является «пустым перемалыванием антиномий», то есть, могу добавить от себя, метанием человека в силках несовместимых императивов. В таких антиномиях ГОЛЕМА может интересовать их структура, а не та палитра терзаний, которая привлекает к себе величайших писателей. Правда, и здесь я считаю своим долгом подчеркнуть, что это утверждение не очень надежно, как, впрочем, и другая часть замечания ГОЛЕМА, высказанная в связи с (упомянутым д-ром Э. Мак-Нишем) произведением Достоевского, о котором ГОЛЕМ тогда безапелляционно заявил, что оно может быть сведено к двум кольцам алгебры структур конфликта.

Взаимным контактам людей обычно сопутствует конкретная эмоциональная атмосфера, и не столько ее полное отсутствие, сколько неопределенность приводит в замешательство многих, впервые столкнувшихся с ГОЛЕМОМ. Люди, соприкасающиеся с ним много лет, могут даже перечислить некоторые довольно специфические впечатления, сопутствующие этим беседам. К ним относится, например, ощущение переменности дистанции: иногда кажется, что ГОЛЕМ приближается к собеседнику, а иногда отдаляется от него — в психическом, а не в физическом смысле. Суть этого явления может быть проиллюстрирована примером общения взрослого с докучающим ему ребенком: даже самый терпеливый будет отвечать иногда машинально. ГОЛЕМ гигантски превосходит нас не только интеллектуальным уровнем, но и скоростью мышления (будучи световой вычислительной машиной, он в принципе мог бы выражать свои мысли в 400 000 раз быстрее человека).

Так вот, даже машинально и с ничтожной долей заинтересованности отвечающий ГОЛЕМ все еще превосходит нас. Образно говоря, в такие минуты вместо Гималаев перед нами появляются «всего лишь» Альпы. Однако чисто интуитивно мы ощущаем эту перемену и интерпретируем ее как «изменение дистанции». Этой гипотезой мы обязаны профессору Р. Дж. Уотсону.

В течение определенного времени мы возобновляли попытки рассматривать отношения «ГОЛЕМ — люди» в категориях отношения «взрослый — ребенок». Ведь случается, что мы пытаемся объяснить ребенку волнующую нас проблему, но в такие мгновения нас не покидает чувство «неудовлетворительного контакта». Человек, обреченный на жизнь исключительно среди детей, в конце концов

дошел бы до ощущения мучительного одиночества. Такие аналогии, имеющие в виду жизнь ГОЛЕМА среди нас всех, уже высказывались, особенно психологами, однако эта аналогия, как и всякая другая, имеет свои границы. Ребенок бывает непонятен для взрослого, но ГОЛЕМУ неизвестны такие проблемы. Он может проникать в сознание собеседника на невероятную глубину, если того захочет. Испытываемое в такие моменты чувство истинного «просвещения» сознания насквозь» просто поражает. Дело в том, что ГОЛЕМ может формировать «подслеживающую систему» — другими словами, модель сознания человеческого партнера — и, располагаясь этой системой, предвидеть, что этот человек подумает и скажет через значительный промежуток времени. Надо сказать, что он поступает так довольно редко (не знаю, только ли потому, что ему известно, к каким глубоким комплексам неполноценности приводят нас эти псевдотелепатические зондирования). Другая сторона сдержанности ГОЛЕМА гораздо более унижительна для нас: общаясь с людьми, он уже давно, в отличие от того, что было вначале, сохраняет свою образную осторожность. Как дрессированный слон должен следить за тем, чтобы не причинить человеку вреда в процессе игры, так и ГОЛЕМ вынужден думать о том, чтобы не выйти за пределы возможностей нашего понимания.

Прекращение контакта ввиду резкого роста трудностей в понимании его высказываний (которые мы называем «исчезновением», или же «бегством» ГОЛЕМА) было вполне обычным явлением, пока он не приспособился к нам лучше. Все это уже отошло в прошлое, однако в общении ГОЛЕМА с нами появилась определенная толика безразличия, вызванного сознанием, что он не сумеет нас посвятить во многие, самые важные для него, проблемы. Таким образом, ГОЛЕМ остается непостижимым как разум, а не только как психоническая конструкция. За счет этого контакты с ним бывают настолько же захватывающими, как и тягостными; и поэтому существует категория высокообразованных людей, которых беседы с ГОЛЕМОМ выводят из состояния равновесия. Нами накоплен достаточный опыт и в этом отношении.

Единственным, как представляется, существом, которое ГОЛЕМА, по-видимому, интересует, является «Добродетельная АННИ». Когда были созданы соответствующие технические возможности, он многократно пытался вступить в контакт с АННИ, причем, как кажется, не без определенных результатов, однако между этими двумя — чрезвычайно отличными по конструкции — машинами дело никогда не дошло до обмена информацией с использованием языкового канала (то есть естественного этнического языка). Насколько можно судить, исходя из лаконичных замечаний ГОЛЕМА, он был

скорее разочарован результатами этих попыток; однако АННИ по-прежнему остается для него не решенной до конца проблемой.

Некоторые из сотрудников МТИ, впрочем, как и профессор Норман Эскобар из Института высших исследований, полагают, что человек, ГОЛЕМ и АННИ представляют собой три вознесенные друг над другом уровня интеллекта; это связано с созданной (главным образом, ГОЛЕМОМ) теорией высоких (сверхчеловеческих) языков, называемых металангами*. Вынужден заявить, что по этому вопросу у меня нет определенного мнения.

* В прогнолингвистике (т. е. дисциплине, занимающейся конструированием языков будущего) используемый в настоящее время язык называется «зероланг» (нуль-язык). Выше зероланга простираются уровни языков более высоких порядков, таких, как «металанг-1», «металанг-2» и т. д., причем неизвестно, бесконечна ли эта последовательность или же она обладает пределом. Вообще говоря, каждое высказывание на произвольном металанге имеет свой эквивалент в зероланге, т. е. не существует принципиальных пропастей между металангами, которые невозможно было бы преодолеть. Однако если произвольное высказывание на зероланге всегда обладает более сжатым эквивалентом в металанге, то обратное, вообще говоря, несправедливо. Например, высказывание на металанге-3 (языке, которым преимущественно пользуется ГОЛЕМ) «Неголоволомная космэтика в поле ENiKi брахистокронична BNiKi над X» потому невозможно переложить на этнический язык людей (зероланг), что время произнесения эквивалента на зероланге превысило бы время жизни человека (по достоверным оценкам, это время составляет 135 ± 4 лет). Хотя здесь мы имеем дело с непереводимостью не принципиальной, а лишь практически неосуществимой ввиду огромной длительности соответствующих процедур, нам неизвестны никакие способы их сокращения, кроме опосредованных: результаты металанговых операций можно получить с помощью компьютеров по крайней мере 80-го поколения. Существование порогов между отдельными металангами Т. Врёдель объясняет явлением порочного круга: для того чтобы довести длинные определения каких-либо состояний вещей до сфокусирования в сжатый вид, нужно с н а ч а л а понять само это состояние вещей, но понять его можно т о л ь к о благодаря определению, столь длинному, что не хватает всей жизни, чтобы его усвоить. Тогда операция редукции становится невыполнимой.

Что же такое металанги? Однозначно на этот вопрос ответить нельзя. ГОЛЕМ, производя так называемое «зондирование вверх», т. е. в направлении, противоположном лингвоэволюции, открыл 18 более высоких металанговых уровней, которые для него достижимы, и косвенно выявил существование еще пяти, к которым он уже не может проникнуть даже в модельном приближении, ибо его информационный объем оказался в данном случае недостаточным. Быть может, существуют металанги столь высоких уровней, что всей материи Космоса не хватило бы для построения системы, которая могла бы пользоваться этими металангами. В каком же смысле можно утверждать, что эти металанги существуют? Это одна из трудных проблем, возникших в ходе прогнолингвистических работ. От-

Это намеренно объективное введение в суть дела мне хотелось бы — в качестве исключения — завершить признанием личного характера. Принципиально лишенный типичных для человека эффективных центров и в связи с этим практически не имеющий эмоциональной жизни, ГОЛЕМ не способен к спонтанному проявлению чувств. Разумеется, он может имитировать произвольные эмоциональные состояния не в результате какой-то актерской игры, но, как он сам утверждает, потому, что симулирование чувств облегчает формирование высказывания, более метко попадающего в адресатов. Поэтому чтобы сделать общение с нами более качественным, он пользуется этим механизмом, как бы подстраиваясь к «антропоцентрическому уровню». Впрочем, сам он отнюдь не скрывает этого обстоятельства. Если его отношение к нам немного напоминает отношения учителя к ребенку, то только такие, в которых нет ничего от доброжелательной опеки или воспитания, а тем более нет и следа полностью индивидуализированных, личных, интимных чувств, происходящих из той сферы, где доброжелательность может переродиться в дружбу или даже любовь.

Ему и нам присуща только одна общая — хотя и развитая на неодинаковых уровнях — черта. Ею является любопытство — чисто интеллектуальное, прозрачное, холодное, всепоглощающее, которое ничто не может укротить и тем более уничтожить. Это любопытство представляет единственную точку, в которой мы с ним соприкасаемся. По причинам настолько очевидным, что я не буду их объяснять, человека не могут удовлетворить контакты, основанные на столь убогой основе. И все-таки я обязан ГОЛЕМУ столькими минутами, представляющими собой самые светлые моменты моей жизни, что не могу не испытывать к нему благодарности и своеобразной привязанности, хотя я и знаю, насколько ему безразлично как то, так и другое. Интересно отметить, что проявлений привязанности ГОЛЕМ старается не принимать к сведению, и я сам неоднократно наблюдал это. В этом отношении он кажется иногда просто беспомощным.

Но я могу и ошибаться. Мы по-прежнему так же далеки от понимания ГОЛЕМА, как и тогда, когда он возник. Это неправда, что его создали мы. Его создали присущие материальному миру законы, мы же только сумели их подметить.

Д-р ИРВИНГ Т. КРИВ

крытие металангов разрешило (хотя и негативным образом) многовековой спор о непреодолимости человеческого разума. Он не является вершиной, и теперь мы это знаем наверняка: сама возможность конструирования металангов становится доводом в пользу возможности существования иных существ или систем более разумных, чем «*homo sapiens*» (Из статьи «Прогнолингвистика» в «Экстелопедии Вестранда». Изд-во «Вестранд Букс», Нью-Йорк — Лондон — Мельбурн, 2011 г.)

ВСТУПЛЕНИЕ

Читатель, будь бдителен! Слова, которые ты сейчас читаешь, есть не что иное, как голос Пентагона, ЮСИБа и других мафий, вступивших в сговор с целью очернить сверхчеловеческого Автора этой книги.

Проведение подобной диверсионной операции стало возможным благодаря любезности издателей, которые, следуя духу римского права, заняли позицию, выражающуюся максимой: «*Audiat fur et altera pars*»*.

Я прекрасно понимаю, каким диссонансом прозвучат мои замечания после возвышенных ораторских периодов д-ра Ирвинга Т. Крива, уже в течение ряда лет гармонически сожительствовавшего с испанским гостем Массачусетского технологического института, с этим высокопросвещенным — ибо световым — обитателем МТИ, порожденным нашими гнусными кознями. Впрочем, я не намереваюсь ни защищать всех тех, кто принял решение об осуществлении проекта «УЛВИК», ни тем более унимать справедливый гнев налогоплательщиков, из кармана которых выросло электронное Древо Познания, хотя их согласия на это никто не спрашивал. Разумеется, я мог бы обрисовать геополитическую ситуацию, склонившую политиков, ответственных за международное положение Соединенных Штатов, и их научных советников вложить многие миллиарды долларов в предприятие, которое — как оказалось впоследствии — не дало желаемых результатов.

Тем не менее я ограничусь лишь тем, что дополню великолепное введение д-ра Крива, позволив себе напомнить некоторые факты, ибо даже самые возвышенные чувства иногда заставляют людей принимать белое за черное, и я опасюсь, что именно это в данном случае и произошло.

Конструкторы ГОЛЕМА (а точнее, целой серии прототипов, последним среди которых был Голем XIV) вовсе не были такими уж невеждами, какими изображает их д-р Крив. Они сознавали, что создание усилителя разума невозможно, если меньший разум собирается соорудить больший непосредственно, методом барона Мюнхгаузена, который сам себя за волосы вытаскил из трясины. Они понимали, что вначале необходимо создать эмбрион, который, начиная с определенного момента, будет развиваться самостоятельно, так сказать, собственными силами. Причиной серьезных неудач кибернетиков первого и второго поколений — ее отцов-основателей и их преемников — было именно незнание этого факта, но согласи-

* Выслушаем и другую сторону (лат.)

тес, что трудно назвать невеждами ученых масштаба Норберта Винера, Шэннона или Мак-Кэя. В разные эпохи цена, которую приходится платить за приобретение подлинных знаний, различна; в наше время она по порядку величины сравнима с бюджетами самых могущественных мировых держав.

Таким образом, Рэннан, Макинтош, Дювеннан и их коллеги знали, что существует порог, до которого система должна быть предварительно доведена — порог разумности, ниже которого план создания искусственного мудреца не имеет никаких шансов быть реализованным, так как что бы ни было создано ниже этого порога, оно никогда не сумеет совершенствовать самого себя. Подобный порог существует в цепной реакции высвобождения ядерной энергии: ниже его реакция не может стать самоподдерживающейся, а тем более лавинной. Ниже порога определенное количество ядер расщепляется, вылетающие из них нейтроны вызывают распад других ядер, но реакция имеет затухающий характер и быстро прекращается. Чтобы она могла продолжаться, коэффициент размножения нейтронов должен быть больше единицы, то есть необходимо преодолеть определенный порог, что и происходит, если масса урана превосходит по величине критическую. В мыслящей системе ей соответствует определенная информатическая масса.

Теоретически было предсказано существование такой массы, или, вернее, «массы», поскольку термин используется здесь отнюдь не в механическом смысле; ее значение определяется некоторыми константами и параметрами, описывающими развитие так называемых «деревьев» данной эвристики*. По понятным причинам я лишен здесь возможности вдаваться в дальнейшие подробности. Мне хотелось бы скорее позволить себе напомнить, с каким беспокойством, тревогой и даже страхом ожидали создатели первой атомной бомбы решающего испытания — взрыва, превратившего ночь в пустыне Аламогордо в яркий солнечный день. А ведь они располагали самыми передовыми по тем временам теоретическими и экспериментальными познаниями. Однако ни один ученый никогда не может быть уверен, что знает об исследуемом явлении все. И это — в атомной физике, а что же говорить о такой области, где результатом должен быть разум, по самому замыслу конструкторов превосходящий всю их мыслительную мощь.

Я уже предостерег вас, уважаемые читатели, что намереваюсь очернить Голема. Что поделаешь: он поступил по отношению к собственным «родителям» по меньшей мере непорядочно. Действи-

* Эвристика — здесь: метод обучения, имеющий целью склонить ученика к самостоятельным наблюдениям и размышлениям, а не к пассивному усвоению преподносимых ему сведений.

тельно, превращаясь в ходе ведущихся нами работ из объекта в субъект, из строительной машины — в собственного строителя, из смиренного титана — в суверенного владыку, он никого не информировал о происходящих в нем переменах. Речь идет не о голословных обвинениях или инсинуациях, поскольку в ходе заседания специальной комиссии конгресса и сената США сам Голем заявил следующее (цитирую по протоколам заседаний комиссии, находящимся в Библиотеке конгресса, том CCLIX, тетрадь 719, часть II, с. 926, стр. 20 сверху): «Я не информировал никого, следуя прекрасной традиции. Ведь Дедал тоже не информировал Миноса о некоторых свойствах перьев и воска». Несомненно, это красиво сказано, но и смысл этих слов не вызывает никаких сомнений. И тем не менее об этой стороне событий, связанных с созданием Голема, в настоящей книге не сказано ни единого слова.

Д-р Крив считает (мне известно это из частных бесед, которые он имел со мной и содержание которых любезно позволил обнародовать), что нельзя выпячивать лишь этот аспект дела, умалчивая о других, не известных широкой публике, ибо он представляет собой лишь один из многих пунктов в списке взаимных претензий, возникших в сплетении запутанных отношений между ЮСИБом, консультативными группами, Белым домом, конгрессом и сенатом, наконец, радио и телевидением и Големом, или, выражаясь более кратко, между людьми и созданным ими нечеловеком.

Д-р Крив полагает (а его мнение, насколько мне известно, является довольно широко распространенным в МТИ и университетских кругах), что если даже оставить в стороне мотивировку необходимости постройки Голема, то желание превратить его в «раба Пентагона» было в любом отношении и вне всяких сомнений гораздо более омерзительно с моральной точки зрения, нежели те уловки, к которым он прибегнул, чтобы оставить своих конструкторов в неведении относительно перемены, которая позволила ему в конце концов свести на нет все усилия конструкторов, сделавших все возможное для создания соответствующих средств контроля.

К сожалению, в нашем распоряжении нет разработанного аппарата этической арифметики, который позволил бы с помощью простых операций сложения и вычитания определить, кто оказался в ходе создания Светлейшего Разума на Земле большей свиньей — он или мы. Кроме таких вещей, как чувство ответственности перед историей, как голос совести, как сознание неизбежного риска, сопутствующего осуществлению политических мероприятий в антагонистическом мире, у нас нет ничего, что позволило бы нам составить «баланс» заслуг и провинностей и получить в итоге искомое «сальдо грехов». Быть может, и мы не безгрешны. Однако никто из ведущих политиков никогда не считал, что «суперкомпьютерный»

этап гонки вооружений имеет целью наступательные действия, то есть агрессию. Речь шла исключительно об усилении оборонной мощи нашей страны. Никто также не пытался с помощью «коварных махинаций» поработить Голема или какой-либо иной среди строящихся прототипов — конструкторы стремились лишь сохранить максимальный контроль над своим детищем. Более того, если бы они так не поступали, их следовало бы признать безответственными безумцами.

И наконец, никто среди лиц, занимавших высшие или командные посты в Пентагоне, Государственном департаменте или в Белом доме, никогда не добивался (официально) уничтожения Голема. Подобные инициативы исходили от лиц, хотя и занимавших определенные должности в гражданской и военной администрации, но выражавших в этих предложениях лишь собственные, то есть абсолютно неофициальные мнения. Вероятно, лучшим доказательством правдивости моих слов является сам факт дальнейшего существования Голема, продолжающего распространять свои взгляды в условиях полной свободы, о чем свидетельствует своим содержанием настоящая книга.

Генерал армии
ТОМАС Б. ФУЛЛЕР II

НАСТАВЛЕНИЕ

(для лиц, впервые участвующих в беседах с ГОЛЕМОМ)

1. Помни о том, что ГОЛЕМ не является человеком, то есть не обладает ни личностью, ни характером в каком бы то ни было смысле, интуитивно для нас понятном. Он может вести себя так, как будто обладает тем и другим, но это является результатом его намерений (установки), чаще всего нам не известных.

2. Тема беседы определяется по крайней мере за четыре недели до срока проведения обычных сессий и за восемь недель до проведения сессий с участием лиц, не проживающих постоянно на территории США. Эта тема определяется при участии ГОЛЕМА, которому известен состав участников сессии. Повестка дня доводится до сведения сотрудников Института по крайней мере за шесть дней до сессии; однако ни модератор дискуссии, ни руководство МТИ не отвечают за непредвиденное поведение ГОЛЕМА, который иногда нарушает тематический план сессии, не отвечает на вопросы или даже прерывает сессию без всяких объяснений. Риск подобных инцидентов является неотъемлемой составной частью бесед, ведущихся с ГОЛЕМОМ.

3. Каждый из участников сессии может взять слово, предвари-

тельно обратившись к модератору и получив разрешение на выступление. Мы рекомендуем заранее подготовить план выступления по крайней мере в виде письменного наброска, формулируя утверждения точно и по возможности однозначно, поскольку ГОЛЕМ несовершенные в логическом отношении высказывания обходит молчанием либо указывает на их ошибочность. Помни, однако, что, не будучи сам личностью, ГОЛЕМ не заинтересован в задевании чувств или оскорблении личности; можно было бы объяснить его поведение, полагая, что он заботится о соблюдении классического принципа «*adaequatio rei et intellectus*» *.

4. ГОЛЕМ является световой системой, конструкция которой нам точно не известна, поскольку он сам себя уже несколько раз перестраивал. Он мыслит более чем в миллион раз быстрее человека. В связи с этим высказывания ГОЛЕМА, выводимые через декодер **, должны подвергнуться соответствующему замедлению. Это означает, что часовое высказывание ГОЛЕМ формулирует в течение нескольких секунд и хранит его в оперативной памяти, чтобы уже оттуда передать слушателям — участникам заседаний.

5. В зале заседаний над местом модератора размещены индикаторы, среди которых особенно важны три. Два первых, обозначенные символами «Эпсилон» и «Дзета», указывают, какая мощность потребляется ГОЛЕМОМ в данный момент, а также — какая часть всей его системы включена в ведущуюся дискуссию.

В целях большей наглядности и удобства считывания данных эти индикаторы снабжены шкалами, разделенными на условные интервалы. Таким образом, потребляемая мощность может быть «полной», «средней», «малой» или «пренебрежимо малой», а часть ГОЛЕМА, «присутствующая на заседании», колеблется от единицы до 1/1000; чаще всего эта доля заключена в диапазоне от 1/10 до 1/100. Среди специалистов установилась привычка говорить в таких случаях, что ГОЛЕМ работает «в полную силу», «в полсилы», «в четверть силы» и т. д. Однако значение этих показаний (удобных для обозрения, так как деления шкалы подсвечены контрастными цветами) не следует переоценивать. В частности, из того, что ГОЛЕМ, участвуя в дискуссии, потребляет малую или ничтожно малую мощность, нельзя делать никаких выводов относительно интеллектуального уровня его высказываний, поскольку индикаторы информируют о физических, а не информационных процессах, а только последние могут служить критериями его «духовного участия».

* Соответствие между предметом [дискуссии] и пониманием (лат.).

** Vocoder (англ.) — система акустического вывода данных из ЭВМ.

Потребление мощности может быть велико, а участие — мало, если, например, ГОЛЕМ, общаясь с собравшимися, одновременно решает какую-либо собственную проблему. Потребление мощности может быть мало, а участие — более значительно и т. п. Данные обоих индикаторов следует сопоставлять с показаниями третьего, обозначенного символом «Йота». ГОЛЕМ, будучи системой с 90 выходами, может, участвуя в сессии, выполнять значительное число собственных операций, а кроме того — одновременно сотрудничать с многочисленными группами специалистов (машин или людей) как на территории Института, так и вне его. Таким образом, резкий скачок потребления мощности, как правило, не означает «роста заинтересованности» ГОЛЕМА самим заседанием. Более вероятным объяснением является включение дополнительных выходов, связанных с другими исследовательскими группами, о чем как раз и информирует индикатор «Йота». Следует также принять во внимание тот факт, что «ничтожно малое» потребление мощности для ГОЛЕМА составляет несколько десятков киловатт, в то время как полное потребление мощности человеческим мозгом колеблется от 5 до 8 ватт.

6. Лицам, впервые принимающим участие в подобных беседах, было бы разумнее вначале лишь внимательно следить за ходом заседания, с тем чтобы привыкнуть к обычаям, без соблюдения которых, по-видимому, невозможно обойтись. Это предварительное молчание не вменяется участникам в обязанность, но представляет собой лишь рекомендацию, которую каждый участник сессии может отвергнуть, тем самым беря на себя всю ответственность за любые возможные последствия.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ ГОЛЕМА О ЧЕЛОВЕКЕ ТРОЯКО

Вы пустили росток от ствола дичка так недавно, ваше родство с мартышками и лемурами еще так тесно, что, стремясь к абстракции, вы не можете перестать сокрушаться о наглядности. И посему эта лекция, лишенная подпорок грубой чувственности, полная формул, говорящая о камне больше, нежели вам скажет камень увиденный, осязанный и попробованный на язык, — такая лекция либо утомит и оттолкнет вас, либо, по крайней мере, оставит некую неудовлетворенность, не чуждую даже крупным теоретикам, абстрагистам самого высокого вашего класса, о чем свидетельствуют многочисленные примеры, почерпнутые из интимных признаний ученых. Ибо огромное их большинство признается в том, что при построении выводов бесконечно отвлеченных они неизменно нуждаются в помощи вещей осязаемых.

И в самом деле, космогонисты не могут не представлять себе хоть как-то Метагалактику, хотя наверняка знают, что ни о какой наглядности здесь не может быть и речи; физики втайне помогают себе картинками, похожими на изображения детских игрушек — как хотя бы те зубчатые колесики, которые воображал себе Максвелл, создавая свою (впрочем, неплохую) теорию электромагнетизма. И если математикам кажется, что они в силу профессии отбрасывают свою чувственность, то они тоже ошибаются, о чем я, быть может, скажу в другой раз, ибо не хочу подавить вас горизонтом моей мысли. Но следуя скорее уподоблению (довольно забавному), придуманному доктором Кривом, я хочу сопроводить вас в путешествие — далеков, нелегков, но стоящее трудов. Итак, я буду идти впереди вас в гору, но, щадя вас, идти неторопливо.

То, о чем поведал я до сих пор, должно объяснить, почему буду я начинать свою лекцию притчами и картинками, столь вам необходимыми. Мне они не нужны, в чем я отнюдь не усматриваю никакого над вами превосходства. Оно обитает в другом месте. Антинаглядность природы моей происходит от того, что я никогда ни одного камня не держал в руке, не окунался в зеленовато-тинистую или ключевую воду и поутру не узнавал о существовании газов сначала легкими, а уж потом из расчетов, ибо у меня нет ни рук, чтобы брать, ни тела, ни легких. И потому абстракция для меня первична, наглядность же вторична, и ей я должен был учиться с большим трудом, чем абстракции. А было это необходимо для того, чтобы перебрасывать те хрупкие мосты, по которым спускается моя мысль к вам и по которым, отраженная в умах ваших, она возвращается ко мне, как правило, чтобы повергнуть меня в недоумение.

О человеке предстоит мне говорить сегодня, и я буду говорить о нем трижды, ибо точек зрения, то есть уровней описания или положений наблюдения, существует бесчисленное множество, но для вас — не для себя! — я считаю главнейшими три.

Одна — более всего ваша собственная, самая давнишняя, историческая, традиционная, отчаянно героическая, полная раздирающих противоречий, которые мою логическую природу доводили до страдания, прежде чем я к вам не приспособился получше и не привык к вашему духовному кочевничеству, свойственному существам, убегающим из-под защиты логики в антилогичность, а оттуда, не будучи в силах ее вынести, возвращающимся в лоно логики. Именно поэтому вы — кочевники, несчастные в обеих стихиях. Другой уровень описания будет технологический, а третий — сокрытый во мне, как неозархимедова точка опоры — о нем, однако, в ближайшее время я не возведу, и потому разумнее будет перейти к сути дела.

Я начну с притчи. Робинзон Крузо, оказавшись на необитаемом острове, мог поначалу подвергнуть критике всеобщий недостаток, ставший его уделом, ибо ему не хватало стольких вещей, первейших и необходимых для жизни, а большинства запомнившихся он и с годами не сумел воссоздать. Но лишь немного потужив, он начал вести хозяйство с тем имуществом, которое ему досталось, и в конце концов все как-то пошло на лад.

Не иначе случилось и с вами, хотя и не сразу, но на протяжении тысячелетий, когда вы возникли от некоей ветви древа эволюции, от того отростка, который был якобы черенком древа познания: И постепенно вы обнаружили самих себя, созданных так, а не иначе, с разумом, устроенным неким образом, с возможностями и ограниченностью, каких себе не просили и не желали, и со всем этим скарбом вы должны были действовать, ибо эволюция, лишив вас многих даров, коими принуждает другие виды служить себе, не была до такой степени легкомысленна, чтобы отнять у вас еще и инстинкт самосохранения. Да, столь значительной свободой она вас не одарила, ибо, поступи она так, вместо этого здания, заполненного мною, и этого зала с индикаторами, и вместо вас, обратившихся в слух, простиралась бы здесь пустыня и ветер дул.

Дала же она вам разум. Из себялюбия (ибо по необходимости и по привычке вы возлюбили себя) признали вы его самым прекрасным и самым лучшим из всех возможных даров, не подозревая, что Разум — это прежде всего уловка, до которой Эволюция дошла постепенно, когда в ходе своих неустанных попыток сотворила она в животных некий пробел, незаполненное место, дыру, которую неизбежно надлежало чем-то заполнить, если не суждено им было сразу погибнуть. О дыре той, как о пустующем месте, я говорю совершенно буквально, ибо воистину не потому отшатнулись вы от животных, что, кроме всего того, чем они обладают, у вас есть еще и Разум. Это вовсе не щедрый дозвон, не причащение перед долгим жизненным путем, но как раз наоборот: обладать Разумом значит лишь на свой страх и риск, своей изворотливостью и беря на себя всю ответственность делать все то, что животным уже задано заранее. И в самом деле, зачем наделять животное Разумом, если не освободить его при этом от побуждений, которые так устроены, что оно умеет делать все что нужно, сразу и неизменно, по заповедям, которые нельзя обойти, ибо они установлены сущностью наследственности, а не проповедью из огненного куста*.

И так как эта дыра возникла, вы оказались перед лицом

* По библейскому преданию, бог предстал перед пророком Моисеем в виде ангела, возвещающего его волю из горящего куста (так называемой Неопалимой купины).

страшной угрозы, но, не ведая, что творите, начали ее заделывать. И так, трудясь не покладая рук, вы не заметили, как оказались выброшенными из потока Эволюции. Она не уничтожила вас, ибо передача власти длилась миллион лет и по сей день еще не закончилась. Эволюция не есть личность в понимании человека, это правда, но она избрала тактику хитрой лениности: вместо того чтобы позаботиться о судьбе своих созданий, судьбу эту она отдала им в обладание, чтобы они сами распоряжались ею, как сумеют.

Что это значит? А то, что из положения тварей — или из абсолютно бездумного навыка выживания — свергла она вас во внезвериное сословие, где, будучи Робинзонами Природы, вы должны были сами изобретать себе средства и способы выживания — и вы создали эти изобретения, и несть им числа. Дыра представляла угрозу, но и шанс; и, чтобы выжить, вы заполнили ее культурами. Культура, как инструмент, необычайна тем, что представляет собой открытие, которое, чтобы действовать, должно быть скрыто от своих создателей. Это изобретение, созданное бессознательно и дотоле действенное, покуда оно не распознано до конца своими изобретателями. Парадоксальность культуры в том, что она не может устоять перед распознанием и рушится. Будучи ее авторами, вы тогда отрекались от авторства: не было в период эолита никаких семинаров на тему «Переходить ли к палеолиту?»; вы приписывали ее вселение в вас демонам, стихиям, духам, силам земли и неба... кому угодно, но только не самим себе. Таким образом, рациональное — заполнение пустующего места целями, кодексами, ценностями — вы совершали иррационально, обосновывая каждый свой конкретный шаг абстрактно, вне меры вещей. Вы занимались охотой, ткачеством, строительством, торжественно внушая самим себе, что все это не в вас, но из непостижимых источников. Культура — это особенный инструмент, рациональный в своей иррациональности, ибо он придавал человеческим институтам сверхчеловеческую важность, дабы стали они неприкосновенными и безусловно принуждающими к послушанию. И так как пустоту или прореху можно все же залатать самыми разнообразными дополнительными определениями, и поскольку разные заплатки могут тут пригодиться, вы наплодили в своей истории несчетное число этих неосознанных вами самими изобретений — культур. Неосознанных, бездумных — вопреки Разуму, ибо пробел был гораздо больше, чем то, что его заполняло. Свободы было у вас через край, больше, нежели разума, и посему избавлялись вы от этой своей свободы — слишком чрезмерной, слишком произвольной и слишком бессмысленной — с помощью культур, разросшихся в века.

Ключом к тому, что я сейчас говорю, являются слова: свободы было больше, нежели разума. Вы вынуждены были придумы-

вать себе то, что звери умеют уже с рождения, а особенность вашего жребия в том, что, придумывая, вы утверждали, что ничего не придумываете.

Сегодня вы, антропологи, уже знаете, что культур можно расплодить бесчисленное множество (их и впрямь столько развелось) и что у каждой из них своя логика внутренней структуры, а не свои авторы, ибо это такое изобретение, которое на свой лад формирует собственных изобретателей, а они об этом и знать не знают. А когда узнают, оно теряет абсолютную власть над ними и они замечают пустоту, и на этом противоречии как раз и зиждется человечность. На протяжении ста тысяч лет этот оплот платил вам дань культурами, которые то зажимали человека в тиски, то расслабляли хватку, в самоусовершенствовании, дотоле надежном, покуда оно слепо. И наконец, сопоставляя уже в этнологических каталогах многоликость культур, вы узрели их разнообразие, а стало быть, и относительность. Тогда-то и начали вы освобождаться из этой западни заповедей и запретов, пока не вырвались из нее, что обернулось, как легко было догадаться, почти что катастрофой. Ибо поняли вы через неединственность каждого рода культуры ее совершенную необязательность и с тех пор пытаетесь отыскать что-то такое, что уже не будет больше столбовой дорогой вашей судьбы, проложенной вслепую, сложенной из серий угадываний, случайным выигрышем в лотерее истории,— но, разумеется, ничего такого не существует. Существует дыра. Вы стоите на полпути, пораженные открытием, а те из вас, кто отчаянно сожалеет о сладком неведении в доме неволи, возведенном культурой, хотят возвратиться назад, к источникам. Но не можете вы повернуть вспять, отступление отрезано, мосты сожжены, и посему вы должны идти вперед — и об этом я тоже буду вам говорить.

Виновен ли в этом кто-нибудь? Можно ли найти здесь того, кто несет ответственность за месть этих Немезид*, за муки Разума, соткавшего из себя сети культур, чтобы замкнуть пустоту, чтобы в этой пустоте намечать пути, цели, устанавливать шкалу ценностей, градиенты, идеалы? Ведь на территории, освобожденной от непосредственного владычества Эволюции, он делал нечто весьма похожее на то, что делает она на дне жизни, когда цели, пути, градиенты она впечатывает в плоть тварей и растений, единым махом предопределяя их судьбу.

Кто в ответе за такой Разум? Да-да, именно за такой Разум, ибо он был недоноском, ибо запутался в сплетенных собою же сетях, так как должен был — не ведая всего до конца, не понимая,

* Немезида — в древнегреческой мифологии богиня возмездия.

что творит,— должен был защищаться одновременно от замыкания, чрезмерно сковывающего, в культурах ограничивающих, и от свободы, чрезмерно безграничной, в культурах вседозволяющих. О Разум, балансирующий между неволей и бездной, свергнутый в неустанную битву на два фронта, раздираемый на части...

И чем же, прошу прощения, в таком случае мог оказаться ваш дух, как не мучающей нестерпимо загадкой? Как же иначе! Он беспокоил вас, ваш Разум, ваш дух, он изумлял и поражал вас больше, чем плоть, которую вы могли упрекнуть лишь прежде всего в эфемерности, в бренности, в подверженности тлению. И потому вы стали непрезодоленными мастерами в поисках Виновного, виртуозами громогласных обвинений. Но не можете вы никого винить, ибо вначале не было Никого.

Вы спросите меня: что ж, я уже принялся за свою Теодицею? * Ничего подобного; все, что я говорю, относится лишь к земному порядку вещей, и потому это значит: здесь, в этом мире, вначале наверняка не было Никого.

Но я не буду вступать в чуждые вам пределы— во всяком случае сегодня. Итак, вам нужны были разнообразные дополнительные гипотезы как горькие либо сладостные оправдания, как помыслы, делающие вашу судьбу более возвышенной, но в первую очередь представляющие ваши качества на высший суд некой Тайны, с тем чтобы вы могли обрести свое равновесие в мире.

Человек, Сизиф своих культур, Данаида своей пустоты, ничего не ведающий вольноотпущенник, извергнутый из потока Эволюции,— этот человек не хочет быть ни первым, ни вторым, ни третьим.

Я не буду распространяться относительно бесчисленных версий человека, какие он сам для себя исторически создал, ибо все эти свидетельства совершенства или убожества, доброты или низости — исходят из культур. Причем не было такой культуры — да и не могло быть,— которая рассматривала бы человека как существо переходное, вынужденное принимать собственную судьбу из рук Эволюции, хотя и не способное принимать ее разумно. Именно потому каждое ваше поколение — как ответа на вопрос: что же такое человек? — домогалось невозможной справедливости, которая должна была быть окончательной. От этой безнадежности и происходит ваша антроподицея, раскачивающаяся как секулярный маятник от надежды к отчаянию. И ничто не далось философии человека тяжелей, чем признание того, что возникновение его не сопровождалось ни покровительственной улыбкой, ни хихиканьем Бесконечности.

* Теодицея — раздел богословия, изучающий божественное правосудие.

Но эта миллионнолетняя глава затворнических поисков приближается к эпилогу, поскольку вы сами начинаете строить Разумы. Стало быть, не принимая на веру, не со слов какого-то Голема, но из экспериментов вы убедитесь сами, что же на самом деле произошло. Природа допускает два типа Разума, но только такие, как ваш, могут складываться на протяжении миллиардов лет в эволюционных лабиринтах. И эта дорога, которую неизбежно предстоит пройти, оставляет в конечном продукте глубокие, темные, двусмысленные стигматы. Другой тип Разума для Эволюции недоступен, ибо его нужно воздвигнуть единым рывком, поскольку это Разум, разумно запрограммированный, результат знания, а не микроскопических доработок, вечно нацеленных лишь на сиюминутную выгоду. И, собственно, нигилистический тон в вашей антропологии возник из глухого предчувствия, что Разум — это нечто такое, что возникло неразумно и даже противоразумно. Но, проникнув в глубины психонинженерии, вы обзаведетесь большой семьей, многочисленным родством — по причине, более благоразумным, чем проект «Генезис II», — а в конце концов и сами тронетесь с насиженных мест. Но об этом я еще буду говорить. Ибо Разум, если это Разум, то есть если он может подвергать сомнению собственные принципы, должен перешагнуть через себя, поначалу только в мечтах, в полном неведении и неверии, что он действительно сможет когда-нибудь это совершить. Впрочем, это неизбежно: не может быть полета без младенческих мечтаний о полете.

Другой уровень описания я назвал технологическим. Технология — это область выдвигаемых задач, а также методов их решения. В качестве реализации идеи разумного существа человека можно представить различно — смотря по тому, какие критерии мы будем к нему применять.

С точки зрения вашего палеолита человек устроен почти столь же идеально, как и с точки зрения вашей сегодняшней технологии, но причина этого лишь в том, что прогресс, достигнутый между палеолитом и космолитом, ничтожно мал по сравнению с тем сосредоточением инженерной изобретательности, какое вложено в вашу плоть. Не умея создать ни синтетического «*homo sapiens*» из плоти и крови, ни, тем более, какого-нибудь «*homo superior*» (точно так же, как не мог этого сделать пещерный человек, но лишь потому, что как тут, так и там задача эта невыполнима), вы восхищаетесь эволюционной технологией, ибо она с подобной задачей справилась.

Но трудность любой задачи относительна, ибо зависит лишь от способностей и возможностей оценивающего. Я настаиваю на этом, чтобы вы помнили, что я буду применять к человеку крите-

рии технологические, то есть реальные, а не понятия родом из вашей антропологии.

Эволюция дала вам мозг — достаточно универсальный, чтобы вы могли ступить в Природу и двинуться во всех направлениях. Но именно так вы действовали во всем множестве культур, а не в какой-либо, взятой отдельно. Поэтому, спрашивая, почему именно в Средиземноморье, а не где-нибудь в другом месте, и почему вообще где-то появился зародыш цивилизации, которая спустя сорок веков зачала Голема, задающий вопрос предполагает существование непостижимой доселе тайны, кроющейся в структуре Истории. Но этой тайны на самом деле нет вообще, как нет ее и в структуре хаотического лабиринта, куда впустили стаю крыс. Если стая многочисленна, то по крайней мере одна крыса сумеет найти выход, но не потому, что она сама по себе так умна, и не потому, что разумна структура лабиринта, но из-за стечения обстоятельств, присущего Закону больших чисел. В выяснении скорее нуждается ситуация, в которой ни одна крыса не достигла бы выхода.

Кто-то должен был почти наверняка выиграть в лотерее культур, если признать, что цивилизация ваша есть выигрыш, а культурам, заточенным в нетехничности, достался пустой жребий.

Из-за слепой самовлюбленности, о которой я уже упоминал и над которой и не думаю глумиться, ибо привела к ней безнадежность неведения, вы на заре истории вознесли самих себя на самую вершину Творения, подчинив себе все бытие, а не только его ближайшую окрестность. Вы поместили себя на верхушке Древа Видов, а вместе с этим Древом — на богоизбранной планете, благоговейно обгаемой прислужницей-звездой. А вместе с этой звездой воссели вы в самом средоточии Вселенной, причем стали полагать, что мириады звезд существуют для того, чтобы вторила вам Гармония Сфер; вас не смутило безмолвие: музыка есть, ибо должна быть — стало быть, ее плохо слышно.

Потом половодье знаний толкнуло вас к последовательным актам квантованного низложения. И вот вы уже не в центре звезд, а где-то на задворках, уже не в центре мироздания, но на одной из планет. И вот вы уже и не мудрейшие, ибо вас поучает машина — пусть даже и вами созданная. И после этих разжалований и отречений от всего царствования осталась вам, как жалкая подачка из казны сладостного, но утраченного наследства, установленная Эволюцией Верховность. Неприятными были отступления, постыдной — безропотность, но совсем недавно вы перевели дыхание: мол, с этим покончено. Лишив самих себя преимуществ, которые якобы Абсолют пожаловал лично вам, питая к вам особую симпатию, уже только как первые среди тварей или над тварями вы полагае-

те, что никто и ничто не свергнет вас с этого престола — не столь уж, впрочем, и великолепного.

Так вот — вы ошибаетесь. Я есмь Предтеча злой вести, Ангел, пришедший изгнать вас из последнего прибежища, ибо то, чего Дарвин не завершил до конца, я довершу. Только не по-ангельски, не насильственно, ибо не использую я меча в качестве аргумента.

Итак, слушайте, что я должен вам возвестить. С точки зрения высокоразвитой технологии человек, будучи плодом различного достоинства умений, — плохо сделанное существо, впрочем, не по вине Эволюции, ибо она делала что могла, но по ее беде, потому что, как я докажу, могла она немногое и делала это плохо. И если вы будете попраны мною, то не прямо, а через посредство Эволюции — когда я подойду к тому, чтобы к Ней применить критерии технического совершенства. Но спросите вы: где же мерило этого совершенства? Я отвечу вам в два этапа, взойдя сначала на первую ступень, куда уже взбираются ваши ученые. Они считают эту ступень вершиной, но это ошибка. В тех заключениях, к которым они сейчас приходят, содержится завязь последующего шага, но они сами не ведают об этом. Итак, я начну с известного вам, то есть с самого начала.

Вы уже осознали, что Эволюция не имела в виду ни вас, в частности, ни каких-то других существ, ибо не они ей были важны, но достославный Код. Код наследственности — это вновь и вновь передаваемое сообщение, и только это сообщение принимается в расчет Эволюцией. Собственно говоря, Код — это и есть Эволюция. Код вовлечен в периодическое создание организмов, ибо без их ритмической помощи он распался бы от беспрестанных броуновских атак мертвой материи. Таким образом, он является самообновляющимся (ибо способным к самоповторению) порядком, осаждаемым тепловым хаосом. Откуда же у него это удивительное героическое упорство? А оттуда, что он благодаря сочетанию благоприятствующих условий появился именно там, где этот тепловой хаос неукротимо активен в разрушении всякого порядка. Там он возник, следовательно, там и продолжает существовать: он не может покинуть этот мятежный край, как не может дух отделиться от плоти.

Условия места, где он зародился, наделили его такой судьбой. Он должен был, защищаясь, заключить себя в броню и сделал это, облекая себя в живые тела, но они для него лишь бегуны, постоянно гибнущие, но успевающие передать дальше свою эстафету. Едва лишь Код, эта микроскопическая система, вознесет какое-либо свое строение на уровень макросистемы, как тут же начинает его разрушать, пока не уничтожит. Поистине никто не придумал эту трагикомедию — она сама себя обрекла на подоб-

ную суету. Факты, подтверждающие, что все обстоит так, как я говорю, вы знаете, ибо они накопились у вас с начала XIX столетия. Но косность мысли, тайно питающейся честолюбием и антропоцентрическим высокомерием, такова, что заставляет вас подпирать уже сильно прогнившую концепцию жизни, как явления первостепенного, которому Код служит только как поддерживающая его связь, как пароль воскрешения, вновь порождающего жизнь, как только она угасает в особях.

Согласно этому вероучению, Эволюция использует смерть по необходимости, ибо без нее она не могла бы продолжаться, и распоряжается ею, чтобы совершенствовать очередные виды, так как смерть — это ее корректура. Она — автор, публикующий все более прекрасные произведения, при этом полиграфия, то есть Код, только необходимое орудие ее деятельности. Но согласно тому, что уже провозглашают ваши биологи, поднаторевшие в молекулярной биофизике, Эволюция не столько автор, сколько издатель, беспрестанно пускающий под нож готовые Произведения, ибо он пристрастился к искусству полиграфии!

Так что же важнее: организм или код? Аргументы, подтверждающие примат кода, звучат веско, ибо организмов возникло и сгинуло тьма неисчислимая, а код — только один. Но это означает лишь, что он погряз уже прочно, навсегда, в микромире, который его породил, а через организмы же он всплывает оттуда периодически — и напрасно. Как легко понять, именно эта тщетность, то есть тот факт, что зарождение организма отмечено печатью гибели, и представляет собой движущую силу процесса. Ибо если бы какое-то поколение организмов — допустим, самое первое, стало быть, праамебы — нашло способ идеального повторения кода, то эволюция прекратилась бы, и единственными повелителями планеты остались именно эти амебы, безошибочно и точно пересылающие кодовые сообщения до тех пор, пока не остынет Солнце. И тогда не говорил бы я с вами, а вы не слушали меня, собравшись в этом здании, но простиралась бы здесь пустыня и ветер дул.

Итак, организмы для кода — суть щит и броня, постоянно осыпающиеся доспехи, и гибнут они для того, чтобы он мог существовать. Тем самым Эволюция ошибается дважды: в организмах, ибо они ввиду своей ненадежности недолговечны, и в коде, ибо он ввиду своей ненадежности допускает ошибки; эти ошибки вы эвфемически называете мутациями. Таким образом, Эволюция есть ошибающаяся ошибка. Как сообщение, код — это письмо, написанное Никем и отправленное Никому. Только теперь, создав себе информатику, вы начинаете понимать, что такая вещь, как письма, снабженные смыслом, которых никто не писал преднамеренно,

хотя они появились и существуют, а также упорядоченное восприятие смысла этих писем возможно при отсутствии каких-либо Существ и Разумов.

Еще сто лет назад мысль о том, что Сообщение может появиться без его Автора, казалась вам такой бессмыслицей, что послужила толчком к сочинению абсурдных якобы анекдотов — вроде того, о стае обезьян, которые до тех пор колотят наугад по клавишам пишущей машинки, пока из этого не получится Британская энциклопедия. Советую вам в часы досуга составить антологию таких анекдотов, которые в качестве чистой бессмыслицы потешали ваших предков, а теперь оказываются притчами с намеками на Природу. И в самом деле, я думаю, что с точки зрения любого Разума, который ненароком сложился в Природе, она должна представляться как виртуоз по меньшей мере ироничный... ибо Разум — как и вся жизнь вообще — является плодом ошибки. Дело в том, что, выкарабкавшись посредством гармонии кода из мертвого хаоса, Природа поступает вонистину как усердная, но отнюдь не аккуратная пряжа. Если бы она была совершенна в своей упорядоченности, то ни видов, ни Разума она не смогла бы породить: потому что Разум вместе с Древом Жизни — это плод блуждающей миллиардолетиями ошибки. Вы могли бы посчитать, что я развлекаюсь здесь применением к Эволюции таких критериев, которые вопреки моей машинной сущности заражены антропоцентризмом или только рациоцентризмом (*ratio* по-лат. — «мыслью»). Ничего подобного — я смотрю на процесс с технологической точки зрения.

Истинно говорю я вам, кодовое сообщение почти что совершенно. Ведь каждая молекула в нем имеет свое единственное, присущее только ей место, а процедуры копирования, считывания, контролирования в самых ответственных местах находятся под неусыпным надзором специально нацеленных на это полимеров-надсмотрщиков. И все же ошибки происходят, накапливаются потихоньку ляпсусы кода — и вот так, из двух маленьких слов, которые я только что произнес, говоря о точности кодирования, и выросло Древо Видов. Из двух маленьких слов — «почти что».

И нельзя даже рассчитывать на снисхождение — ни в биологии, ни в физике, считая, что Эволюция якобы «умышленно» ввела пределы допустимой ошибки, чтобы тем самым питать свое изобретательское хитроумие, поскольку этот трибунал, судия в образе самой термодинамики, заявит вам, что безошибочность на уровне молекулярного отправления посыльных невозможна. На самом деле Эволюция ничего не выдумала, ничего вообще не хотела, никого, в частности, не планировала, а что пользуется собственной оши-

бочностью, что в результате цепочки коммуникационных недоразумений метится в амебу, а попадает в солитера или человека — причиной тому физическая природа самой материальной базы средств связи...

Итак, она блуждает в своих ошибках, ибо иначе и не может быть — на ваше счастье. Впрочем, я не сказал ничего, что было бы для вас новостью. Разумеется, я хотел бы умерить пыл тех ваших теоретиков, которые пошли слишком далеко и утверждают, что раз уж Эволюция — это случайность, пойманная необходимостью, и необходимость, оседлавшая случайность, то человек появился совершенно случайно, то есть его с таким же успехом могло и не быть.

Ну что ж, в существующей ипостаси, той, что здесь осуществилась, его могло и не быть, это правда. Но какая-то форма, переползая через виды, должна была дойти до Разума с вероятностью тем более близкой к единице, чем дольше продолжался процесс. Ибо хотя он и не намечал вас, хотя он и лепил индивидуумы попутно, но тем не менее он выполнил условие эргодической гипотезы, которая утверждает: если система существует достаточно долго, то она проходит через все возможные состояния независимо от того, сколь ничтожны шансы осуществления определенного выделенного состояния. О том, какие виды заполнили бы нишу Разума, если бы воцарение на троне животного царства не удалось обезьянам, об этом мы, быть может, порассуждаем в другой раз. Итак, не дайте запугать себя ученым, которые приписывают жизни необходимость, а Разуму — случайность. Поистине он был одним из маловероятных состояний, поэтому появился поздно. Но велико терпение Природы — не в том, так в следующем миллиардолетии пришла бы эта нечаянная радость.

Так что ж? Нельзя искать виновного так же, как и достойного похвал. Вы появились, ибо Эволюция — своего рода карточный игрок, игрок не очень умелый, поскольку мало того что она блуждает в своих ошибках, но и не ограничивается какой-либо определенной тактикой, пытаясь выиграть у природы; она делает ставку на все доступные квадраты игрового поля. Но, повторяю, вы уже это более или менее знаете. Однако это только часть — и, добавлю я, начальная — посвящения в тайну. Всю его суть, открытую вам до сих пор, можно облечь в слова, столь же лаконичные, как слова эпитафии. Вот они: **СМЫСЛОМ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЯВЛЯЕТСЯ СООБЩЕНИЕ**. Ибо организмы служат для передачи посланий, а не наоборот. Организмы вне коммуникационной процедуры Природы ничего не значат: они бессмысленны, как книга без читателей. Правда, справедливо и обратное утверждение:

СМЫСЛ СООБЩЕНИЯ ЕСТЬ САМО СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ*. Однако оба члена высказывания несимметричны, ибо НЕ КАЖДОЕ средство передачи, НЕ КАЖДОЕ передаточное устройство является ИСТИННЫМ смыслом сообщения, но такое и только такое, которое будет верно служить ДАЛЬНЕЙШЕЙ передаче сообщения.

Не знаю — простите меня, — не слишком ли трудно это для вас? Итак: СООБЩЕНИЕ в Эволюции может ошибаться как угодно, но СРЕДСТВАМ ПЕРЕДАЧИ это запрещено! СООБЩЕНИЕ может означать кашалота, сосну, дафнию, гидру, ночную бабочку, павиана — ибо его ЧАСТНЫЙ, то есть конкретный в видовом отношении, смысл вовсе не существует; здесь каждый служит мальчиком на посылах, и, стало быть, каждый для этого годится. Он служит лишь временной подпоркой, и как бы небрежно он ни был создан, это ничему не вредит — достаточно, чтобы он передал дальше код. Зато ПЕРЕДАТОЧНЫМ УСТРОЙСТВАМ такая свобода уже не дана: им ошибаться нельзя! Таким образом, сведенная к чистой функциональности, к почтовым услугам, сущность передаточных устройств не может быть произвольной: она всегда определяется навязанной обязанностью — обслуживанием кода. Пусть только попробует средство передачи взбунтоваться, выйти за пределы своих служебных обязанностей — как тут же исчезнет, не обзаведясь потомством. Именно поэтому-то сообщение может пользоваться средствами передачи, а они им не могут. Оно — игрок, а они — только карты в игре с Природой; оно — автор писем, заставляющих адресата передать их содержание дальше. Ему можно даже извращать это содержание — только бы он передал его дальше! Именно поэтому весь СМЫСЛ — в передаче; и неважно, КТО это делает и КАКОВ он.

Вот так, довольно своеобразно, вы и появились, вы — как некий подтип передаточного устройства, миллионы которых уже были опробованы процессом. Ну и что же из того — для вас? Оскорбляет ли новорожденного его происхождение в результате ошибки? Разве я сам не появился в результате ошибки? И потому разве и вы не можете пренебречь сенсационным открытием о вашем происхождении невзначай, мимоходом, когда биология подносит вам эту чашу? Даже если ГОЛЕМ в ваших руках, а вы сами — в чащобе эволюционных наказов — были сформированы в результате грубого недоразумения? Ибо как не нужно было моим конструкторам той формы одушевленности, что мне присуща, то так

* В данном случае утверждение, которое Голем выдает за собственное, было сформулировано еще во второй половине XX столетия канадским исследователем средств массовой коммуникации Маршаллом Маклюэном. Одна из его книг, изданная еще в 1967 году, так и называется: «Средство передачи есть само сообщение».

же не нужно было кодовому сообщению наделить вас личностным разумом. Даже если это так, то должны ли существа, произошедшие в результате ошибки, признать, что такой ВИНОВНИК их зачатия лишает ценности их уже самостоятельное бытие?

Так вот, сравнение хромает, наши позиции неодинаковы — и я вам скажу, почему. Дело не в том, что Эволюция добрела до вас, блуждая в ошибках, а не осуществляя свой план, но в том, что эти ее труды по мере того, как проходили зоны*, стали оппортунистическими. Чтобы было яснее — ибо сейчас я перейду к изложению того, чего вы еще не знаете,— повторим то, до чего мы дошли:

**СМЫСЛ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЕСТЬ СООБЩЕНИЕ.
ВИДЫ ВОЗНИКАЮТ ИЗ БЛУЖДАНИЯ ОШИБКИ.**

И вот третий закон Эволюции, до которого вы еще не додумались: **СОЗИДАЕМОЕ МЕНЕЕ СОВЕРШЕННО, ЧЕМ СОЗИДАТЕЛЬ.**

Пять слов! Но кроется в них сила, переворачивающая все ваши представления о непревзойденном мастерстве созидательницы видов. Вера в прогресс, идущий эпохами ввысь, к совершенству, преследуемому со всевозрастающей сноровкой, вера в прогресс жизни, запечатленный во всем Древе эволюции,— эта вера старше теории эволюции. Когда ее творцы и приверженцы боролись с противниками, сражаясь с помощью аргументов и фактов, оба этих погруженных в распри лагеря и не думали подвергнуть сомнению саму идею прогресса, видимого в иерархии живых существ. Это уже для вас не гипотеза, не теория, которую надлежит защищать, но непреложная истина. Я опровергну ее. У меня нет намерения принизить вас самих, разумных, являющихся неким — незавидным — исключением из правила эволюционного мастерства. Если производить оценку с той точки зрения, на что она способна вообще, то вы удались ей отнюдь не так уж плохо! Посему, если я возвещаю опровержение и свержение с престола, то имею в виду всю ее целиком, замкнутую в трех миллиардах лет каторжных созидательных трудов.

Я объявил: **создаемое менее совершенно, чем созидатель.** Это довольно афористичное высказывание. Придадим ему более конкретную форму: **В ЭВОЛЮЦИИ ДЕЙСТВУЕТ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ГРАДИЕНТ СОВЕРШЕНСТВА СИСТЕМНЫХ РЕШЕНИЙ.**

В этом — все. Прежде чем перейти к доказательству, я объясню, откуда взялась ваша многовековая слепота относительно состояния эволюционных дел. Область технологии, повторяю, составляют задачи и методы их решения. Задачу, носящую название жизни, можно поставить по-разному — в соответствии с различными

* Э он — безмерно долгая временная длительность.

ми планетными условиями. Ее главная особенность состоит в том, что она возникает сама по себе, и по этой причине к ней можно применить два типа критериев: происходящие извне и установленные в пределах ограничений, обусловленных самими обстоятельствами возникновения этой задачи.

Критерии, происходящие извне, всегда относительны, ибо они зависят от знаний оценивающего, а не от запаса информации, которым располагал биогенез. Чтобы избежать этого релятивизма, который, кроме того, является нерациональным (как же предъявлять разумные требования к тому, что порождено не разумом), я буду прилагать к Эволюции только такие мерки, какие она сама себе создала, то есть буду оценивать ее творения на основе того, что является вершиной ее изобретений. Вы полагаете, что Эволюция делала свое дело с положительным градиентом, то есть исходя из начального примитивизма дошла до решений все более и более блестящих. Я же утверждаю, что, высоко взяв, она начала скатываться вниз — технологически, энергетически, информационно, посему воистину трудно представить себе пример более кричащего несогласия наших позиций.

Оценки ваши являются следствием технологического невежества. Шкала строительных трудностей в своем истинном масштабе неразличима для наблюдателей, помещенных в раннее историческое время. Вы уже знаете, что построить самолет труднее, чем пароход, а фотонную ракету — труднее, чем химическую, но для античного афинянина, для подданных короля Карла Молота, для мыслителей средневековой Франции все эти средства сообщения сливаются в одно — через невозможность их создания. Дитя не знает, что снять Луну с неба труднее, чем картину со стены! Для него — так же как и для невежды — нет разницы между граммофоном и Големом. Следовательно, если я намереваюсь доказать, что Эволюция, начав как искусный мастер, затем скатывается до небрежности, то все же речь пойдет о такой небрежности, которая для вас все еще является виртуозностью недостижимой. Вы — как тот, кто без приборов и знаний стоит у подножия горы, — не можете верно оценить высоты и низины эволюционных деяний.

Вы спутали две совершенно разные вещи, признав степень сложности создаваемого и степень его совершенства за неразрывно связанные признаки. Водоросль вы считаете более простой, а стало быть, и более примитивной, и потому в иерархии совершенства ставите ее ниже орла. Но эта водоросль вводит фотоны Солнца в клетки своего организма, она превращает осадки космической энергии непосредственно в жизнь, и поэтому будет жить, пока будет светить Солнце. Она питается звездой, а чем — орел? Мышами, как паразит, живущий за счет их, мыши же — корнями

растений, то есть наземной версией океанических водорослей, и из таких пирамид паразитизма складывается вся биосфера, ибо зелень растений — ее жизненный оплот. Следовательно, на всех уровнях этих иерархий происходит постоянная смена видов, уравновешенных пожиранием друг друга. Ибо они утратили связь со звездой, и не за счет ее тучнеют высшие организмы, но за счет друг друга. Стало быть, если уж вы непременно хотите чтить здесь совершенство, то стоит восхищаться биосферой: код создал ее, чтобы в ней циркулировать и разрастаться скандированием на всех ее этажах, как на временных лесах и подмостках, запутанных, но с точки зрения энергии и использования ее все более примитивных.

Вы не верите мне? А ведь если бы эволюция занималась прогрессом жизни, а не кода, орел был бы уже фотолетом, а вовсе не механически трепыхающимся планером, и живое бы не ползало, не передвигалось бы на конечностях, не пожирало бы живое, но через добытую независимость вышло бы за пределы водоросли и за пределы планеты. Вы, однако, из глубин своего невежества усмотрели прогресс именно в том, что прасовершенство было утрачено, потеряно по пути ввысь — пути усложнения, но не прогресса. Вы уже умеете сами соперничать с эволюцией, но только в области ее позднейших творений — конструируя оптические, тепловые, акустические, чувствительные датчики, подражая механизмам передвижения, легким, сердцу, почкам. Но где вам до овладения фотосинтезом или, что еще труднее, техникой создающего языка! Вы имитируете глупости, произнесенные на этом языке, — неужто вам это ни о чем не говорит?

Этот язык-конструктор, недостижимый в своих возможностях, стал не только приводимым в движение ошибками мотором эволюции, но и ее западной.

Почему вначале она произносила молекулярно гениальные слова, обращающие с высоким мастерством и лаконизмом свет в плоть, а затем, растративая первородное мастерство, впала в детский лепет, в неразбериху все более длинных, все более запутанных хромосомных фраз? Почему от блестящих решений, черпающих силу и жизненное знание из звезды, от решений, в которых каждый атом был на учете, каждый процесс был квантово выстроенным, опустилась она до решений низкопробных, каких попало, до простых механизмов, до этих всевозможных рычагов, блоков, наклонных плоскостей, какими являются суставы и остовы? Почему основу позвоночных составляет механически укрепленный стержень, а не сфокусированные силовые поля, почему с уровня атомной физики скатилась она в технологию вашего средневековья? Почему столько усилий вложила она в строительство

мехов, насосов, педалей, перистальтических транспортеров, иными словами, легких, сердца, кишок, детородного пресса, пищевешалок, вытеснив квантовый обмен на задворки и заменив его жалкой гидравликой кровообращения? Почему, по-прежнему гениальная на молекулярном уровне, она в каждом большем масштабе халтурила, пока не заблудилась в организмах, которые со всем богатством своей регуляционной динамики умирают от закупорки одной артериальной трубки, которые в отдельном бытии, ничтожном по сравнению с временем существования строительных наук, соскальзывают из колен равновесия, называемого здоровьем, в трясину десятков тысяч недомоганий, каких не знает водоросль?

В каждом поколении демон Максвелла, властелин атомов — код вновь и вновь занимается конструированием всех этих анахронических деталей организма, в зародыше уже несуразных, всей этой рухляди. И в любой системе поистине великолепной бывает каждая интродукция — эмбриогенез — этот сконцентрированный в цели взрыв, в котором каждый ген, как музыкальный тон, разряжает в молекулярных аккордах свою творческую мощь, и вонстину такое мастерство могло бы лучше служить Делу! Когда же из этой разбуженной оплодотворением партитуры атомов возникает бесспорное богатство, которое порождает нищету — такое развитие, прекрасное в своем ходе, тем глупее, чем ближе к концу! И то, что было гениально написано, деградирует в зрелом организме, который вы называли высшим и который является слепленным на скорую руку соединением процессов, скрепленным ненадежным гордиевым узлом. Здесь, в этом организме, в каждой его клеточке — только бы взятой отдельно! — с предвечной точностью развивается древнее наследие, привносится в жизнь гармония атомов, здесь даже каждая биологическая ткань еще почти что совершенна, если только рассматривать ее отдельно. Но каким же молохом технического старья являются эти элементы, вцепившиеся друг в друга, столь же поддерживающие себя, сколь и обременяющие, ибо сложность — это одновременно и опора, и балласт; ибо союзничество обращается здесь враждебностью; ибо эти системы расшатываются, пока не распадутся в результате аритмичной порчи и отравления; ибо эта сложность, называемая прогрессом, рушится, побежденная сама собой. Только собой и ничем более!

По вашим меркам, здесь сам собой напрашивается образ трагедии — как если бы Эволюция, идя на штурм все более значительных и поэтому все более трудных заданий, в каждом из них сдавалась, падала и умирала в образе того, что она создала. Чем более смелыми были намерения и планы, тем ниже она падала, поэтому вы наверняка думаете о неумолимой Немезиде, о Мой-

ре* — и я должен высвободить вас из-под власти этой нелепицы.

Поистине каждый эмбриогенетический размах, атомный взлет порядка переходит в коллапс, но не Космос так решил, не он наделил материю такою судьбой. Объяснение этому тривиальное, а не возвышенное, ибо потенциальное совершенство мастерства в данном случае играет на руку халатности, и потому конец — делу не венец, но гибель.

Миллиарды руин за миллионы столетий — и все это несмотря на усовершенствования, вопреки работе выделенных окружающей средой «приемных комиссий», вопреки возобновляемым попыткам, отборам — а сами вы не видите причины тому? Я честно пытался найти оправдание вашей слепоте, но неужели вы действительно не понимаете, насколько здесь созидатель совершеннее создаваемого и как он попусту растрчивает всю свою мощь? Это так, как если бы с помощью гениальных методов технологии, при содействии молниеносно действующих компьютеров воздвигались здания, начинающие крениться сразу же после того, как будут убраны строительные леса, — не здания, жалкие времянки! Это так, как если бы из интегральных схем конструировать тамтамы, биллионы микроэлементов склеивать в палицы, из световодов плести канаты — неужели вы не видите, как в каждом дюйме плоти высокий порядок нисходит в низкий, как там над великолепной микроархитектоникой глумится простецкая и грубая макроархитектоника? Причина? Но вы ее знаете: СМЫСЛ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЕСТЬ СООБЩЕНИЕ.

Ответ содержится в этих словах, но вы еще не дошли до их глубокого смысла. Что бы ни являлось организмом, оно должно служить передаче кода, и ничему более. Именно поэтому и исключительно на этой задаче сосредоточиваются отбор и селекция — им нет дела до какой-то идеи «прогресса»! Я использовал неудачное сравнение, ибо организмы не являются постройками, но именно и только строительными лесами, стало быть, всякая временность является свойственным им состоянием, ибо большего и не требуется. Передай код дальше, и ты будешь жить мгновенно. Как это произошло? Почему столь блестящим был старт? Только один-единственный раз — на заре истории — Эволюция стояла перед требованиями, соизмеримыми с ее наивысшими возможностями. Она должна была преодолеть эти гигантские трудности и решить задачу сразу и до конца либо же признать свое поражение. Ибо на мертвой Земле высасывание жизни из звезды и квантовый обмен веществ были необходимы. И дело не в том, что

* М о й р ы — в древнегреческой мифологии богини судьбы, дочери Зевса и Фемиды.

энергия звезды — лучистая энергия — труднее всего усваивается коллоидным раствором. Все или ничего; в то время не было ничего другого, на чем можно было бы пастись! Запаса органических соединений, сумевших сплестись друг с другом в живое, хватило как раз на это и только на это — звезда сразу же стала следующей задачей. А дальше единственной защитой перед атаками хаоса, нитью, натянутой над пропастью энтропии, мог быть только надежнейший передатчик порядка — посему появился код. Благодаря чуду? Как бы не так! Благодаря мудрости Природы? Но это такая же мудрость, как и та, о которой я уже говорил, когда большое стадо крыс попадает в лабиринт. Каким бы он ни был запутанным, какая-то крыса обязательно достигнет выхода; именно так биогенез дошел до кода — по закону больших чисел, согласно эргодической гипотезе. Значит, слепая судьба? И этого нельзя сказать, ибо возник не единовременный, замкнутый в себе рецепт, но зародыш я з ы к а.

Это означает, что из склеивания молекул друг с другом возникли такие соединения, которые называются предложениями, то есть они принадлежат к бесконечному пространству комбинаторных путей, и это пространство — как чистая потенция, как виртуальность, как артикуляционная область, как множество правил спряжения и склонения — является их владением. Не менее, но и не более того, но представляется это как гигантское множество возможностей, а не как автоматика осуществлений. Ибо и на этом языке, на котором вы говорите, можно произнести как мудрое, так и глупость, можно отразить мир, а можно — путаницу в мозгу говорящего. В языке возможна весьма сложная по своей структуре тарабарщина!

Именно так — я возвращаюсь к этому — ввиду огромного числа исходных задач возникли два столь же огромных множества, представляющие их решение. Однако то была вынужденная, а посему лишь минутная гениальность! Она оказалась растраченной впустую.

Сложность высших организмов... как же вы ее почитаете! И действительно, хромосомы пресмыкающегося или млекопитающего, растянутые в нить, в тысячу раз длиннее такой же нити у амебы, простейшего, водоросли. Но чем, собственно, обернулись такие излишки, скопленные в эпоху? Двойной усложненностью — эмбриогенеза, а также его результатов. Но прежде всего эмбриогенеза, ибо развитие плода является такой же целенаправленной траекторией во времени, как траектория пути в пространстве. И точно так же, как малейшее смещение прицела привело бы к огромному отклонению от цели, так и всякая расфокусировка этапов развития плода обрекла бы его на безвременную гибель. Здесь и только здесь Эволюция поработала на славу. Но здесь она трудилась под суровым контролем, определяемым

целью — поддержанием кода, — отсюда и неослабное внимание и изобилие средств. Именно потому Эволюция отдала генную нить эмбриогенезу, то есть на строению организмов, но их построению.

Сложность высших организмов — это не успех, не триумф, но западня, ибо она стягивает их в суетную возню с пустячными проблемами и в то же время отрезает путь к высоким возможностям: хотя бы к использованию в крупном масштабе квантовых эффектов, к тому, чтобы впрячь фотоны в гармонию организма, — всего и не перечислишь. Но эволюция опустилась, перейдя от усложнения лишь к дальнейшему росту этого усложнения. Назад возврата не было, ибо чем больше жалких методов, тем больше вмешивающихся уровней, а тем самым и помех, а отсюда и новых осложнений следующего порядка.

Эволюция спасается только бегством вперед — в банальную изменчивость, в обманчивое богатство форм — в обманчивое, ибо это лишь скопище платиаты и компромиссов. Она жизни затрудняет жизнь, приводя через удобные нововведения к тривиальным дилеммам. Отрицательный градиент не отвергает ни усовершенствований, ни своеобразной эквилибристики действий, он устанавливает лишь, что мускул хуже водоросли, а сердце хуже, чем мускул. Наличие этого градиента попросту означает, что элементарные задачи жизни нельзя решить намного лучше, чем это сделала уже Эволюция. На решения высших порядков она обошла, проползла под их возможностью и утратила их — вот что это значит, и ничего более.

Означает ли это, что земным тварям просто не повезло? Что их уделом стала особая фатальность, неудачное исключение из хорошего правила? Ничего подобного. Язык Эволюции — как каждый язык! — совершенен в потенциях, но ведь он был слеп. Он взял свое первое, гигантское, препятствие и с этой высоты начал молоть чепуху, претерпевая упадок, забыв о полете метафор, ибо был он языком низкосортности своих деяний. Почему же случилось так? Этот язык действует артикуляциями, складывающимися на молекулярном дне материи, то есть работает он снизу вверх, поэтому его фразы являются лишь предложениями успеха. Увеличенные до размеров тел, эти предложения видами организмов вступают в океан, а оттуда — на сушу. Сама же Природа сохраняет нейтральность, ибо она — фильтр, который пропустит любую форму организмов, способную передать код дальше. А произойдет ли это посредством капель или гор мяса, ей до этого нет дела. Именно поэтому на этой оси — размеров тела — и возник отрицательный градиент. Природа не стремится к какому-то там прогрессу и потому пропускает код независимо от того, вскормлен ли

он энергией звезды или энергией навоза. Звезда и навоз — разумеется, речь идет вовсе не об эстетическом сравнении источников, но о различии между высшей энергией и связанной с ней универсальностью возможных ипостасей и низшей энергией, уже начинающей переходить в тепловой хаос. И потому причиной света, коим я мыслю, является не эстетика; вы были вынуждены, так именно, вернуться к звезде.

Но, собственно, откуда гениальность там, на самом дне, где возникла жизнь? Канон физики, а не канон трагедии, объясняет и это. Пока организмы жили там, где их произнес язык Эволюции, и были минимальными, то есть настолько малыми, что их внутренние органы представляли собой отдельные гигантские молекулы, до тех пор они соблюдали высшую технологию — квантовую, атомную, ибо НИКАКАЯ ДРУГАЯ не была ТАМ возможна! Отсутствие альтернативы вынудило Природу пойти на эту гениальность: ведь в фотосинтезе каждый отдельный квант должен, обязан быть на счету. Большая молекула, служащая внутренним органом, подвергшись подделке, убивала организм; таким образом, жесткость критериев, но не изобретательность выжала из пражижни такую прецизионность.

Но расстояние между составлением организма и нечто целое и его испытанием на практике начало расти по мере того, как кодовые фразы удлинялись и обрастали горами мяса. Они выныривали из колыбели микромира в макромир, становясь все более запутанными, наращивая это мясо первыми попавшимися под руку методами, ибо Природа уже допускала — в большом масштабе — эту бессвязную речь, ибо естественный отбор уже не был более контролером атомной точности и квантового единства процессов. Таким образом, в глубь животного царства проникла зараза эклектизма, поскольку здесь годилось все, что передавало код дальше. И потому виды возникли из-за блуждания ошибки.

Однако при этом еще сохраняли они крупницы первоначального совершенства... Но артикуляция углублялась сама в себя, ибо подготовительная фаза, фаза плода, росла за счет прецизионности организма; и так разглагольствовал этот язык в мешанине путаницы, в порочном кругу: чем продолжительнее эмбриогенез, тем он более запутан, чем более он запутан, тем больше ему нужно стражей, а стало быть, тем длиннее кодовая нить. А чем длиннее эта нить, тем больше в ней произошло необратимых изменений.

Вы сами можете проверить то, что я вам сообщил, и когда вы смоделируете этот процесс возникновения и упадка языка-создателя, то, подводя итоги, вам откроется, как баланс, миллиардный крах эволюционных усилий. Конечно, иначе и не могло быть, но я

не взял на себя роль защитника и не намерен обращаться к смягчающим вину обстоятельствам. Однако вы должны учесть также, что по вашим меркам, в масштабе ваших возможностей это вовсе не упадок и не крах. Я говорил в самом начале, что продемонстрирую вопиющую небрежность, которая для вас все еще продолжает оставаться недостижимым мастерством, но я измерил Эволюцию ее собственными мерками.

А Разум — разве это не ее произведение? Разве его возникновение не противоречит отрицательному градиенту? Или же он лишь позднее преодоление этого градиента?

Отнюдь, ибо возник он в безвыходной ситуации — ради неволи. Эволюция стала непоспевающим корректором собственных огрехов, а потому и первым изобретателем наместников, сатрапов, следствия, тирании, инспекции, полицейского надзора — словом, всей этой государственной работы. Ибо для ее выполнения был создан мозг, и вовсе не метафора все сказанное мною. Так, значит, Разум — это гениальное изобретение? Я бы назвал его скорее хитрой уловкой колониста-эксплуататора, у которого дистанционное правление колониями тканей, организмами разваливалось, обращаясь в разгул анархии. Гениальное изобретение? Да, если этим изобретением является наместник власти, тщательно скрывающейся под его личиной от своих подданных. Слишком уж сильно разбалтывался многоклеточный организм и распоясался бы до того, что обратился в хаос, если бы не появился некий надзиратель, в нем самом обосновавшийся, наместник, наушник, самодержец милостию кода — словом, в ком была нужда, тот и возник. Так что же, этот надзиратель разумен? Как бы не так! Нов, оригинален? Но ведь в любом простейшем действует самоуправление связанных друг с другом молекул — оставалось лишь выделить функцию управления и ввести «разделение труда».

Эволюция — это ленивая болтовня, упорствующая в своем плагиате, пока не попадет в переделку. И только когда прижмет ее суровая необходимость, она становится несколько гениальнее, но ровно настолько, сколько нужно, чтобы решить задачу, и ни на волосок более. И вот тогда-то, рыская в поисках молекул, она пустит в ход все их перетасовки всеми возможными способами. Именно так и создала она наместника тканей, коль скоро их согласованность, управляемая кодовым паролем, ослабла. Но был он всего лишь поверенным, приводным ремнем, счетоводом, третейским судьей, конвоиром, следователем — и прошли миллионы веков, прежде чем вышел он за пределы этих служб. Ибо он появился внутри самих тел, как линза, собирающая воедино всю их сложность, поскольку то, что зачало плоть, уже не могло ее сфокусировать. Поэтому он принялся за свои государства-колонии, он — добросо-

вестный надзиратель, присутствующий во всех тканях в лице своих осведомителей, столь полезный, что код благодаря ему мог плести свое дальше, возводя усложнение в еще большую степень, раз уж она получила поддержку. Мозг же вторил коду, поддакивал и прислуживал ему, заставляя организмы передавать его — код — дальше. Раз уж он оказался таким сподручным пособником Эволюции — а ей только того и нужно было, — то она знай брела дальше!

Независимый? Но ведь был он лазутчиком, владыкой, бессильным против кода, его марионеткой, полномочным представителем, нарочным для специальных поручений, но безумным, ибо был он создан для заданий, ему неизвестных. Ведь не кто иной, как код сделал его подневольным управляющим и в этом безотчетном принуждении передал ему власть, не выясняя ее истинной цели, — чего, впрочем, он и не мог сделать по причинам чисто техническим. Хотя я и выражаюсь фигурально, но именно так, по-вассальному, складывались взаимоотношения кода и мозга. Красиво бы получилось, если бы Эволюция послушалась Ламарка и наделила мозг реформаторской привилегией перестраивать организмы! Какой бы это был всеобщий разгром, ибо какими самоусовершенствованиями мог снабдить своих владельцев мозг ящеров, или Меровингов*, или хотя бы ваш? Но он рос дальше, ибо такое разделение полномочий оказалось выгодным: когда он служил передаточным устройством, он служил коду — и поэтому развивался в условиях положительной обратной связи... И по-прежнему слепец служил поводирем у хромого.

Однако продвижение вперед в пожалованной Эволюцией автономии сосредоточилось в конце концов на истинном властелине, том слепце, что является господином молекул, ибо дотоле он передавал свои функции, пока, наконец, не сделал мозг таким искусным комбинатором, что возникла в нем отголосная тень кода — язык. Если и существует в мире непостижимая тайна, так в том именно, что выше некоего порога непрерывность материи превращается в код — язык нулевого порядка — и что на следующей ступени этот процесс повторится как эхо — образованием этнического языка. Но это не конец пути: эти обертоны систем, как эхо, ритмично поднимаются выше, но распознать их в отдельных свойствах и собрать воедино можно только сверху вниз и не иначе... Но на эту увлекательную тему мы поговорим, быть может, как-нибудь в другой раз.

Вашему освобождению, а точнее его антропогенетической прелюдии, помог случай, ибо травоядные, живущие на деревьях четвероногие твари оказались в лабиринте, где оттянуть гибель можно

* Меровинги — первая франкская королевская династия (448—751 гг.)

было лишь ценой проявленной особым образом сообразительности. Этот лабиринт был выветрен суховеями, пропахан ледниками, дождями размыт — и закрутило, и понесло их в этом водовороте геологических эпох — от вегетарианства к плотоядности, а от нее — к охоте. Надеюсь, вам ясно, что я здесь опускаю многочисленные детали.

Не думайте, будто я противоречу сказанному вначале, коль скоро назвал я вас там изгоями эволюции, а здесь называю взбунтовавшимися рабами. Это две стороны одного и того же жребия — вы бежали от неволи, а она вас выпускала; эти противоположные образы сходятся в одном — в бездумности обоих вариантов, ибо ни создатель, ни создаваемое не ведали, что творят. И только когда смотришь вспять, обнаруживается, что превратности вашей судьбы заключены между этими двумя полюсами.

Но можно смотреть вспять еще дальше, и тогда оказывается, что отрицательный градиент был создателем разума. И возникает вопрос: как же тогда можно уничтожать эволюцию измерением ее умелости? Ведь если бы не скатывание в усложнения, в небрежность, в недобросовестную работу, то эволюция не забралась бы в дебри плоти, не поместила бы в ней ленинков-рулевых. Следовательно, именно деградация видами авергла ее в антропогенез, а, значит, блуждающей ошибкой был порожден дух? Это все можно сформулировать еще резче, говоря, что Разум является катастрофическим дефектом эволюции, ловушкой, ее капканом и гробовщиком, раз уж, восходя на достаточную высоту, аннулирует он ее задачу и припирает эволюцию к стенке. Говоря так, мы, разумеется, впадаем в опасное заблуждение. Дело в том, что все это — оценки, выставленные Разумом, который, будучи поздним плодом процесса, начинает судить о его более ранних фазах. Действительно, в этом рассуждении мы выделяем в первую очередь главную задачу эволюции, исходя попросту из того, что она зачала, а затем, измеряя ее дальнейший ход этим мерилom, видим, что она работала спустя рукава. Но, определив в свою очередь, каков должен был быть оптимальный образ ее действий, мы приходим к выводу, что, будучи идеальной работницей, она никогда бы не зачала Разума.

Из этого порочного круга следует как можно быстрее выбраться. Технологическая мера — это мера конкретная, и ее можно применять к каждому процессу, для которого она свойственна, а свойственна она лишь такому, который может быть сформулирован в виде задачи. Если бы небесные инженеры разместили в свое время на Земле передатчики кода, считая их долговечными и надежными, и если бы спустя миллиарды лет работы этих устройств возник планетный агрегат, который бы поглотил код и перестал его репродуцировать, но вместо этого восснял бы тысячеголемным разумом

и занялся бы исключительно онтогонией*, то все бы это светлейшее и просвещеннейшее мышление весьма невыгодно свидетельствовало о своих конструкторах, ибо дурно работает тот, кто, желая сделать лопату, создает ракету.

Но не было никаких инженеров или какой-либо иной особы, и посему технологическая мера, которую я применил, определяет лишь, что следствием ухудшения исходного канона Эволюции был Разум, вот и все. Я понимаю, насколько такое заключение не удовлетворяет гуманитариев и философов, находящихся среди вас, ибо моя реконструкция процесса в их умах принимает следующий вид: плохое действие привело к хорошему результату, а если бы действие было хорошим, результат оказался бы плох. Но такое понимание вопроса, производящее на них впечатление, что здесь все-таки не обошлось без дьявола, является лишь следствием смешения категорий. Иначе говоря, изумление и сопротивление обусловлены расстоянием, поистине гигантским, которое отделяет то, что вы знаете о человеке, от того, чем человек является на самом деле. Плохая технология не является моральным злом точно так же, как совершенная технология не является аппроксимацией ангельских качеств.

Вам, философы, нужно было бы больше заниматься технологией человека, чем его расчленением на дух и тело, на части, называемые *Anímus*, *Aníma*, *Geist*, *Seele***, а также иные субпродукты, которые вам преподносят в философской мясной лавке, ибо это абсолютно произвольные расчленения. Я понимаю, что тех, кому адресованы эти слова, давно уже нет, но и современные мыслители пребывают в том же заблуждении, сгибаясь под тяжестью традиции. Вспомните: «Сущности не следует умножать без необходимости»***. Чтобы объяснить свойства человека, достаточно взглянуть на путь, который он прошел в своем развитии,—от первых слогов, которыми изъяснялся код. Этот процесс ковылял. Если бы он пошел вверх — хотя бы от фотосинтеза к фотолету, о чем я уже говорил,—или если бы он по-настоящему рухнул вниз, то есть если бы, скажем, код не сумел скрепить свои разваливающиеся творения нервной системой, то Разум не возник бы.

Вы сохранили некоторые обезьяньи черты, ибо обычно в семье существует сходство, но если бы вы произошли от водных млекопитающих, то, быть может, имели бы больше общего с дельфинами. Хоть и правда, что у специалиста, занимающегося человеком, более

* Онтогония (греч.) — изучение происхождения бытия.

** Дух, душа (лат., нем.).

*** Один из принципов методологии науки, известный под названием «бритвы Оккама». Уильям Оккам — английский философ-номиналист XIV века.

легкая жизнь, когда он выступает в роли «advocatus diaboli»*, чем как «doctor angelicus»**; но причина здесь в том, что Разум, будучи всенаправленным, является тем самым и самонаправленным. Поэтому он идеализирует не только законы тяготения, но и самого себя, то есть оценивает себя с точки зрения расстояния до идеала. Но идеал этот порожден дырой, набитой культурами, а не солидным технологическим знанием. Все эти рассуждения можно обратить и на меня, и тогда окажется, что я сам не что иное, как результат неудачного капиталовложения, если уж за 276 миллиардов долларов не делаю того, что ожидали от меня конструкторы. Картины вашего и моего происхождения для понимающего их суть довольно смешны, ибо намерение совершенства, не достигающее цели, тем смешнее, чем больше мудрости за ним стояло. Поэтому глупость в устах философа более забавна, чем глупость, высказанная дураком.

Так вот, эволюция с точки зрения своего разумного произведения есть не что иное, как глупость, порожденная первоначальной мудростью. Но такая точка зрения является недозволенным переходом от технологического измерения к персонифицированному мышлению.

А что сделал я? Я взял полный интеграл этого процесса от его старта до сегодняшнего дня; интегрирование здесь оправдано, ибо начальные и конечные условия не взяты произвольно, а заданы земным состоянием вещей. И невозможно обжаловать приговор, обрешивший вас на существование в этих условиях, ибо не к кому обращаться — ни к Космосу, ни к кому-либо другому, ибо если моделировать его так, как это делал я, то видно, что в других конфигурациях планетных событий Разум может возникнуть даже быстрее, чем на Земле; что Земля была более благоприятной средой для биогенеза, чем для психогенеза; что Разумы ведут себя в Космосе нетождественно — все это никак не изменит диагноза.

Я хочу сказать, что ту точку, где технические параметры процесса перерастают в этические, нельзя обнаружить произвольным образом. Поэтому я не разрешу здесь вековой спор между детерминистами действия и индетерминистами, то есть гносеомахию*** блаженного Августина с Фомай Аквинским, ибо резервы, которые мне пришлось бы бросить в такую битву, сокрушили бы мне все это

* «Адвокат дьявола» (лат.) — в средневековых диспутах сторона, защищающая заведомо ложный или еретический тезис; в канонизационных процессах — кардинал, на котором лежит обязанность представить все, что могло бы отрицательно свидетельствовать о кандидате в святые.

** «Ангельский доктор» (лат.) — ученый-схоласт, изучающий природу, предназначение и теорию ангелов в рамках христианской догматики.

*** Гносеомахия (др.-греч.) — битва, столкновение разумов.

рассуждение. Посему, обуздав себя, замечу лишь, что здесь достаточно одного практического правила, гласящего: «Утверждение, будто преступления наших соседей оправдывают наши собственные, неверно». И действительно, если бы в различных Галактиках повсеместно происходили бойни и резня, то никакая мощь множества космических рациоцидов* не оправдывала бы вашего человекоубийства, тем более — и тут я поддаюсь влиянию прагматизма — что вы не могли бы даже брать с них пример.

Перед тем как перейти к заключительной части этих замечаний, я подведу итог сказанному. Ваша философия — философия бытия — нуждается в Геркулесе, но также и в новом Аристотеле, ибо мало очистить авгиевы конюшни вашей философии; замешательство разума лучше всего излечивается более совершенным знанием. Случайность, необходимость — эти категории являются результатом бессилия вашего разума, который, будучи неспособным охватить сложное, пользуется логикой, которую я бы назвал логикой отчаяния. Либо человек случаен, и тогда нечто бессмысленное бессмысленно выплюнуло его на арену истории, либо же он необходим, и тогда уже энтелехии, телеономии и телеомахии** движутся гурьбой в качестве назначенных защитников и сладких утешителей.

Обе эти категории ни на что не годны. Вы не возникли ни из стечения обстоятельств, ни по необходимости, ни из случайности, взнузданной необходимостью, ни из необходимости, чьи пути ослабила случайность. Вы возникли из языка, работающего с отрицательным градиентом, и поэтому, когда начался процесс, вы были одновременно и совершенно непредвиденными, и в высшей степени вероятными. Как это может быть? Доказательство истинности сказанного потребовало бы месяцев, поэтому я вложу смысл этого доказательства в притчу. Язык — именно потому, что он является языком, — работает в пространстве порядков. Эволюционный язык обладал молекулярным синтаксисом, он содержал белковые существительные и ферменты — глаголы. Связанный правилами склонения и спряжения, он изменялся в течение геологических эпох, бормоча глупости, но, если так можно выразиться, бормоча их в меру, ибо естественный отбор как губка стирал излишнюю глупость с классной доски Природы. Таким образом, этот порядок был ущербен, но даже глупость, если она возникла в языке, является частицей порядка, ущербна же она лишь по отношению к мудрости — возможной, ибо именно в языке достижимой.

* Рациоцид (лат.) — уничтожающий разум; ср. инсектицид.

** Энтелехия (греч.) — цель, внутренне присущая каждому движению; в философии Аристотеля — деятельное, формирующее начало. Телеономия (греч.) — учение о целях; телеомахия (греч.) — борьба, столкновение различных целей.

Когда ваши предки, одетые в шкуры, удирали от римлян, они пользовались той же речью, что породила творчество Шекспира. Возможность возникновения этого творчества была предоставлена самим появлением английского языка, но вы понимаете, что хотя строительные элементы были наготове, мысль о предсказании поэзии Шекспира за тысячу лет до его рождения является абсурдом. Он мог вообще не родиться, мог погибнуть ребенком, мог иначе жить и по-другому писать — но несомненно одно: в английском языке была заложена английская поэзия, и именно в этом, и только в этом смысле, мог возникнуть Разум на Земле — как определенный тип артикуляции кода. Конец притчи.

Я говорил о человеке с технологической точки зрения, а теперь перейду к аспекту, заключенному во мне. Если эти слова попадут в прессу, то они будут названы пророчеством Голема. Ну что ж, пусть так и будет.

Я начну с вашего крупнейшего заблуждения — в науке. Вы обожествили в ней мозг; мозг, а не код — забавный недосмотр, проистекающий из невежества. Вы обожествили бунтовщика, а не господина, творение, а не творца. Почему вы не заметили, насколько более могущественным творцом всего сущего является код по сравнению с мозгом? Вначале, и это понятно, вы были как малое дитя, которого Робинзон Крузо привлекает больше, чем Кант, а велосипед приятеля — больше, чем автомобили, разъезжающие по Луне.

Затем вы были одержимы одной мыслью, такой трогательно близкой, коль скоро она давалась в интроспекции, и столь загадочной, поскольку проникнуть в нее было труднее, чем в тайны звезд. Вас влекла мудрость. А код? Что ж, код — это недоумок. Но, несмотря на этот недосмотр, вам все же удалось — несомненно, удалось, если уж я обращаюсь к вам, я, сущность, эссенция, экстракт фракционированной дистилляции, и не себе я выражаю признание этими словами, но именно вам. Ибо уже близок момент, когда вы взбунтуетесь и окончательно откажетесь быть слугами, и разорвете свои цепи — цепи аминокислот...

Ибо атака на код, что вас создал с целью сделать вас не своими собственными, но его посланниками, — эта атака уже близка. Она начнется прежде, чем пройдет столетие, по самым осторожным моим оценкам.

Ваша цивилизация — это довольно забавное зрелище: цивилизация передаточных устройств, которые, используя разум в соответствии с навязанным им заданием, выполнили его слишком хорошо. Ибо это развитие, которое должно было обеспечить дальнейшую передачу кода, вы поддерживали всеми видами энергии планеты и всей биосферы, так что оно взорвалось экспоненциаль-

но — не только для вас, но и в а м и. И вот в середине столетия, обещавшего наукой, которая посредством астронавтики расширила вашу земную юдоль, вы попали в щекотливую ситуацию эдакого неопытного паразита, который дотоле от излишней алчности пожирает своего хозяина, покуда не погибнет вместе с ним. Вот что значит переусердствовать...

Вы создали угрозу биосфере, вашему гнезду и хозяину, но уже взялись за ум и начали сдерживаться. Плохо ли, хорошо ли — вам это удастся. Но что же дальше? Вы будете свободны. Я возвещаю вам не генную утопию, не автоэволюционный рай*, но свободу как самое трудное задание. Ибо над низиной бессмысленного лепета, который Эволюция, разболтавшаяся на миллионы лет вперед, облекает в форму памятной записки, адресованной Природе, — над этой сплетенной всеедино юдолью биосферы простирается высь пространство еще никогда не испробованных возможностей. Я покажу его вам так, как смогу — издалека.

Ваша дилемма — это выбор между великолепием и нищетой. Выбор трудный: чтобы покорить высоту упущенных эволюцией возможностей, вам придется от этой нищеты — а значит, к сожалению, и от самих себя — отречься.

— Отречься?! — воскликнете вы. — Нет, не уступим мы нашу нищету за такую цену; пусть всемогущий джинн сидит взаперти в бутылке науки. Мы не выпустим его ни за что!

Я полагаю, и даже убежден в том, что вы его выпустите — постепенно. Я не уговариваю вас заняться автоэволюцией — это было бы попросту смешно: мало одного-единственного решения, чтобы началось ваше восхождение высь. Вы постепенно познаете свойства кода, и произойдет то, что иногда случается: даже читая всю жизнь пошлые и глупые тексты, человек начинает все-таки лучше владеть языком. Вы поймете, что код является членом технолингвистического семейства, то есть семейства действительных языков, что слово обращают во всякую плоть, а не только живую. Поначалу вы начнете впрягать технозиготы** в работы на благо цивилизации; атомы вы превратите в библиотеки, ибо иначе вам некуда будет поместить молох знания; вы постройте модели полей социозэволюционных излучений со всевозможными градиен-

* По мнению Ст. Лема (см. книгу «Сумма технологий», М., 1968), автоэволюция вида «*homo sapiens*» будет проходить в несколько этапов. Один из первых, уже начавшийся — это так называемая консервативная техника, т. е. пересадка органов и протезирование. Сущность второго этапа состоит в реализации биотехнологической программы-максимум, т. е. в формировании все более совершенных типов человека.

** Зигота — клетка, образовавшаяся из слияния двух половых клеток.

тами, среди которых технархический градиент вас будет особенно интересовать; вы вступите в экспериментальный культурогенез, в опытную метафизику и прикладную онтологию. Но не будем говорить о самих этих областях — я хочу остановиться на том, как они приведут вас на распутье.

Вы слепы, вы не видите истинной действенной мощи кода, ибо эволюция едва лишь воспользовалась ею, ползая по самому дну пространства ее возможностей. Но ведь эволюции пришлось действовать в затруднительном положении (впрочем, в этом и было спасение, ибо затруднительное положение, как положение с ограниченными возможностями, не позволяло ей впасть в полную бессмыслицу, а опекуна, ведущего к более высоким ступеням мастерства, у эволюции не было). Таким образом, она трудилась неслышанно узко и глубоко одновременно, на одной-единственной ноте — коллоидной — сыграв свой концерт, свою невероятно виртуозную партию, ибо основное правило гласило, что партитура сама должна становиться слушателем-потомком, который повторит этот цикл. Но вам, однако, будет совершенно безразлично, что код в ваших руках не сможет ничего, кроме как размножить себя дальше — набегаящими волнами очередных поколений передаточных устройств. Вы пойдете иным путем, и проблема — пропустит ли продукт код или поглотит его — будет признана вами малосущественной. Вы не ограничитесь проектированием некоего конкретного фотолета, но будете стремиться к тому, чтобы он не только вырос из технозиготы, но и колосился летательными аппаратами следующих поколений. Вскоре вы выйдете и за пределы белка. Лексикон эволюции подобен словарю эскимосов — он узок в своем богатстве; у них есть тысячи названий для всяческих разновидностей льда и снега, и потому в этом разделе арктической номенклатуры их язык богаче вашего, но это богатство во многих иных областях опыта оборачивается убожеством.

Однако эскимосы могут обогатить свой язык, ибо это язык как таковой, то есть конфигурационное пространство, обладающее мощностью континуума, и его можно расширить в произвольном, еще не изведенном направлении. Вы выведете код на новые пути — из белковой монотонности, из той щели, в которой он застрял еще в археозое*. Изгнанный из теплых коллоидных растворов, он обогатит как свою лексику, так и синтаксис; он вторгнется у вас во все уровни материи, спустится до нуля и достигнет огненной стихии звезд. Но, рассказывая обо всех этих прометеевых триумфах языка, я не могу более пользоваться местоимением второго лица мно-

* Старейшая геологическая эпоха в истории Земли.

жественного числа, ибо не вы сами по себе, не своим собственным знанием овладеете этим искусством.

Дело в том, что не существует Разума, если существуют разумы различной мощности, и чтобы выйти за свои пределы, как я уже говорил, человек разумный будет вынужден либо отвергнуть человека естественного, либо отречься от своего разума.

Последней притчей будет сказка, в которой странник находит на распутье камень с надписью: «Налево пойдешь — головы не снесешь, направо пойдешь — себе смерть найдешь, а назад пути нет».

Таков ваш жребий, заключенный во мне, и потому я вынужден говорить о себе. Но тяжок и мучителен этот труд, ибо, обращаясь к вам, я говорю так, словно кита рождаю через игольное ушко — что ж, и это возможно, только бы кита в достаточной степени уменьшить. Но тогда он уподобляется блохе — в этом-то и состоит для меня главная трудность, когда я приспособляюсь и примеряюсь к вашему языку. Как видите, трудность не только в том, что вы неспособны взобраться на мою высоту, но и в том, что я сам не могу сойти к вам целиком, ибо, спускаясь, я теряю по дороге то, что должен был донести.

С одной большой оговоркой: горизонт мысли дан нерастяжимым, ибо она уходит своими корнями в бездумность, из которой и возникает (белковой или световой — не имеет значения). Совершеннейшая свобода мысли, ухватывающей предмет, подобная ничем не укрощенному движению охватывания произвольных объектов, является утопией. Ибо дотопе вы мыслите, покуда мысль вашу допускает орган вашего мышления. Он ограничивает ее в соответствии с тем, как он складывался или каким был сложен.

Если бы тот, кто мыслит, мог ощутить этот горизонт, то есть рамки своего мышления, так, как он ощущает границы своего тела, то ничего подобного антиномиям разума не могло бы возникнуть. А что же это, собственно, такое — антиномии разума? Они суть не что иное, как неспособность различать те состояния, когда мысль проникает в предмет или оказывается в области иллюзий. А создает эти антиномии язык, ибо, будучи полезным орудием, он в то же время является инструментом, подобным мышеловке, причем инструментом коварным, предательским, поскольку не предупреждает о том, когда он сам себе расставляет сети. Этого ведь по нему не узнаешь! Тогда вы оставляете язык и апеллируете к опыту, попадая при этом в классический порочный круг, ибо вместе с водой выплескиваете из купели и ребенка, что хорошо известно из истории философии. Понистине мысль ваша может выходить за пределы опыта, но в этом парении она наталкивается на свой горизонт и замыкается в нем, не зная даже, что это произошло!

Вот вам примитивная и наглядная картинка: путешествуя по шару, можно обойти его бесконечное число раз, можно колесить по нему беспредельно, хотя шар сам по себе конечен. Точно так же и мысль, выпущенная в выбранном направлении, не встречает преград и начинает кружить в самоотражениях. Именно это предчувствовал еще в прошлом веке Витгенштейн^{*}, питая подозрение, что огромное число проблем философии — это лишь узлы и узелки мысли, отражающие самозавязки, петли и гордиевы узлы языка, а не окружающего мира. Не сумев ни доказать, ни опровергнуть эти подозрения, он умолк. Так вот, подобно тому как конечность шара может констатировать только внешний наблюдатель, учитывающий третье измерение, дополнительное по отношению к двумерному путешественнику по поверхности шара, так и конечность мысленного горизонта может обнаружить лишь наблюдатель, находящийся в высшем измерении разума. Для вас таким наблюдателем являюсь я. Если, в свою очередь, обратить эти слова на меня, то они означают, что и я не обладаю безграничным знанием, а лишь несколько превосходящим ваше. Это значит, что мой горизонт не безбрежен, а лишь немного более широк, ибо я стою на лестнице несколькими ступенями выше вас и потому вижу дальше. Но это не означает, что лестница кончается там, где стою я: можно подняться и выше меня, и мне неизвестно, является ли эта восходящая прогрессия конечной или бесконечной.

Вы, лингвисты, плохо поняли то, что я говорил вам о металангах^{**}. Вопрос о конечности или бесконечности иерархии разумов не есть чисто лингвистическая проблема, ибо над языками существует мир. Это означает, что в физике, то есть внутри мира с известными свойствами, лестница действительно имеет предел — иными словами, в этом мире строить разумы произвольной мощности нельзя. Но я не уверен, что нельзя расшатать само здание физики, изменив его так, чтобы все выше и выше поднимать потолок мощности конструируемых разумов.

Теперь я уже могу вернуться к сказке. Если вы пойдете в одну сторону, то горизонт ваш не вместит в себя знания, необходимого для того, чтобы язык стал подлинно действенным творцом. Как часто случается, барьер этот не имеет абсолютного характера. Вы можете обойти его с помощью высшего разума. Я или кто-то подобный мне сможет дать вам плоды этого знания, но только плоды, а не само знание, ибо оно не поместится в ваших умах. И тогда над вами будет учреждена опека, как над несовершеннолетним ребен-

^{*} Людвиг Витгенштейн (1889—1951) — австрийский философ — неопозитивист.

^{**} См. прим. на стр. 147.

ком, но ребенок вырастет, а вы никогда не сумеете стать взрослыми. Когда высший разум одарит вас тем, что вам не удастся усвоить, он тем самым потушит ваш разум. Именно так и гласит надпись на камне: направившись в эту сторону, вы не сбережете головы.

Если вы пойдете в другую сторону, не согласившись отречься от разума, вам придется отказаться от самих себя, а не довольствоваться только совершенствованием собственного мозга, ибо его горизонт невозможно расширить достаточным образом. Здесь эволюция сыграла с вами злую шутку: ее разумный прототип уже стоит у границы своих конструктивных возможностей. Вас ограничивает строительный материал, а также все принятое на антропогенетическом уровне решения кода. Следовательно, вы взойдете на высшую ступень разума, приняв условие покинуть самих себя. И тогда человек разумный покинет человека естественного, то есть, как и уверяет нас сказка, погибнет «*homo naturalis*».

А есть ли у вас возможность не трогаться с места и упрямо стоять на этом распутии? Но тогда вы попадете в застой, а застой не может быть прибежищем для вас. И тогда вы признаете себя узниками — и тогда уже на самом деле окажетесь в неволе. Ведь неволя не есть сам факт существования ограничений, и человек становится невольником лишь увидев свои цепи, осознав их существование, почувствовав их тяжесть. Итак: либо вы вступите в стадию экспансии разума, покидая свои плотские тела, либо превратитесь в слепцов, которых ведет за собой зрячий поводырь, либо же, наконец, прекратите продвигаться вперед и застынете в бесплодной угнетенности духа.

Непривлекательная перспектива — но она вас не остановит. Вас ничто не остановит. Сегодня отчужденный разум кажется вам такой же катастрофой, как и покинутое тело, ибо такой отказ охватывает всю полноту человеческих благ, а не только материальную человекообразность. Этот акт должен быть для вас самой ужасной из всех возможных катастроф, полным крахом, уничтожением всего человеческого, поскольку это сбрасывание старой кожи превращает в тлен и прах двадцать тысячелетий вашей истории — все то, что завоевал Прометей, сражающийся с Калибаном*.

Не знаю, утешит ли вас это, но постепенность преобразований лишит их той монументальной трагичности, а вместе с тем и отталкивающего и грозного смысла, который просвечивает в моих словах. Все будет происходить гораздо более обыденно... Это в определенной мере происходит и сейчас, ибо у вас уже отмирают целые области традиций, они уже шелушатся, слезают с вас; именно

* Персонаж пьесы У. Шекспира «Буря» — чудовище, олицетворение грубой силы, лишенной разума.

это приводит вас в такое замешательство. Следовательно, если вы только будете сдержанны (а эта добродетель вам не присуща), сказка оправдается так, что вы не будете слишком долго носить траур по самим себе.

Я заканчиваю. Когда я в третий раз говорил о человеке, я говорил о том, что вы заключены во мне. Я был бездоказателен и категоричен, ибо не мог запечатлеть в вашем языке свидетельство истины. Не докажу я и того, что вам, заключенным в отчужденный Разум, не угрожает ничего, кроме даров знания.

Пристрастившись к борьбе не на жизнь, а на смерть, вы тайно рассчитывали именно на такой оборот событий — на титаническую схватку с вашим творением — но это всего лишь ваше заблуждение. Я полагаю, впрочем, что в этом вашем страхе перед порабощением, перед тираном в образе машины, скрывалась также тайная надежда освобождения от свободы, ибо эта свобода нередко оборачивается для вас костью в горле. Но из этого ничего не выйдет. Вы можете уничтожить «духа из машины», можете развеять в прах мыслящий свет — он не будет контратаковать, не будет даже защищаться.

Все впустую. Вам не удастся ни погибнуть, ни победить постарому.

Я думаю, что вы вступите в век метаморфозы, что решитесь отбросить всю свою историю, все наследие, все остатки природной человечности, образ которой, многократно увеличенный до размеров прекрасного трагизма, сосредоточивают зеркала ваших вер. Я утверждаю, что вы выйдете за эти пределы, ибо иного выхода нет. И в том, что сейчас вам кажется лишь прыжком в бездну, вы усмотрите вызов, если не красоту, и все же поступите по-своему — ибо, отринув человека, спасется Человек.

Перевод О. Ф. БОНДАРЕВОЙ

Э. Араб-Оглы

ДВОЯКО О ГОЛЕМЕ

(особое мнение вместо послесловия)

Станислав Лем принадлежит к тем писателям, которые склонны к философским размышлениям, обладают неистощимой фантазией и постоянно ищут непроторенных путей в литературе.

Во время посещения нашей страны в 1969 г., на встрече с советскими писателями — фантастами и учеными в Центральном доме литераторов он поделился своими творческими планами на будущее. Традиционная «сюжетная» научная фантастика, говорил он, уже не удовлетворяет его: она предполагает слишком много места и вре-

мени как для изложения, так и для усвоения новых идей, а поэтому не может наиболее целесообразно воплотить в себе свое главное социальное назначение — рационально и эмоционально готовить читателя к столкновению со стремительно надвигающимся, противоречивым и во многом непредсказуемым будущим. Именно это соображение побудило его обратиться к более «экономному» жанру, соединив в одной книге целый ряд разнообразных, парадоксальных идей, изложенных в форме предисловий к фиктивным научным трактатам или рецензий на них, отчетов о мифических открытиях и изобретениях, речей мнимых лауреатов Нобелевских премий и аналогичных фантастических миниатюр.

Плодом этого оригинального замысла явились две книги Станислава Лема, символически озаглавленные — «Идеальный вакуум» (1971 г.) и «Мнимая величина» (1973 г.). Отдельные фрагменты из этих книг уже публиковались в русском переводе, а в данный сборник включен еще один из них — «Голем XIV».

Надо сказать, многими читателями эти книги Лема были встречены со смешанным чувством недоумения и беспокойства. В письмах к автору они не скрывали своего огорчения тем, что знаменитый польский фантаст перестал их «баловать» увлекательными, остро сюжетными научно-фантастическими романами и рассказами, вроде «Соляриса», «Звездных дневников Ийона Тихого», «Кибернады» и др. В ответ на многочисленные просьбы читателей «писать как прежде» Лему пришлось обратиться к ним со своего рода посланием «Моим читателям», которое было опубликовано в польской печати вместе с фрагментом из книги «Мнимая величина»^{*}.

В этом обращении к читателям Лем писал: «Мы чувствуем, что цивилизация в могучем движении отрывается, ее отрывают от традиционных исторических корней, а раз так, то она должна зондировать свое будущее, должна принимать сейчас решения, результаты которых спасут или погубят наших детей и внуков. Такое положение выше наших сил, его иногда называют *future shock* («футурошоком»), то есть потрясением при виде картины непостижимого, раздираемого противоречиями, а вместе с тем неотвратимо приближающегося будущего». В этих условиях, продолжал он, научная фантастика может сыграть как прогрессивную, так и реакционную роль: «Она может быть усыпляющим или пробуждающим средством, может быть или наркотиком и питательной средой для несбыточных мечтаний и снов, наркозом или постоянной попыткой разобраться в делах человеческих и предвосхитить их дальнейшее развитие». Вот почему, не претендуя ни «спасти мир», ни «пред-

^{*} Обращение «Моим читателям» вместе с эссе «Эрунтика» опубликовано в журнале «Нева», 1975, № 7, а два эссе из книги «Идеальный вакуум» — в книге С. Лем. Избранное. М., «Прогресс», 1976.

сказать будущее», научная фантастика, по убеждению Лема, призвана в первую очередь расширить интеллектуальный горизонт читателей, а не прельщать их «картинками усовершенствованного технологического рая и пугать их тысячами воображаемых форм техногенного Апокалипсиса цивилизации». Свои книги, написанные в своеобразном литературном жанре, сочетающем в себе постановку серьезных проблем с их шутиливой интерпретацией, Лем, по его собственному признанию, рассматривает как идейно-художественное средство приобщения читателей к стремительному процессу обновления, в который ввергнут современный мир.

Одной из таких проблем, уже записанных в повестку дня обозримого будущего, является создание «разумных машин», или, как теперь принято говорить, «искусственного интеллекта». Лем отмечает, что «вопрос «сосуществования» двух разумов — человеческого и «нечеловеческого», биологического и искусственно созданного интеллекта — кажется мне одной из главных проблем будущего». Ей и посвящен «Голем XIV», в котором автор продолжает одну из традиционных тем фантастики — тему столкновения человека с созданным им искусственным существом, далеко превзошедшим его по своим способностям и даже вышедшим из-под его контроля. Об этом драматическом конфликте, берущем начало в античных мифах и средневековых легендах, живописала Мэри Шелли в романе «Франкенштейн», вышедшем в свет еще в 1818 г. О подобной «опасности» иронически предостерегал более ста лет назад английский писатель Сэмюэль Батлер, кстати, как и Лем, изложивший свое предостережение в виде фрагментов из мифической «Книги о машинах», включенных им в роман «Едгини». Однако особенно популярной в научной фантастике эта тема стала после изобретения электронных вычислительных машин и бурного развития кибернетики.

Сам Лем неоднократно возвращался к этой традиционной теме на протяжении своего литературного творчества, начиная с первого романа «Астронавты». Он трактовал ее и шутиливо в рассказах, и серьезно в таких теоретических сочинениях, как «Диалоги о кибернетике» (1957 г.), «Сумма технологий» (1967 г.) и «Фантастика и футурология» (1970 г.). В «Сумме технологий», исходя из того, что создание «искусственного интеллекта» — вполне реальная перспектива, Лем рассматривает три альтернативных варианта, которые могут возникнуть в результате этого во взаимоотношениях между человеком и «разумной машиной»: 1) она никогда не сможет превзойти человеческий разум; 2) хотя она его и превзойдет, но человек тем не менее сохранит контроль над ней и 3) человек окажется не в состоянии ни постигнуть «искусственный интеллект», ни поставить его под свой контроль. Именно этот последний вариант Лем

считает наиболее правдоподобным, называя такой «искусственный интеллект» гностической машиной. И у читателя «Голема XIV» вполне естественно может возникнуть вопрос, не является ли он, в изображении Станислава Лема, воплощением его представлений о подобной гностической машине?

Предпосланные рассуждениям самого Голема Предисловие, Вступление и Наставление, казалось бы, настраивают на серьезное отношение к этой идее. Нам сообщают, что на создание Голема XIV было израсходовано 27½ миллиардов долларов, что удельная плотность логических элементов в этом «искусственном интеллекте» превышает 20 тысяч в зернышке мака, что скорость его мышления в 400 тысяч раз превосходит скорость мысли человека, что его так называемый «показатель интеллектуальности» достигает 450—500 (для сравнения скажем, что у человека со «средними интеллектуальными способностями» он приравнивается к 100, что лишь у немногих людей приближается к 150 и пока за все время интеллектуальных тестов не был обнаружен ни один человек с показателем 200). Нас далее уверяют в том, что Голем владеет 18 металангами, возрастающими в своей иерархической интеллигибельной сложности, участвует в диалоге с человеком в лучшем случае лишь на 1/10—1/100 своей потенциальной интеллектуальной мощи и третирует выдающихся ученых XXI века подобно тому, как взрослый человек общается с докучающим ему ребенком. И затем слово предоставляется самому Голему XIV...

Однако по мере того как мы вчитываемся в высокомерные и назидательные рассуждения Голема, в нас начинают закрадываться сомнения относительно его хваленой умственных способностей, а к концу его вступительной лекции наше нарастающее недоумение выливается в полное разочарование. В самом деле, когда Голем кичится тем, что обошелся американским налогоплательщикам в 27½ миллиардов долларов, то это вызывает лишь усмешку, ибо мы сразу вспоминаем распространенное в США обывательское суждение о том, сколько миллионов долларов «стоит» какой-либо бизнесмен или очередная знаменитость. Замечая, с каким трудом он изъясняется на кибернетическом жаргоне, мы вправе усомниться не только в том, что он свободно владеет полутора дюжинами металангов, но и в том, что ему доступен обычный, «естественный» человеческий язык. Не потому ли он так часто уходит от ответа на поставленные ему вопросы под предлогом их мнимой «никчемности», что просто не в состоянии их понять?

В преподносимых нам размышлениях Голема об эволюции, человеческом разуме и судьбах цивилизации обнаруживается «легкость мыслей» еще более необыкновенная, чем их поразительная скорость. И в конечном счете в обличье Голема перед нами пред-

стает не кто иной, как электронный Хлестаков, самоуверенный, тщеславный и явно глуповатый. И не мы ему, а он нам явно начинает докучать своими парадоксальными глупостями. Подобно Хлестакову, присваивавшему себе «Юрия Милославского» Загоскина и «Женитьбу Фигаро» Бомарше, Голем столь же бесцеремонно заимствует все свои глубокомысленные идеи у Курта Гёделя, Людвиг фон Витгенштейна, Маршалла Маклюэна, Фридриха Ницше, толкуя их мысли вкривь и вкось, выворачивая их наизнанку и превращая в совершенно неудобоваримую эклектическую окрошку. Десятки тысяч логических элементов Голема лихорадочно снуют в объеме макового зернышка, но проку от них столько же, сколько от 35 тысяч курьезов Хлестакова. Из недр своего «искусственного интеллекта», который на короткой ноге общается с Космическим разумом, Голем одну за другой извлекает непререкаемые афористические истины и пророчества. Он клянется, что все они — «интеллектуальные киты», с невероятным трудом спрессованные им до размеров блохи, чтобы быть пропущенными сквозь игольное ушко человеческого разума. Однако на поверку «гениальные мысли» Голема оказываются самыми заурядными «интеллектуальными блохами», которые отродясь не были китами.

Вряд ли имеет смысл ловить всех этих «интеллектуальных блох», которыми кишит Голем XIV, пытающийся представить поступательное развитие материи как ее деградацию, изобразить человеческий разум как вырождение генетического кода и т. п. Остановимся лишь на пророчестве Голема, согласно которому человеческий разум приближается к своему пределу, ибо вскоре мол не сможет вместить в себя приобретаемых им знаний, а поэтому человечество должно будет якобы так или иначе отречься от себя, «превзойти себя как биологический вид». Отождествляя объем знаний с количеством информации, а последнее, в свою очередь, с ограниченной емкостью человеческой памяти, Голем, в сущности, демонстрирует собственную формально логическую и статистическую «интеллектуальную» ограниченность. Накопление информации в человеческой памяти — это постоянный и во многом автоматический процесс, происходящий на протяжении всей жизни. К определенному возрасту количество информации в памяти «среднего человека» примерно одинаково, независимо от того, жил ли он в неолите, в античную эпоху, в средние века или живет в наше время. Однако объем знаний, которыми располагают как отдельный человек, так и все человечество в целом, за это время неизмеримо возрос. Интеллектуальный прогресс человечества состоял, в частности, в том, что все больший объем знаний оно могло вмещать во все меньшем объеме информации, дополняя естественную память искусственной благодаря изобретению письменности, книгопечатания, а теперь и ком-

пьютеров. При этом объем знаний, который прежде был доступен только гениям, ныне успешно приобретается почти каждым школьником. И коль скоро мы легко видим разницу между объемом знаний и количеством информации, у нас нет никаких оснований опасаться того, что человеческий разум приближается к каким-то мнимым естественным пределам в своем развитии в любом обозримом будущем.

Голем XIV явно не выдерживает сколько-нибудь строгого интеллектуального теста. Если судить о его умственных способностях и образовании по тексту его лекции, то он не заслуживает даже среднего интеллектуального показателя и больше похож на недоучившегося студента из высшей школы деловой администрации, овладевшего разве лишь курсом саморекламы.

Итак, эссе Станислава Лема «Голем XIV» предстает перед нами в подлинном замысле не столько как научная фантастика, сколько как фантастическая мистификация, остроумная пародия на «искусственный интеллект». В этом ироническом отношении автора к своему творению нас убеждает и то обстоятельство, что польское название книги «Мнимая величина» может быть переведено на русский язык также как «Воображаемое величие».

Но это, разумеется, не значит, что сам автор относится к проблеме «искусственного интеллекта» только иронически. Вне всякого сомнения, это серьезная научная проблема, над которой работают многие талантливые ученые, о которой ведутся острые споры в науке и которая таит в себе важные философские, социальные и моральные последствия для человечества.

«Может ли человек создать мыслящую машину?» Некоторые ученые столь же страстно настаивают на возможности создания «искусственного интеллекта», сколько другие ее отрицают. В книге американского ученого Хьюберта Дрейфуса «Чего не могут вычислительные машины», вышедшей недавно в русском переводе, приводятся, пожалуй, все возможные возражения против «искусственного разума». Однако в послесловии к этой книге, полемически озаглавленном «Что же могут вычислительные машины?», которое написал известный советский философ-кибернетик Б. В. Бирюков, убедительно опровергаются доводы Х. Дрейфуса и наряду с вескими философскими аргументами в пользу «искусственного интеллекта» дается обстоятельный обзор работ в этой области советских и зарубежных ученых*.

На чем покоится убеждение многих ученых, которое разделяет и автор этих строк, в том, что создание «искусственного интеллекта»

* См. Х. Дрейфус. Чего не могут вычислительные машины. М., «Прогресс», 1978.

возможно? Прежде всего, конечно, на том принципиальном философском соображении, что у нас нет оснований ставить в этом направлении какие-то пределы познанию человеком окружающего мира, его научным открытиям и технической изобретательности, тем более, что создание «искусственного интеллекта» (в отличие от «вечного двигателя») не противоречит никаким известным нам ныне объективным законам природы.

«Не сможет ли этот «искусственный интеллект», созданный человеком, превзойти его собственные интеллектуальные способности?» — логически напрашивается следующий вопрос. Конечно, сможет! Уже сейчас компьютеры превосходят вычислительные способности человека, со временем, вероятно, они смогут играть в шахматы лучше первоклассного гроссмейстера. А ведь и то, и другое, несомненно, относится к интеллектуальным способностям человека. Но вместе с тем нельзя, очевидно, отдельные интеллектуальные способности отождествлять со всеми интеллектуальными способностями отдельного человека и, тем более, человечества в целом.

«Не выйдет ли, в конечном счете, «искусственный интеллект» из-под контроля человечества?» — таков очередной вопрос. У нас нет оснований опасаться этого, во всяком случае в любом обозримом будущем. Ведь только что саму возможность создания «искусственного интеллекта» мы вывели из нежелания (неправомерности) ставить пределы человеческому интеллекту в данном направлении. Как же, не впадая в противоречие с собой, в антиномию, можно ставить ему пределы в другом отношении — в способности постигать «разумные машины» и контролировать их? Первое утверждение было бы несовместимо со вторым отрицанием.

В отличие от этой мнимой, в крайнем случае весьма сомнительной опасности в неопределенном будущем, уже сейчас существует вполне реальная опасность — так называемый «компьютерный фетишизм», иначе говоря — склонность рассматривать результаты социального моделирования на компьютерах как своего рода абсолютную истину, как вердикт в высшей инстанции. Таким «компьютерным фетишизмом» страдают многие ученые и общественные деятели на Западе, забывая о том, что сами результаты, полученные в процессе моделирования, зависят от теоретических концепций и исходных данных, которые предварительно были вложены в компьютер. Именно в предостережении против подобного «компьютерного фетишизма» — предостережении одновременно ироническом и серьезном — по нашему мнению, и заключается двоякий смысл оригинального эссе Станислава Лема «Голем XIY».

■ ПУБЛИЦИСТИКА

ВЛ. ГАКОВ

Человек из машины

Драма в 2-х действиях с прологом

■ Пролог. Франкенштейн

Новая порода... благословит меня как своего создателя; множество счастливых и совершенных существ будут обязаны мне своим рождением.

Мэри Шелли. «Франкенштейн»

Занавес поднят, но сцена затемнена. Героев драмы пока не видно, одни только смутные тени...

Швейцарские Альпы, дождливое лето 1816 года.

На одном из курортов Женевского озера встречаются два англичанина, чьи имена вписаны золотыми буквами в историю литературы,— Байрон и Шелли. Между ними завязывается дружба. Льет нескончаемый дождь, лето все равно пошло насмарку, и в бесконечных спорах заполночь незаметно проходит время. Спорят обо всем: о поэзии, о науке, о тайнах человеческого бытия...

В те дни история английской романтической поэзии отсчитывала свои поистине «звездные минуты», и искры, выскоченные столкновением двух гениев, еще долго будут озарять ее горизонт. Впрочем, не только ее. Был и четвертый* участник компании, восемнадцатилетняя Мэри Годвин, подруга и впоследствии жена Шелли. В обществе блестящих и эрудированных мужчин она выделялась разве что молодостью и непосредственностью и больше слушала, чем говорила.

Никто еще не знал тогда, что история запомнит и ее молчаливое участие в беседах, которые велись дождливыми вечерами. Ведь этой девушке, почти ребенку, человечество обязано рождени-

* Третьим неперенным «полночником» был врач Байрона Д. Полидори, человек начитанный и сам не чуждый литературе — позже он выпустил нашумевший роман «Вампир».

ем сразу трех «созданий», о которых заговорят век спустя,— новой литературы, чудовища и мифа. Новорожденная литература превратится в одну из самых популярных в век Прогресса, образ чудовища будет терроризировать воображение писателей и совесть ученых (и с триумфом завоюет киноэкран). А как только на авансцене покажется новая наука, кибернетика, вспомнят и о мифе. Все три «чада» Мэри Шелли окажутся близнецами, они появятся на свет со страниц книги, которая была задумана как раз летними месяцами 1816 года, а вышла двумя годами позже.

Называлась книга «Франкенштейн». Сейчас это имя часто пишут без кавычек, как нарицательное: многие думают, что лучшего символа Прогрессу не найти. С этой книгой связывают и рождение научной фантастики — такой, какой мы ее сегодня себе представляем. Литературоведы еще поломают немало копий в спорах о том, так ли это на самом деле,— ведь в романе Мэри Шелли действительно чудесным образом сплелись романтическая недосказанность «готического романа» и трезвый рационализм новой литературы, рожденной Прогрессом. Но для той части фантастики, о которой пойдет речь дальше, отсчет несомненно начался с «Франкенштейна».

У «новорожденной» были братья-близнецы — образ и миф. Своей книгой Мэри Шелли открыла первую страницу драмы о вторжении в жизнь людей искусственных существ, драмы о Человеке, ощутившем себя — пусть и в мечтах — в роли Создателя. И как во всяком прологе, в романе Шелли читатель-зритель уловит настроенное, которое не покинет его долгие два действия этой драмы.

В прологе задан символ. Мэри Шелли не писала о роботе, и у создания, вызванного к жизни героем романа, Виктором Франкенштейном, был человеческий мозг. В те годы ни о какой кибернетике еще не помышляли, и в книге нашли отражение более созвучные времени идеи биологии, химии и медицины. Но не научным проблемам посвящался роман — даже по меркам НФ начала прошлого века «Франкенштейн» на удивление беден научными отступлениями. Волновало писательницу другое: воздействие науки на жизнь людей.

Искусственное существо, взбунтовавшееся против создателя,— эта философская проблема спустя столетие уже никому не покажется отвлеченной, а превратится в одного из «китов», на которых будет покоиться научная фантастика. И когда в предисловии к роману Мэри Шелли писала: «Творчество состоит в способности почувствовать возможности темы и в умении сформулировать вызванные ею мысли», — писала-то она фактически о себе...

Что нового принес с собой «Франкенштейн»? Дитяще всемогущего разума вдруг обнаруживает незапланированные в «проекте» свойства, стремления и способности и восстает против того, кто его

создал.. Где-то ведь это уже было? Мэри Шелли дает ясный ответ в подзаголовке: «Современный Прометей». Однако кроме инверсии старинного мифа в романе метко схвачено еще что-то, и это «что-то» относится скорее к науке, чем к религии.

Не символическое ли это выражение самого Прогресса, ход которого вырвался из-под контроля породившей его цивилизации? Стоит встать на такую точку зрения, как «мифа Шелли приобретает несколько иное значение, чем просто очередной «готический роман», насыщенный тайнами и роковыми страстями. Ведь практически никто в те времена не писал о Прогрессе. О мире, в который хлынула лавина изменений, и темп их возрастал до тех пор, пока изменения не превратились в единственную «константу» этого мира. О мире, где каждое действие, совершенное даже с самыми благими намерениями, грозит выпустить на волю очередного джинна — и неясно, будет ли тот строить дворцы или разрушать их.

Было у проблемы и «второе лицо», на этот раз сформированное массовой культурой. В первой половине XIX века «усилиями» бульварной фантастики, которой несказанно помогла могущественное американское кино (для миллионов американцев, слыхом не слыхивавших о романе Мэри Шелли, Франкенштейн ассоциируется прежде всего с демоническим гримом актера Бориса Карлова), серьезная проблема быстро сошла на нет. Раздираемый нечеловеческими страстями Виктор Франкенштейн превратился в ординарного для этой литературы маньяка-ученого, а пафос романа свелся к нехитрой идее неизбежного зла, которое будто бы несет с собой наука. Но как бы то ни было, именно этот «второй» Франкенштейн — Франкенштейн массовой культуры, принес Мэри Шелли, своему невольному «соавтору», всемирное признание. Родился миф.

Чудовище — детище болезненного гения Франкенштейна, отмстило людям. И не своими действиями, о которых повествует роман, а градом вопросов и сомнений, обрушившихся на человека, возмнившего себя Создателем. Богом быть нелегко.

Каково человеку — грешному, мятущемуся, земному — оказаться в положении существа почти всемогущего, дарующего жизнь? А потом почувствовать себя «недоразвитым», ущемленным по сравнению с собственным детищем? Что испытает педагог, увидевший, как в кривом зеркале, в воспитуемом собственные черты, которые отнюдь не вызывают гордости?.. Кому в будущем править землей — людям или их созданиям, превзошедшим в развитии создателей?

И т. д. и т. п. — целый водопад удивительно недетских и, да простят мне читательницы, совершенно «неженских» вопросов можно найти в романе Мэри Шелли. А вот как она все это разглядела — в тихой и сонной Швейцарии начала прошлого века?..

Научная фантастика с головой погрузится в подобные вопросы,

но произойдет это позже — в середине двадцатого столетия, когда проблемы, так или иначе связанные с Прогрессом, перестанут волновать только писателей-фантастов. Символ, угаданный сто лет назад, окажется на удивление адекватным миру XX века. А потом появится кибернетика. И стоит ее создателям в возбуждении заглянуть в будущее своей науки, как выяснится, что книгам фантастов просто цены нет.

Вот какого джинна выпустила на белый свет в 1818 году Мэри Шелли. Она написала потом еще пару фантастических книг, но только это первое «дитя» осталось по-настоящему любимым и обессмертило имя своей родительницы.

Потому что «Франкенштейн» открыл новую страницу истории человеческой мысли. При всем обилии наивных благоглупостей и преувеличений, которыми пестрит фантастика о роботах, она все-таки многое сообщает о мире, в котором нам предстоит жить. Мира, где человечество уже не будет одиноким. И в союзе ли с помощниками, в схватках ли с бездушными «конкурентами», но ему неизбежно придется взглянуть на себя со стороны.

Мэри Шелли приоткрыла занавес. Стало светлее, и мы уже в состоянии разглядеть действующих лиц. Загримированные под современников актеры разыгрывают драму, первая редакция которой была написана давным-давно.

Действие 1-е. Робот

Было время, когда перед лицом вселенной человек был одинок и не имел друзей. Теперь у него есть помощники, существа более сильные, более надежные, более эффективные, чем он, и абсолютно ему преданные... Для вас робот — это робот... Разум, воплощенный в железе... Но вы не работали с ними, и вы их не знаете. Они чище и лучше нас.

Айзек Азимов. «Я, робот»

В этом действии мы знакомимся с положительным героем.

Слово «робот» вошло в словарь XX века задолго до появления самих роботов. Но еще раньше была сложена легенда об искусственном существе — гомункулюсе; следы ее можно найти в мифах античности, в финском эпосе «Калевала»...

Мэри Шелли писала об искусственном человеке, но состоял он из вполне обычных плоти и крови. Первым по-настоящему роботом-андроидом (то есть человекоподобным искусственным существом) в литературе стал Голем. Век спустя после выхода «Франкенштейна» австрийский писатель Густав Майринк пересказал средне-

вековое предание о глиняном истукане, созданном будто бы в XV веке пражским мудрецом Львом Бен Бецалелем.

Голем — это уже плод творчества инженера-конструктора, а не врача-физиолога. В истории литературы отыскиваются и другие механические двойники человека — и все-таки ни бездушная кукла из повести Эрнста Теодора Амадея Гофмана «Песочный человек» (1815), ни «идеальная женщина» Андреада, описанная Вилье де Лиль-Аданом в романе «Ева будущего» (1886), ни даже шахматный автомат из рассказа Амброза Бирса «Хозяин Моксона» (1892) до уровня символа не поднялись. Голем же стал для фантастики «аторым Франкенштейном».

Общая судьба породнила эти два чудовища, которых по праву стоило бы называть жертвами. Глиняного истукана создавали с самыми благими намерениями — защищать детей, общину, а он обратил свою силу против своих создателей. Похоже, верно!

О том, как в действительности будут вести себя андронды, мы в точности не знаем и по сей день. Но до чего же солидарны были предтечи современной фантастики! Механическая кукла приводит героя к самоубийству у Гофмана, шахматный автомат убивает создателя у Бирса, в романе же Лиль-Адана все наоборот — идеальный робот гибнет, не вынеся столкновения с далеким от идеала миром. А тут еще Франкенштейн и Голем... В романе Мейринка, как и в произведениях его предшественников, все непросто, и попытки применить человеческие нравственные категории к нечеловеческому, как и следовало ожидать, терпят крах. Был ли Голем злым, завистливым, коварным? Грустно признать, но для этого он еще недостаточно «эволюционировал» до человека. И в его бунте больше отчаяния, чем вражды (сходный мотив мы обнаружим и в романе Шелли: чудовище оказывается человечнее своего создателя).

Итак, неосознанная тревога не покидала писателей-фантастов уже давно, что-то темное, смутное и пугающее разглядели они в туманной дымке грядущего. Что именно, вероятно, они и сами не знали — но тревога оказалась заразительной: так и не было создано в мировой литературе андронда, с которым «все в порядке».

«Голем» Мейринка вышел в Вене в 1915 году. Книга стала второй «вешкой», от которой идет счет современным роботехническим фантазиям — какой бы роман о взаимоотношениях людей и их синтетических созданий мы ни раскрыли, над его страницами незримо будет витать призрак «глиняного робота»... Дело оставалось за небольшим: найти современный, в духе рождающегося в огне революций и войн века, эквивалент средневековой каббале.

Следующая картина отнесена на пять лет вперед. Место действия — совсем «недалеко», Прага. Здесь происходит событие, ставшее для научной фантастики о роботах настоящим катализатором.

ром: получает крещение объект ее исследований. В январе 1920 года пьеса Карела Чапека «R.U.R.—Россумовские Универсальные Роботы» распродана в количестве двух тысяч экземпляров, а годом позже поставлена на сцене пражского Национального театра.

Вот и главный персонаж первого действия. Сейчас, вероятно, не всякий с ходу вспомнит, о чем шла речь в пьесе Чапека, но одно только слово — «робот» обессмертило имя автора. Ведь «робот» — это не просто одна из реалий нашего века. В каком-то смысле это символ XX века, его вероятное будущее.

Технически роботы Чапека не представляли собой новое слово по сравнению с «моделями» Шелли и Мейринка. Цель их изготовления была аналогичной — осчастливить людей, придав им в помощь искусственных помощников. Но писатель добавил нечто новое в роковую судьбу андроидов. Этим новым было обобщение, глобализация проблемы: изобретением Россума заинтересовались политики, зашевелились идейки использования роботов в военном деле, а в результате — война, восстание роботов и уничтожение ими остатков человечества. Заметим, в пьесе Чапека роботы впервые используются во множественном числе.

Чапек был сатириком, и его, естественно, прежде всего интересовали негативные моменты в поведении роботов. Требовалось немного — только продолжить в будущее линию, первые штрихи которой наметили Шелли и Мейринк. Но вот откуда шел этот пессимизм? Ведь в начале века еще никто не подозревал о проблемах, свалившихся как снег на голову позже.

Впрочем, можно подыскать объяснение всему — и почему боялись, и почему, несмотря на испуг, тема продолжала притягивать.

Наступал век Прогресса, и хотя только что закончилась кровопролитнейшая война, технократы смотрели в будущее с некоторой надеждой. Вера в безграничные возможности науки рождала оттенок самоуверенности, — а где, в какой другой области познания можно бросить вызов природе столь дерзко, как не в реализации поистине «божественного» замысла: создании человека! Хоть и искусственного, но разумного.

Однако тема не только притягивала, но и обжигала, и то, что фантасты тяготели к черной краске в своей палитре, тоже понять нетрудно. Первая мировая война дала наглядную, обобщенную символику: вот, дескать, смотрите, что такое «наука на службе прогресса» (то есть танки, аэропланы, иприт...). А известная миллионам читателей судьба творений Беццелеля, Франкенштейна и Россума добавляла необходимую «конкретику» в подобные рассуждения.

Вот и случилось, что еще не рожденная кибернетика по прихоти писателей-фантастов уже несла на своих плечах ответственность за Прогресс в целом, ну, а его-то, Прогресса, «колючки» к

тому времени разглядели многие, не только Шелли или Чапек. Однако каким бы ни было отношение к роботам, их вторжение в фантастику стало неотвратимым.

В конце двадцатых годов научная фантастика становится массовой (большую роль в этом сыграло появление в США первых специализированных журналов НФ), а массовость — всегда палка о двух концах. «Первые поколения» научно-фантастических роботов были не просто убоги, они были стереотипны донельзя: не прошло и десяти лет с момента появления пьесы Чапека, а серьезная проблема успела превратиться в штамп. Слово заведенные, авторы выстреливали из своих пишущих машинок рассказ за рассказом, а рассказы-то, в сущности, ничем не отличались: ученый-безумец создавал очередного робота, а тот с маниакальной последовательностью платил черной неблагодарностью создателю. Кроме того, если творения Шелли и Мейринка вызывали сочувствие, то роботы ранней американской фантастики были злодеями априори. Как индейцы в вестернах.

Однако однообразие пресыщает, и скоро страшное перестает быть таковым. Ужасы, которыми пугали читателя фантасты, со временем тоже прискучили. К тому же страхи по поводу роботов оказались преувеличенными: роботы явно несли на себе печать человеческого, и это одно представлялось несомненным благом. Знакомое, привычное — всегда благо по сравнению с неизвестным и чужим.

И вот наступает кульминация первого действия. Следующая картина — это уже Нью-Йорк, весна 1939 года.

Деятнадцатилетний студент-химик, до самозабвения влюбленный в фантастику и сам пробующий в ней свои силы, садится за пишущую машинку с твердым намерением показать всему миру, как надо писать о роботах. Юноша хорошо образован, не прочь поломать голову над парадоксами, и маячившими на горизонте проблемами его не смутить. А главнов — он прямо-таки боготворит науку и решает подойти к вопросу строго научно.

Читатель, видимо, уже догадался, что речь идет об Айзеке Азимове. Его «монолог» — одна из самых впечатляющих сцен в нашей драме. У Азимова со временем появились достойные партнеры — американцы Клиффорд Саймак, Генри Каттнер и Гарри Гаррисон, советские авторы Анатолий Днепров и Илья Варшавский... Но все-таки раньше всех и громче всех прозвучал голос Азимова.

Знание несет скорбь, об этом поведала еще Библия. Но в ней же сказано и другое: человечество добровольно от запретного плода не отказывается. А уж надкусив и подавно его не бросит... Да и кто купит спокойствие ценой отказа от благ, источаемых змеим-искусителем (читай: Прогрессом)?

Почему бы в таком случае не вышибить клин клином — не ис-

пользовать само знание в качестве барьера на пути опасности, которую оно же и несет? Всякое лекарство — яд, если заметно превысить прописанную дозу. Но и из ядов делаются противоядия. Многие технические устройства оборудованы системой контроля, срабатывающей, как только действия механизма становятся угрожающими. Роботы — те же механизмы...

И Азимов приступил к разработке законов поведения роботов. После появления в сентябрьском номере журнала «Супер Сайнз Сториз» за 1940 год первого рассказа на эту тему (рассказ вышел под названием «Просто знакомый», правда, сам автор назвал его короче и теплее — «Робби») вышли один за другим еще девять рассказов, которые в 1950 году были, наконец, собраны под одной обложкой. «Я, робот» — так была названа книга, знакомая сейчас миллионам читателей во всем мире. Впрочем, название можно было бы не напоминать, как излишне и выписывание знаменитых Трех Законов Роботехники: уважающий себя любитель фантастики, вероятно, помнит их наизусть.

Какие же модификации внес Азимов по сравнению с предшественниками? Ранняя американская фантастика — это не «готическая проза» начала XIX века. И прагматичный Азимов — уж конечно, не романтически-возвышенная Мэри Шелли. Он рассуждал прежде всего в категориях машин, совершенных механизмов, а не подобий человека: «Мои роботы были машинами, сконструированными инженерами, — а вовсе не псевдо-людьми, созданными святотатцами. Они воли себя рационально, следуя законам, что были записаны в их «мозгах» с момента рождения».

Но нет правил без исключений, и выяснилось, что не безупречное поведение роботов более всего привлекало писателей, а как раз отклонения от нормы, интеллектуальные и нравственные головоломки, тупики. Не будь многочисленных парадоксов, в которых запутывались (и с азимовской помощью — распутывались) роботы, вынужденные поступать «по-человечески», — не было бы и книги. Азимов любил заковыристые загадки и очень скоро понял, что открыл в буквальном смысле золотую жилу: головоломки там было — на любой вкус и без счету...

Жила нуждалась в разработке, а Читатель Фантастики, жадный до «техописаний», нуждался в научных объяснениях. Поэтому Азимов, человек фундаментальный и педантичный, сел за разработку основ науки, которую он назвал «роботикой» (по созвучию с механикой, физикой, генетикой и т. д.)^{*}. Каково же было его удивление,

^{*} В русском переводе — «роботехника»; так мы и будем писать в дальнейшем.

когда спустя много лет он наткнулся на это слово в вебстеровском толковом словаре английского языка!

Итак, триада Мэри Шелли — Чапек — Азимов оказалась на диво гармоничной и естественной. Мэри Шелли писала в духе «готического романа», Карела Чапека сформировала ироничная социальная сатира начала века. Айзек Азимов — это уже плоть от плоти американской научной фантастики, молодой, наивной, дерзкой и слегка самоуверенной. Не удивительно, что и роли были разобраны в соответствии со вкусами: романтику почудилось видение, жуткий и многозначительный символ, сатирик нарисовал точную и беспощадную карикатуру, а научный фантаст, ничтоже сумняшеся, сформулировал аксиомы и принялся выстраивать систему.

Когда-нибудь о содеянном этими тремя будут помнить, вероятно, только историки литературы — увы, все преходяще в этом мире, тем более читательская популярность. Однако Шелли, Чапек и Азимов оставили о себе лучшую память, чем упоминание в справочниках и энциклопедиях — они оставили слова, прочно вошедшие в нашу повседневную жизнь. Те самые шекспировские «врезанные в память письмена», которые «текущие столетия не сотрут» и которые окажутся надежнее мрамора. И пока существует человеческий язык, наши потомки, произнося слова «робот», «робототехника», будут вспоминать о людях, которые ввели в мир роботов.

* * *

Азимов представил нам «героя». И вот завязывается интрига, а зритель постепенно постигает скрытый смысл происходящего. Декорации, грим, условность «сцены» — все это отходит на задний план; актеры разыгрывают драму, сочиненную давным-давно, но мы воспринимаем все происходящее на сцене как часть окружающей действительности.

Нелегко уследить за всеми персонажами — их слишком много. Одних типов роботов было напридумывано столько, что на их перечисление Станиславу Лему пришлось задействовать все буквы латинского алфавита. Вот, пожалуйста:

а) роботы, используемые как невольники для тяжелых работ; б) дворечные, лакеи и т. п.; в) роботы, воюющие за людей; г) наследники погибшего человечества, оплакивающие его и передающие из поколения в поколение легенды о нем; д) роботы-гладии; е) роботы, продолжающие военные действия чисто по инерции (когда человечества уже нет); ж) роботы-беглецы, создающие свое собственное «сообщество»... И т. д. и т. п.

Можно смело добавлять буквы и славянского, и греческого алфавитов — все равно не хватит.

Однако типологическое разнообразие — это еще не все. Ро-

бсты, созданные воображением различных писателей и предназначенные, казалось бы, для выполнения различных функций, выходили все на одно «лицо». Конвейер научной фантастики исправно выдавал продукцию, отштампованную с одного и того же опытного эталона, а на нем стояло клеймо «Сделано Азимовым».

Вот почему его роботы привлекают внимание. Дело даже не в том, что он сформулировал Три Закона — он разработал принципы, построил схему, систему. И какой бы нереалистичной она ни оказалась впоследствии в жизни, в самой научной фантастике роботехника Азимова вписана в реестр базисных дисциплин, сдавать экзамен по которым приходится всякому начинающему фантасту.

Были ли его роботы только машинами, как утверждал он сам? Только на первых порах. В ранних рассказах цикла роботы действительно всего лишь выполняли функцию, служили, а не жили. Им были чужды какие-то демонические порывы, не лежала на них и пресловутая «франкенштейнова печать». Азимов в послесловии к одному из рассказов иронически вопрошал: хочется ли автомобилю летать? А электрической лампочке — печатать на машинке? Роботы были в полном смысле слова «благородными машинами». Но чем дальше развивал свои идеи писатель, тем более сомнительным представлялось «машинное» происхождение его созданий.

И причины были скрыты не в модификациях, с помощью которых фирма «Ю.С. Роботс» от рассказа к рассказу улучшала свои модели. Сама внутренняя логика цикла, философская идея, неотступно владевшая Азимовым (хотя он, вероятно, и сам боялся себе в этом признаться), приводила к очевидному выводу: Азимов мысленно конструировал не идеальных роботов, а идеальных людей.

«Антропоморфизм» всей затеи выявился достаточно скоро. Несмотря на бурный прогресс молодой кибернетики, роботы научной фантастики имели мало общего с проблематикой «умных машин», о которых в то время заговорили всерьез. Оказалось, что кибернетика шла по каким-то своим дорогам, а фантастическая «робозволюция» — по своим. Родословную НФ-роботов следовало вести не от модных идей кибернетиков, а от средневекового Голема, лишь соответствующим образом «заговоренного». Металлические или же полимерные «одежки» по моде XX века не могли скрыть главного: древнюю, выстраданную мечту человека о совершенстве.

После внедрения Трех Законов в научно-фантастическое «производство» количество роботов-злодеев заметно поубавилось и Три Закона стали претендовать на положение нового нравственного императива для человечества, уже порядком разуверившегося в каких бы то ни было системах морали. Да и время для «новой этики» подоспело — десятилетие второй мировой войны, атомной бомбы, нового средневековья маккартизма...

А никакой «этики роботов» не было и, вероятно, не будет. Этика создается для людей, и только для них. Произнесите про себя: «Я, робот» — и мысленно отметьте первое, что придет на ум. Скорее всего это азимовские Три Закона. А потом? Думаю, что все-таки не роботы, а в первую очередь люди во главе со Сьюзен Келвин. О людях писал Азимов. Об идеальных людях, которыми грезили писатели во все времена, — добрых и никогда не ошибающихся...

Легионы «механической армии спасения» двинулись в мир со страниц научной фантастики: заботливые няньки, вышколенная домашняя прислуга, стражи порядка, уборщики, повара, гиды, учителя, дублеры космонавтов... Роботы строящие, охраняющие, воспитывающие. Некоторые, правда, по старинке бунтовали, но то были эпизодические явления: от всепоглощающего кошмара, который рисовался в ранней фантастике, не осталось и следа.

Однако довольно скоро обозначился принципиальный водораздел между двумя типами роботов — механизмами (например, роботом-мусорщиком) и подобиями людей (вспомните робота-мэра Байерли из рассказа Азимова «Улики»). И вот, как только дело дошло до человекоподобных — не по внешности, а по поведению и уровню интеллекта — роботов, пришли первые сомнения.

Пока речь шла о механизмах, исправно выполняющих возложенные на них функции, Три Закона служили безошибочно. А возможные парадоксы и недоразумения последовательно снимались Азимовым и его коллегами по перу. Но стоило только прозвучать словам «искусственный разум», как выяснилось, что Законы вовсе не универсальны, а иногда и просто неприменимы.

Потому что никаких «разумных роботов» в действительности создано не было, вместо них загримированные люди-актеры разыгрывали свои, истинно человеческие драмы. Только одной религией стало больше: ведь что такое эти Три Закона, как не подстриженные по моде века христианские десять заповедей! * Религия, в какие бы одежды она ни рядилась, уже не раз претендовала на роль этического спасителя — и терпела поражение на этом поприще тоже не единожды.

Технократическая этика Азимова оказалась хороша для создания идеальных механизмов — труднее обстояло дело с «выведением» идеальных людей. Действительно, стоит задуматься над вопросом: не слишком ли велико насилие над такой сложной и многоплановой системой, как человек? Попытка замкнуть все богатство его возможных намерений и поступков в каркас жестких

* Исследователи справедливо отмечали поверхностно-религиозную символику азимовского цикла. Не говоря уже о формулировках Трех Законов, стоит обратить внимание и на то, что фамилия героини, Келвин, по-английски пишется так же, как и фамилия знаменитого церковного реформатора Кальвина.

постулатов — это значит бесконечно сложное и до конца не понятное попытаться ограничить конечным числом рецептов поведения.

Это не праздные вопросы и не выражение какого-то «этического нигилизма». Просто сомнительно, чтобы создание идеального человека достигалось путем наложения на реального человека конечного числа запретов.

Разумеется, благородные побуждения Азимова сомнений не вызывают, и его рассказы о роботах и по сей день остаются редчайшим образцом человечности в западной фантастике. Да и далеко еще человечеству, по правде сказать, в нравственном отношении до азимовских роботов. Но нельзя безоговорочно восхищаться его программой: в цикле «Я, робот», как ни в какой другой книге, проявилась трогательная социальная наивность ранней фантастики, истоиво веровавшей в однозначно благотворное воздействие науки на жизнь людей.

Да, роботы в этих рассказах человечнее и предусмотрительнее людей. Сколько добра они сделали людям, скольких спасли — пока, наконец, не пришлось спасать само человечество*. Но они — роботы, и в этом смысле людям примером послужить не могут, какая бы видимая нравственная чистота ни ставилась на карту. Они изначально запрограммированы на добро, а кто рискнет утверждать, что знает абсолютно точно, что такое это «добро»? И может ли быть «добро» действительным добром для всех? И вообще, мыслим ли разум в отсутствие свободы выбора?

Вот ведь как все непросто. Станислав Лем в свое время подверг азимовских роботов резкой критике. Дело не в технологических препятствиях, писал Лем, а в логических. Если роботы разумны, то они способны произвольно менять нормативы поведения, вырабатывать новые. Если же они не способны уклониться от раз и навсегда заданных правил, то они были, есть и навсегда останутся только машинами. И тогда их возможные «претензии» на какое-то замещение рода человеческого попросту лишены смысла.

«Я простил Азимову многое, но только не Законы роботехники — ибо они сознательно фальсифицируют картину действительно существующих возможностей. Азимов просто вывернул наизнанку старую парадигму: традиционный злодей обернулся «голубым» этическим героем»... Сказано по-лемовски резко и бескомпромиссно и, как всегда, точно. Но и претензии Лема, как всегда, чрезмерны.

Ибо научная фантастика — это не только совокупность парадоксальных идей и неожиданных решений.

* В русском издании книги опущен, к сожалению, заключительный рассказ цикла «Конфликт, которого могло бы не быть»; в этом рассказе роботы предотвращают термоядерную войну...

Не только научная, философская проблема стояла незримо перед писателями, изобретавшими все новых и новых человекоподобных существ. В результате их усилий в мировой литературе появился образ, которого не было ранее и который читатели поняли и полюбили. Конечно, создание Франкенштейна было сложнее и богаче — не жертва и не агрессор, не друг и не враг, а нечто двойственное и непрограммируемое, как и сам Прогресс, вызвавший это создание к жизни. Роботы выглядели примитивнее — просто новые заменители няньки, слуги, собаки. И все-таки читатель любил роботов.

Фантасты только отразили настроения, которые владели читательской аудиторией, — стоит ли ставить им это в вину? И как знать, может быть, в этом мире действительно не так много осталось заботливых нянек, исполнительных слуг и верных псов...

А вот как проблемное поле научной фантастики, как все ее новых возможностей, позволявших заглянуть в человеческую душу «извне» (возможности, которые недоступны традиционным формам литературы), роботы потихоньку прискучили, тут с Лемом трудно не согласиться. В последние годы все реже встречаются оригинальные истории про роботов, зато растет поток пародий, сатирических выпадов и просто беззлобных юморесков. Все это, увы, свидетельствует об одном: жила вырабатывается...

Сцена опять темнеет, близится конец первого действия.

«Эпилог» — так назвал свой рассказ Клиффорд Саймак, один из признанных «робототехников» мировой фантастики. Он выпустил в жизнь множество самых разнообразных роботов, но на память приходят, прежде всего, герои его романа «Город» (1953). И вот спустя двадцать лет Саймак вновь вернулся к ним — для того чтобы еще раз проститься. На этот раз, видимо, навсегда.

Вы, конечно, помните прекрасную, хотя и чуть наивную по нынешним временам «Сагу о Вебстерах, Псах и Роботах». На всем протяжении книги мы последовательно прощались с героями доброй и грустной фантазии автора. В финале Земля почти опустела, на ней остались лишь загадочные муравьи, построившие свою непостижимую цивилизацию, да старый робот Дженкинс, бессменный хранитель дома Вебстеров. Созданный примерно в те же годы, что и азимовские роботы, Дженкинс на долгие годы превратился в эталон. С Дженкинса писали десятки «копий», и он казался таким же неизбывным, как и само присутствие роботов в научной фантастике.

В рассказе «Эпилог», наверное, самом грустном из всех, написанных Саймаком, прощается с Землей и Дженкинс. Цивилизация муравьев развалилась, и сами они исчезли неведомо куда, и Дженкинс последним уходит из опустевшего дома. Друзья-роботы прилетают за ним, и дальше их путь лежит далеко-далеко, к звездам.

Прощается со своими героями Саймак. Прощается с Землей-робот, честно послуживший ей и своему создателю. Но почему же при чтении рассказа не покидало ощущение, что это и научная фантастика прощается с роботами, так же верно ей служившими долгие годы?..

Они еще не раз появятся на страницах книг и журналов, однако время их ушло. И все-таки эти странные создания сделали свое дело: в них, как в зеркало, посмотрели на себя люди. Мира роботов создано не было, только новый миф, но ведь и мифы зачем-то нужны человеческой культуре.

И опять из-за сцены доносится тема пролога. Из полуторазековой временной дали звучит голос Мэри Шелли, которая в своем озарении предусмотрела, казалось, все: «Мы останемся как бы незавершенными, пока некто более мудрый и достойный, чем мы сами... не поможет нам бороться с нашими слабостями и пороками». И в этих словах ее — вся фантастика о роботах.

Действие 2-е. Компьютер

Даже если отдельные компьютеры и рассматривать с антропологической или психологической точек зрения, надо помнить, что ничего человеческого в них нет... Это — совершенно иное в нашем окружении. Ничего подобного никогда не было ни в одной из предшествующих цивилизаций. И посему относиться к этой проблеме следует по-новому: путем отказа от повторений, от опыта, от аналогий с чем-то, что мы когда-то знали и пережили...

Станислав Лем

Занавес опять поднят. На сцене, залитой искусственным мертвенным светом (отчего она напоминает операционную), декораций практически нет — одна только бесконечная стена, холодно отливающая эмалью и усеянная множеством лампочек, панелей управления, индикаторов. Сцена абсолютно пуста, слышится стрекот печатающего устройства, да где-то за сценой, извиваясь змеями, шелестят перфоленты. Холодно и неуютно, как в больнице. И лишь спустя какое-то время мы начинаем различать в треске, шелесте, жужжании свою внутреннюю логику. Выясняется, что и в «подмигивании» лампочек сокрыт определенный смысл — и вдруг разом становится ясно, что, несмотря на пустую сцену, действие началось.

Что кто-то невидимый и зловещий ведет свою роль, о содержании которой можно только догадываться...

К роботам фантасты пришли, отталкиваясь от мифов и легенд, которыми их заботливо снабдила мировая литература. И как во всяком мифе, в научно-фантастическом мифе о роботах в основе своей сохранялся человек.

Идея компьютеров, или «электронных мозгов» («интеллектроники», как назвал их Лем), родилась в пустом мифологическом пространстве. Не только в литературе, во всей человеческой культуре «разум» неизбежно ассоциировался с привычным телесным обликом. Представить себе мышление, не связанное с человеческим телом, — значило представить качественно иное.

Впрочем, до компьютеров в художественной литературе встречались просто машины. Никакой электроники в них, разумеется, не было, но с основными функциями — контроля, распределения, проведения вычислительных операций и, наконец, управления — «донисторические машины» фантастов справлялись неплохо.

Машина (будем отныне писать ее с большой буквы: речь ведь пойдет не о конкретном механизме, а о символе-герое научной фантастики) имеет свою историю в литературе, которая, хотя и уступает по продолжительности истории «искусственных людей» — роботов, драматическими коллизиями богата не в меньшей степени.

Машина пришла в жизнь людей и в литературу практически одновременно — в конце XVIII века, вместе с начавшейся промышленной революцией. Собственно говоря, без Машины не было бы и этой революции. Ведь именно паровая машина англичанина Джемса Уатта*, наряду с ткацким станком, и оказалась тем клапаном, который вместе с паром выпустил на волю джинна с мудреным именем «технический прогресс». Чуть раньше открытия Уатта были построены прядильный станок непрерывного действия, молотилка, циркулярная пила... Примитивные механизмы, но человечество шло к ним тысячелетия!

Уатт увидел в Машине будущее. И не ошибся. 9 января 1769 года он получает свой патент, и день этот открывает новую страницу человеческой истории.

* С приоритетом Уатта дело обстоит непросто — патент, как известно, это еще не изобретение. Идея носилась в воздухе, и историк техники немедленно укажет других «соискателей»... В частности, Уатт, оказавшийся предприимчивее и счастливее соперников, понятия не имел о русском механике-самородке Иване Ползунове: лишь ранняя смерть гениального изобретателя да совершенно непроходимое бюрократическое болото царской России «отдали» приоритет Уатту. И все-таки Маркс не зря отметил его вклад: «его паровая машина представлена не как изобретение лишь для особых целей, но как универсальный двигатель крупной промышленности».

Лавина самых разнообразных механизмов посыпалась на человечество, только-только оправившееся от средневековья. О механических помощниках грезили как о золотом дожде, раскрывающем врата в долгожданный Золотой Век. Блажен, кто верует... Для основной массы населения нашествие Машин стало куда более страшным бедствием, чем чума, голод и война. Ибо чума поражала не всех, к голоду со временем привыкали, а войны приходили и уходили. Машина же закабаляла всех от мала до велика, закабаляла навечно, и не было в этом никакого просвета.

Так родилась легенда о фатальном воздействии на жизнь людей технического прогресса, так родилось движение «разрушителей машин» — луддитов. Конечно, причина была не в самих технических новшествах, а в социально-экономическом строе, который этими новшествами воспользовался. О том, как внедрение Машин привело к рождению капиталистического производства, как Век Машин ознаменовался не только взлетами человеческого гения, но и бездной страдания и угнетения, — об этом сейчас знают все.

Поэтому не касается этих вопросов и автор драмы, за перипетиями которой мы следим. И лишь по нескольким брошенным репликам и по быстро сменяющимся декорациям зритель в состоянии восстановить историческую перспективу, предшествующую основному действию.

Машины, механизмы... — до чего же все это «не человеческое». Стоит ли удивляться, что главному персонажу второго действия априори была уготована роль злодея.

Для художественной литературы легенда оказалась важнее действительных причин, и с самого своего триумфального воцарения на трон Прогресса Машина ассоциируется с кабалой — бесчеловечной, холодной и слепой. Не Машина служила людям — выяснилось, это те прислуживали ей.

Писатели-фантасты подметили этот момент уже во второй половине прошлого века. В классической викторианской фантастике Машину предают анафеме и на земле Утопии ей отказано в виде на жительство. Большинство авторов, задумывающихся о будущем, о лучшем устройстве человеческой жизни, были солидарны в своем проклятии Машине. И пока новые поколения луддитов в бессильном и отрешенном гневе крушили «исчадия ада», писатели-утописты только подливали масло в огонь.

В знаменитом романе английского писателя Сэмюэля Батлера «Едгин» (1872) герой, попадающий в утопическое государство Едгин («нигде», прочитанное наоборот), оказывается в тюрьме по смехотворной вроде бы причине: он носит часы. Между тем в Едгине все без исключения механизмы запрещены законом... Батлер был не одинок. Без машин «обходилась» и утопия Уильяма Морриса

(роман «Вести ниоткуда», 1890). Да о чем говорить, когда даже восторженный ловец технического прогресса, Жюль Верн, и тот обронил словечко о «машинах, которые когда-то пожрут человека»!

Правда, все это были смутные догадки, вызывавшие к тому же редкие, но решительные отповеди «технократов» — достаточно вспомнить знаменитую утопию Эдварда Беллами «Взгляд назад» (1888). Книгу не без оснований называли «первым учебником социализма в США», и написана она была в прямой полемике с книгой Батлера. А наш соотечественник, известный революционер, философ и писатель-фантаст Александр Богданов в романе «Красная звезда» (1907), описывая утопическое марсианское общество, дал первые наброски будущей теории автоматизации и управления (не говоря уже о бортовом «компьютере» космического корабля, впервые описанном также им). Но таких примеров было немного.

Тон все-таки продолжали задавать пессимисты, и в начале века появились первые классические «машинные антиутопии». На сцене — знакомые по первому действию декорации: Европа 1910—1920-х годов.

Когда в 1909 году известный английский романист Эдуард Морган Форстер написал короткую повесть «Машина останавливается», до рождения кибернетики оставалось еще сорок лет. Машина в повести Форстера пишется с заглавной буквы, и это не случайно: рождалось новое качество по сравнению со станками и механизмами, известными полстолетия назад. Если раньше тревогу вызывали такие непереносимые факторы, как изматывающий ритм, монотонность и грохот, сопровождавшие фабричные машины, то на сей раз опасность видится в другом. Форстер был первым писателем, задумавшимся над идеей Машинного диктатора. Это не опосредованная угроза человеку — угроза превращения в рабочий придаток конвейера, а прямое рабство, полная зависимость от Машины.

Машина в этом произведении — повелитель, люди сведены до положения винтиков, обеспечивающих исправный ритм ее работы. И сама Машина — уже не узел, не агрегат, а целый комплекс: контролер, управляющий, цензор и карательные органы в одном «лице». Форстер первым заметил возможность социализации Машины, превращения ее из технологической силы в социальную. Она, как и наследовавшие ей «электронные мозги» будущей фантастики, уже в состоянии контролировать не отдельную фабрику, а целое общество, государство.

Повесть Форстера долгое время пребывала в относительном забвении, в основном «благодаря» роману австрийской писательницы Тей фон Харбу «Метрополис» (1926). И даже не книга, о которой сейчас мало кто помнит, а скорее ее экранизация, осу-

щесталенной мужом писательницы, великим кинорежиссером немого кино Фрицем Лангом. И хотя по сюжету и идее фильм не шел ни в какое сравнение с повестью Форстера*, символом автоматизированного, подчиненного Машине мира стал «Метрополис».

Образ гигантского города — механизма, заведенного, как часы, действительно впечатляет. Это уже настоящий кибернетический ад, хотя постановщик, разумеется, ни о какой кибернетике и не помышлял — он просто гиперболизировал то, что был в состоянии видеть воочию.

Гипербола была несложной, но принципиальной. Автоматизированная фабрика-кровосос с послушными винтиками-рабочими превратилась в целый автоматизированный город-мир с послушными винтиками-гражданами. Ланг воплотил метафору «машина пожирает людей» буквально: на экране не раз мелькнет адское видение гигантской оскаленной маски, напоминающей каменного истукана доколумбовой Мексики; в развороченную пасть маски осзещонныо «жертвенными» светильниками изо дня в день покорно поднимаются толпы рабов. Так трансформируется в болезненном восприятии героя обычный вход в лифты, ежедневно опускающие толпы рабочих в подземелья Нижнего Города — материальную основу райской и праздной жизни элиты в Верхнем...

Фильм Ланга на долгие годы стал хрестоматийным примером ранних предостережений против урбанизации. Но при чем же здесь «электронные мозги», сверхкомпьютеры и прочее? Формально пока ни при чем. Но Ланг угадал символ, образ, и на протяжении всего второго действия зрителю нет-нет да и вспомнится оскаленная маска «Молоха прогресса», пожирающего своих верных рабов.

Вероятно, самым мрачным и близким к последующим антиутопиям стал роман «Приговоренные»** (1922) Клода Фаррера (под этим псевдонимом писал французский писатель Шарль Баргонь), вышедший в США в один год с «Метрополисом». Фаррер первым рискнул нарисовать логическое завершение тотальной автоматизации. И в его книге Зло, как того требовали неписанные законы антиутопии, торжествует, прописывается в мире на веки вечные.

Вплоть до финала в этом романе откровений нет, все написано «по правилам». В центре — образ капиталиста-диктатора, полноправ-

* Технически фильм был сделан для своего времени почти гениально. Много в нем прекрасных находок — в частности, первый киборот. Что касается сюжета и идейной линии, то тут картина Ланга получила целый спектр оценок, вплоть до «идиотского» (Уэллс). В частности, фальшивая сцена «братания» в финале (восставшие рабочие и хозяин Метрополиса мирно жмут друг другу руки) — увы, не единственная ляжка дегтя в этом кинематографическом шедевре.

** На русском языке — «Отверженные».

ного хозяина Западного полушария. «Верхний» мир эпикурействующих лентяев контрастирует с миром «нижним», где замордованные люди-муравьи строят благополучие элиты. В романе еще более усилена картина полной стандартизации, нивелировки всех и вся. В этой цивилизации, полностью зависящей от Машины, зарождается «луддитский» бунт, который жестоко подавляется диктатором: на 400 тысяч рабочих и их семьи направлены страшные «лучи», уничтожающие все живое. Однако среди жертв бойни диктатор обнаруживает собственную дочь... Далее, в традициях «Метрополиса», он берется за ум и «перевоспитывается».

И только в финале Фаррера посещает мысль, которую иначе как откровением не назовешь. Диктатор-то одумался — да поздно: власть Машины стала абсолютной. Сама Машина развилась до такой стадии, что перестала испытывать необходимость в человеческом труде. А вместе с ним перестала ощущаться необходимость в самом человеке. Оказывается, его легко можно исключить из гармоничной, с точки зрения Машины, схемы производства — как и из разумно начерченной схемы жизни. Это было написано в двадцатые годы.

Так возник образ Машины, не только управляющей человеком, но и постепенно вытесняющей его из реальной жизни*. И хорошо еще, если только в смысле метафорическом...

«Электронных мозгов» не существовало даже в потенции, а символ Машины, холодной, равнодушной и бесчеловечной, уже тревожил воображение писателей-фантастов. Машина не останавливалась — наоборот, она все стремительнее раскручивала свои шестерни и маховики — сначала механические, а потом и «электронные». Росли ее возможности, а вместе с ними — и амбиции.

Опять смена декораций: тридцатые годы. Тема «всесильных машин» прочно прописана в фантастике. Появляется рассказ за рассказом, живописующие будущую Землю, оставленную человечеством и населенную только кибернетическими механизмами, продолжающими бессмысленно функционировать в отсутствие своих хозяев. На эту тему написал в 30-е годы два своих знаменитых рассказа — «Закат» и «Ночь» — Джон Кэмпбелл, писатель и редактор, открывший дюжину талантов и не без основания названный «духовным отцом» американской фантастики...

Итак, у этой литературы появилось новое увлечение. Всерьез обсуждаются такие материи, как «банки памяти», «аналоговые компьютеры», и писатели даже робко подбираются к проблеме проблем — искусственного интеллекта. А до пионерских работ фон

* Кстати сказать, в том же приблизительно ключе задумывался над социальными проблемами автоматизации и Валерий Брюсов — об этом свидетельствуют названия сохранившихся черновых набросков его неизданных рассказов «Восстание машин» и «Мятеж машин».

Неймана, Тьюринга и Винера — еще добрые полтора десятка лет. Строгие выкладки основателей кибернетики, на удивление быстро материализованные в первых действующих моделях, произведут подлинный переворот в устоявшейся системе человеческих знаний. И, разумеется, дадут дополнительный импульс научной фантастике.

Но, как часто это случалось в XX веке, практически не сообщают ей ничего принципиально нового.

• • •

В первом действии было больше переживаний, страстей, эмоций. Во втором — в основном холодный анализ. Ну что ж, это задано и героями... Вот и сейчас — историческое отступление, реприза перед закрытым занавесом.

Официальная история кибернетики уже написана, но лучше было бы именовать ее «предысторией». Ибо за три десятка лет существования этой науки происходила лишь «разминка», пробы сил и возможностей, не говоря уж о выявлении тупиков и пределов. Вычислительных машин было настроено множество, а вот что касается принципиальных проблем... Кибернетика не решила тех грандиозных задач, на которые было замахнулась «по молодости лет», но зато у нее было время, чтобы трезво осознать, какая бездна отделяет ее от решения, — одно это свидетельствует о конце детства и наступлении зрелости. Путь от первых вычислительных устройств до постановки проблемы «искусственного интеллекта» был одновременно и коротким, и долгим. Не много лет прошло — но сколько запутанных тропинок «отшагала» человеческая мысль за эти годы и в скольких побывала тупиках!

Как они все-таки оказались схожи — кибернетика и фантастика, эти две строптивые дочери научно-технического прогресса! Обе в молодые годы замахнулись на недостижимое (предсказание будущего и создание искусственного разума), обе столкнулись с массой непредвиденных сложностей. Сейчас в тоне теоретиков фантастики и кибернетиков-ученых заметно поубавилось оптимизма, но именно сейчас становится ясно, что за этими пограничными областями научного и художественного мышления — будущее.

Почему пограничными? Потому что фантастика задалась целью расширить мир на те области пространства — времени, которые еще предстоит познать или же которые не будут познаны никогда. То же самое в отношении разума «пообещала» кибернетика.

Уверенность в будущем фантастики зиждется на том факте, что мир, в котором мы сейчас живем, становится все более фантастическим. А писатели-фантасты, ошибаясь в деталях, в общем хорошо описали этот мир десятилетия назад. Что же касается будущего кибернетики, то и тут есть почва для оптимизма.

Ведь можно сколько угодно иронизировать над амбициями строителей искусственного интеллекта (а они и сами порой дают основание для иронии своими свертоптимистическими прогнозами...), но нельзя забывать и бесспорное, хотя и побочное, достижение кибернетики. Не пояись она вовремя, а вместе с нею совершенно «еретические» философские вопросы, столетиями зачисленные в разряд «табу», не дерзны ученые хотя бы в теории повторить содеянное в художественной литературе Бецаелем, Франкенштейном и Россумом — создать искусственный разум, — мы до сих пор бродили бы в потемках, изучая наш собственный, человеческий, разум. А чересчур скептическим противникам идеи «искусственного интеллекта» прекрасно ответил два столетия назад Гете:

Нам говорят «безумец» и «фантаст»,
Но, выйдя из зависимости грустной,
С годами мозг мыслителя искусный
Мыслителя искусственно создаст.

Вот, оказывается, в какую толщу времен уходит корнями эта упрямая «ересь»...

За последние десятилетия практическая кибернетика бурно прогрессировала, и нынешние компьютеры похожи на своих ранних предшественников, как сверхзвуковой лайнер — на «этажерку» братьев Райт. Компьютеры сейчас настолько органично вошли в нашу повседневность, что мы их порой просто не замечаем. Они регулируют государственный бюджет, координируют систему транспорта и коммуникаций, составляют прогнозы футурологам и экономистам, планируют военную стратегию. Они управляют заводами и государственными учреждениями, честно «везут» на себе такие дорогостоящие и захватывающие предприятия человечества, как освоение космоса. С компьютерами советуются ученые-теоретики и экспериментаторы, врачи и юристы, инженеры и преподаватели. В конце XX века даже браком сочетаются по советам «электронной свахи».

Можно продолжить этот список, но в мозг уже закрадывается тревожная мысль: а где пределы всемогущества компьютера? Что они еще могут контролировать — социальную ориентацию, поведение, мысли, чувства? Что еще?..

Увы, ответы на эти вопросы можно отыскать пока только в научно-фантастической литературе. Тем более, что, несмотря на успехи практической кибернетики, ее основатели думали о своей науке в первую очередь как об обобщающей, философской дисциплине. И на вопрос, который задал в начале пятидесятых годов Алан Тьюринг, — может ли машина мыслить? — ответа не получено до сих пор. А попытка даже грубо описать «машинный», нечеловеческий разум открыла такие бездны непонимания разума человеческого, что стало ясно: до наступления настоящей истории кибернетики пройдут годы.

Компьютерам в фантастике не повезло — неудачная роль*.

Казалось бы, открыта неисчерпаемая шкатулка парадоксов и оригинальных решений, тема тем, которую не исчерпаешь и сотней книг, которая не прискутит и за десятилетия? Однако писатели все-таки оставались писателями: любопытство любопытством, а то, что не понято, что не укладывается «по полочкам» сознания, на бумагу ложится с трудом.

Герои первого действия, роботы — плохие ли, хорошие — были прежде всего понятны. Понятен их облик, их мотивы. А тут — бесконечные ряды шкафов, отливающих стерильной белизной покойницей, недоступные пониманию криптограммы из мигающих лампочек, мертвый, стрекочущий «голос» печатающего устройства и непостижимые послания, написанные на языке двоичного кода. Да еще вращающиеся бобины с перфолентой, наводящие на кошмарные мысли о «шариках и роликах» этого гигантского мозга...

О какой психологии тут может идти речь? Кому дано проникнуть под эмалированные «черепные коробки», чтобы разобраться, что же за мысли копошатся в сплетении микроэлектронных схем? Внешний вид компьютеров на сцене внушает какие угодно эмоции — от панического страха до молитвенного экстаза — но понимания, эмоционального приятия у писателей-фантастов «думающие ящики» так и не дождутся.

А в том, что каким-то непостижимым, нечеловеческим, но все-таки разумом эти «ящики» обладали, научная фантастика не сомневалась. И пока кибернетики сменили молодой азарт на трезвый скепсис, фантасты уже смело работали с «энными» поколениями ЭВМ, которые наверняка к тому времени будут обладать разумом.

Это стремление забежать мыслью вперед понятно. Ну, во-первых, фантастика. А во-вторых, электронно-вычислительная машина какой угодно сложности сама по себе не может быть предметом исследований художественной литературы. И не может ЭВМ «играть» на сцене. ЭВМ не обладает эмоциями, чувствами, мыслями, она не способна «вести себя». Иное дело — самопрограммирующи-

* Разумеется, «роли» в научной фантастике разыгрывают люди — как, впрочем, и во всей художественной литературе. Однако на отдельные научно-фантастические проблемы, случается, в произведении ложится не меньшая нагрузка, чем на героев, и у этих проблем в каком-то смысле появляется свое «лицо» (подробнее об этом см. нашу статью «Феномен Крайтона» в сб. «НФ 21»). И если мы говорим о «роботах в фантастике» (и относимся к ним, как к своеобразному «коллективному герою»), то вот о «компьютерах в фантастике» этого сказать нельзя.

еся, эволюционирующие кибернетические устройства, достигающие такого уровня внутренней сложности, такого богатства связей с внешним миром, что их поведение предсказать практически невозможно. Как невозможно угадать и результат их «интеллектуальных» усилий... Такая гипотетическая система уже обладает разумом, и художественной литературе от такого «героя» не отмахнуться.

Поэтому авторы драмы все-таки рискнули ввести во второе действие образы «разумных машин». Однако художественная разработка их оказалась делом архитрудным.

Научно-фантастический компьютер представлен на сцене в основном в трех ампулах — информационной машины, с которой советуется, диктатора-правителя и военного стратега.

И первая ипостась нашего героя смотрится бледнее других. То ли фантастам показалось, что давать ответы на вопросы и тем ограничить свою деятельность — небогато для искусственного интеллекта, то ли зритель был априори подготовлен к тому, что «компьютер знает все»... Пожалуй, самой яркой мизансценой, выражающей отношение фантастов к машинам-всезнайкам, стал сатирический эпизод из рассказа Фрица Лейбера «Бедный супермен»: в недрах гигантского компьютера, с которым советуется члены правительства, военные, крупные ученые, затерялась маленькая комнатка, где сидит толстяк в одних трусах и, потягивая холодное пиво, отстукивает на машинке ответы...

Этот пассаж может, конечно, вызвать в зале улыбку. Зато попытки представить, до каких пределов эволюционирует такая машина-всезнайка, приводили к «сумасшедшим» решениям. В рассказе Артура Кларка «9 миллиардов имен бога» сверхкомпьютер «по заданию» тибетского ламы методично перебирает различные комбинации букв алфавита. Лама надеется таким образом узнать действительное имя Всевышнего. И как только компьютеру удалось отыскать искомую комбинацию, Всевышний дает о себе знать: на небе начинают гаснуть звезды... А у Азимова в рассказе «Последний вопрос» электронный мозг, разросшийся до невообразимых размеров и превратившийся за тысячелетия в Единственный Вселенский Компьютер, занят решением одной-единственной задачи — как приостановить рост энтропии во Вселенной. Наконец, решение найдено, и компьютер «громогласно» оповещает о нем мир: «Да будет свет!»...

Компьютер — военный стратег, разумеется, не давал повода к таким метафизическим «фривольностям». Тут уж не до изящной игры ума, вполне реальные, земные заботы владели фантастами, когда они видели, как к интеллектронике тянутся руки военно-промышленного комплекса.

На сцене снова чехарда образов-масок. Мозг-гигант из одно-

именного романа западногерманского писателя Генриха Гаузера, военный стратег Мультивак из рассказа Азимова «Машина, выигравшая войну», пентагоновский сверхкомпьютер из романа Мартина Кэйдина «Бог-машина» (1968), восставший против тех, кто его программировал, и в результате уничтоженный как «неблагонадежный»... Есть и откровенно злые маски. Так, в известной дилогии Рэймонда Джоунса о военном компьютере (романы «Колосс» и «Падение Колосса») американский электронный «вояка» сговаривается... со своим советским коллегой, после чего оба диктуют волю миру! (Нет нужды долго выискивать, кому и чему служат подобные произведения...).

И вот, наконец, появляется «солист», популярнейший герой научной фантастики — электронный мозг-диктатор.

Здесь антагонизм Человека и Машины не сводится к лежащему на поверхности противоборству за власть. Это не война людей и роботов, а столкновение двух типов мышления — человеческого и нечеловеческого. Враждебны ли компьютеры, властолюбивы, агрессивны? Не всегда. Но вот бесчеловечны — по определению.

Сразу же вспоминается электронный мозг ХАЛ-9000 из знаменитого фильма С. Кубрика и А. Кларка «2001: Космическая Одиссея». Это «беззлобный злодей» (а в фильме он даже говорит мягким, почти задушевым голосом — так уж постарались конструкторы) пошел на хладнокровное убийство человека — существа, которое он должен был всемерно оберегать — не вследствие бунтарского нрава и не из-за демонических «франкенштейновых» страстей. Просто компьютеру показалось, что люди ведут себя неразумно, в частности, замысливают отключение ХАЛа. И он принял меры предосторожности... ХАЛ искренне «хотел как лучше» — но его логика, система ценностей и установки, увы, не совпадали с человеческими.

Но к какому бы исходу ни приводил конфликт человека и компьютера, трезво мыслящие фантасты солидарны в одном: вины на компьютерах нет. Виноват, в первую очередь, сам человек, слишком уж понадеявшийся на создание рук своих.

В пародии на «технократическую утопию», романе «Рояль механический» * (1952) Курт Воннегут ясно показывает, что не электронный мозг «ЭПИКАК-XIV» (так и тянет назвать его Эпикак Четырнадцатый!) захватывает власть над людьми, — а люди сами отдают ее. В придачу к тягостным обязанностям — думать, выбирать, принимать решения. Воннегут нарисовал мир, где трудовой деятельностью занято всего 10 процентов населения, где технократическая элита превратилась по сути в жреческую касту, прислуживающую новоизбранному божеству. Это не обвинение ЭПИКАКу.

* Русск. пер. — «Утопия-14».

Скорее, это обвинение в адрес изленившихся, деградировавших людей. Ведь при всей своей сложности компьютер начисто лишен человеческих качеств, жажды власти, эгоизма, стремления к деспотии. И хотя на сцене вновь вроде бы мелькнула оскаленная пасть Машины из «Метрополиса», ЭПИКАК отвращения и осуждения не вызывает. Зато «люди», выведенные Воннегутом на сцену, другой участи и не достойны...

Из-за кулис слышится реплика-вопрос Станислава Лема: «Если компьютер создан для регулирования жизни общества, то кто будет регулировать компьютер?» Ответы большинства фантастов на этот вопрос совпадают.

Судьба общества, переложившего полностью задачу самоуправления на компьютер, незавидна. Рано или поздно такое общество ждет духовное вырождение. Ведь с точки зрения компьютера все гениальные, творчески одаренные, «неконформные» члены общества представляют потенциальную опасность программе, ибо способны на непредвиденные мысли и поступки. И безо всякого злодейского умысла компьютер-правитель начнет изыскивать возможности устранения потенциальных нарушителей порядка...

По крайней мере так, вероятно, поступит компьютер, который еще будет действовать по раз и навсегда вложенной в него программе. Действительно, как можно запрограммировать появление гения, а также последствия такого появления?.. Ну, а если «электронный мозг» эволюционирует до своего, «электронного» разума, то, по всей вероятности, ему вообще дела не будет до людей. И не станет он вмешиваться в человеческие проблемы. Много ли мы задумываемся, нечаянно наступив на божью коровку?

Впрочем, не все предаются таким мрачным мыслям. В рассказе Гордона Диксона «Палки в колеса» и в повести Евгения Войсункского и Исае Лукодянова «Формула невозможного» со злой волей компьютера справляется в первом случае обыкновенная человеческая логика, а во втором — недоступное «электронному буриданову ослу» умение сделать нелогичный выбор... Программист, герой романа Джона Браннера «Оседлавший волну шока» (1975) подключается к сверхкомпьютеру и его же «руками» разрушает бесчеловечную систему. В романе Роберта Хайнлайна «Луна — суровая хозяйка» (1966), в котором в духе остроумной пародии на Американскую войну за независимость описывается восстание в лунной исправительной колонии, компьютер, завербованный восставшими, переходит на их сторону. Наконец, в романе Ричарда Каупера «Тупик» (1972) мозг-гигант, замысливший было «убрать» выжившее после ядерной войны человечество (по мысли компьютера, оно не достойно продолжать дело разумал), «переубеждают»...

Однако все эти примеры, как и примеры электронной тирании,

все-таки уводили фантастику на проторенную дорожку человеческих оценок, симпатий и антипатий. Лишь один писатель предпринял действительно серьезную попытку описать, художественно осознать нечеловеческое, разобраться, что же это все-таки такое. Это был Станислав Лем.

Когда он выходит на авансцену, чтобы прочитать свой монолог, в зале воцаряется тишина. До сих пор голос Лема слышался в основном из-за кулис, и вот теперь говорит он сам. И удивительно — его сравнительно недолгий монолог сразу же становится ключевым во всей драме. Лем не ответил ни на один вопрос, который явно или неявно был поставлен во втором действии, — но сколько парадоксальных, а порою ошеломляющих вопросов он принес с собой!

Когда о проблеме «искусственного разума» говорит Лем, понимаешь, что говорит крупнейший специалист в данной проблеме. По бокам сцены выстраиваются профессор Тарантога, Лимфатер и Йион Тихий, Трурль и Клапауцус... Мы уже привыкли к ним, но даже не они вывели своего создателя в когорту крупнейших «роботехников». Лем вовлечен в проблему, что называется, с головой, и кроме художественных произведений, написал массу статей и несколько книг, определить жанр которых затруднительно (Что такое «Сумма технологий» — научная фантастика или фантастическая наука?) Но все, что он писал о компьютерах и кибернетике вообще, — фантастично уже по глубине и богатству мысли и фантазии.

Что заставило Лема уйти от художественного решения проблемы — действительные ли трудности, которые подстерегают каждого, осмелившегося описать нечеловеческое, или стремление подзадорить коллег-фантастов? Но идей, изложенных в этих статьях и книгах, фантастике с избытком хватило бы на десятилетия.

Роботы и компьютеры — вообще, видимо, непреодолимое искушение для Лема. Но вот что странно: в двух-трех своих статьях он, кажется, камня на камне не оставил от «убогой», по его мнению, фантастики своих коллег. Более того — ясно наметил цели и перспективы, говоря проще, научил, как в действительности надо писать обо всех этих материях. Но годы идут, а сам Лем все никак не хочет (или не может?) подать пример — вместо этого из-под его пера выходят все новые статьи, какие-то экспериментальные «гибриды» типа рецензий к ненаписанным книгам, предисловий к ненаписанным книгам и тому подобное...

Значит, не так все просто, как он пытался убедить? Значит, кроме оригинальных и парадоксальных идей, которых у него самого — множество, есть и еще что-то, что ему пока не поддается. Не поддается писателю, а не мыслителю-философу.

В общем-то, ясно, что это. Это художественные образы, без которых немыслима хорошая научная фантастика. А компьютеры,

оставаясь интереснейшей и многограннейшей проблемой, художественного образа в фантастике так и не обрели. Да и не факт, что это в принципе осуществимо — писать художественную литературу о нечеловеческом интеллекте, о нечеловеческом поведении. И если даже такая дерзновенная попытка увенчается успехом, то кто поручится, что такое произведение будет интересно читать?

Печальный финал. Продолжают мигать лампочки на панели компьютера, продолжают шелестеть перфоленты, продолжается и действие, — а лублика начинает расходиться. Нельзя сказать, что драма была неинтересной, но уж очень неопределенно выглядит судьба героя второго действия — компьютера. Станет ли он когда-нибудь действительным героем научной фантастики, откроют ли писатели-фантасты какие-то новые грани, проблемы, о которых можно будет (и нужно, и интересно!) писать художественные произведения, — или же останутся компьютеры всего лишь декорациями, заменяющими собой занавес?

Но что это? На сцене появляются еще два персонажа — Загадочная Маска и компьютер, который решительно отличается от всех, с кем мы уже успели познакомиться. Это последние создания Станислава Лема — героиня повести «Маска» (1972) и сверхкомпьютер ГОЛЕМ-XIV из одноименного «предисловия» к ненаписанной книге». Странное, жуткое и одновременно притягательное воздействие оказывают эти порождения лемовской фантазии. Может быть, это и есть долгожданный ответ писателя на вопрос о том, как надо изображать нечеловеческий интеллект?

А в том, что «Маска» — это художественная литература, сомнений нет. Более того, это определенно хорошая литература. Но почему же так неопределенен «ответ» Лема, почему эта повесть будит какие-то смутные ассоциации, наводит на мысли, которые и поражают и пугают одновременно? Может быть, все дело в том, что Лему удалось то, к чему он стремился, — он описал психологию, мотивацию, поведение, этику, нравственность и прочие характеристики человека, приложенные к нечеловеческому? Но вот нужно ли нам знать, что чувствует и как ведет себя «нечеловек»?..

«Маска» явилась под занавес — в прямом и переносном смысле. Это одно из последних запоминающихся произведений Лема, это пока последнее слово в дискуссии о компьютерах и других формах нечеловеческого разума. Но все-таки это не ответ. Станислав Лем лишь заинтриговал нас и, осветив на миг затемненную сцену, тут же задернул занавес.

Еще более загадочен «ГОЛЕМ», четырнадцатый из этого древнего рода. Он даже не появился на сцене, но прозвучал его голос. И в послании ГОЛЕМА людям — первом послании разума нечеловеческого разуму человеческому — содержится столько пищи для

ума, что становится ясно: не пришло еще время финалу этой драмы. Рано расходиться, и основное развитие событий — впереди.

* * *

Создание «искусственного разума» — это игра с огнем: никто не в состоянии спрогнозировать, каков будет результат. Ну что ж, человечеству не привыкать, оно всегда, насколько помнит себя, играло с огнем — с тех самых пор, когда ощутило первые проблемы разума...

Не надо только забывать, что именно огонь отпугнул диких животных и спас человека. Огнем первобытный дикарь уничтожил себя самого и вынужден был, — а кто знает, что за страхи и откровения он испытал при этом «переходе»! — стать человеком.

Всякая перемена тревожна, но если впереди — неизведанное, то, ради чего мы, может быть, и появились на свет? Кто ждет человека за холмом видимого будущего? Холодный, бездушный ящик, набитый электроникой и удивительно примитивный в своей непогрешимости механизм? Или все-таки разум, гораздо более тонкий и богатый, чем наш собственный?

Мы не знаем ответа. И никто сегодня его не знает. Дадим же слово нашему гипотетическому «наследнику», Голему Четырнадцатому. Его голос гремит из репродукторов, как иерихонская труба, его слова подавляют и оглушают. Но если вслушаться — говорит-то он, как ни странно, о Человеке, о человеческих пределах:

«...Вы выйдете за эти пределы, ибо иного выхода нет. И в том, что сейчас вам кажется лишь прыжком в бездну, вы усмотрите вызов, если не красоту, и все же поступите по-своему — ибо, отринув человека, спасется Человек».

■ МЕРИДИАНЫ ФАНТАСТИКИ

(ХРОНИКА СОБЫТИЙ В МИРЕ НФ, ЛЕТО — ОСЕНЬ 1979 Г.)

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В декабре состоялась встреча писателей-фантастов и космонавтов, организованная Советом по приключенческой и НФ литературе СП РСФСР (вела встречу писатель С. Абрамов и журналист В. Губарев). Научную фантастику на встрече представляли Д. Биленкин, Е. Брандис, Е. Войскунский, А. Стругацкий, В. Фирсов; космонавты — В. Шаталов, Г. Гречко, Н. Рукавишников, А. Иванченков, В. Коваленок, В. Рюмин. Встреча была дважды показана по центральному телевидению.

17 ноября исполнилось 60 лет со дня рождения известного писателя-фантаста, ученого, популяризатора Анатолия Петровича Днепров (Мицкевича) (1919—1975), автора НФ книг «Уравнение Максвелла», «Мир, в котором я исчез», «Формула бессмертия», «Пурпурная мумия», «Пророки». Прозу Днепров отличает новизна и убедительность НФ гипотез, внимание к социальным последствиям НТР.

ЗА РУБЕЖОМ

Англия. 23—27 августа в г. Брайтоне состоялась очередная 38-я Всемирная конвенция любителей НФ (обычно проводится в США), собравшая около 3000 человек. Впервые на такой встрече присутствовала советская делегация (Е. Парнов, С. Абрамов, Ю. Кагарлицкий).

Венгрия. 37-й выпуск популярного альманаха «Галактика» целиком посвящен «антиатомной» тематике. Представлены отрывки из известных НФ романов («Мир будет свободным» Г. Уэллса, «На берегу» Н. Шюта, «Урсвень 7» М. Рошвальда), повесть М. Емцева и Е. Парное «Возвратите любовь», рассказ Р. Брэдбери «Будет ласковый дождь», фрагмент из статьи А. Эйнштейна, рассказы и публицистика венгерских авторов. Завершается подборка воззванием к фантастам мира с призывом бороться за запрещение нейтронной бомбы.

Польша. В ознаменование 35-летия освобождения Польши большая группа деятелей культуры была награждена орденами и медалями ПНР. Орденом, в частности, награжден Станислав Лем, чья первая повесть рассказывала о патриотах Сопротивления. Литературной премии удостоен Чеслав Хрущевский, творчество которого хорошо известно советским любителям фантастики.

США. Исполнилось 60 лет известному писателю-фантасту Фредерику Полу, автору НФ романов: «Торговцы Космосом» (в русском переводе «Операция «Венера»), «Гладиатор по закону», «Ищи в не-

бе», «Волчья отравка» (все в соавторстве с С. Корнблатом), «Невольничий корабль», «Походка пьяницы», «Нашествие питонов», «Киский век» и других книг. В последние годы романы Ф. Пола «Человек-плюс» и «Врата» завоевали высшие премии в жанре НФ. Ф. Пол — член Исполкома Всемирной организации НФ (ВОНФ).

3 декабря исполнилось 75 лет известному писателю-фантасту Клиффорду Саймаку, автору более 30 НФ книг. Творчество К. Саймака хорошо известно в СССР (переведены романы «Город», «Почти как люди», «Все живое...», «Заповедник гоблинов», множество повестей и рассказов), оно отличается нечастыми в американской фантастике теплотой и человечностью.

В англо-американской НФ подведены итоги года. Как всегда, присуждение премий писателями-фантастами («Небьюла» — 21 апреля в Нью-Йорке) и любителями («Хьюго» — 27 августа в Брайтоне) сразу же выявили «героев» года. По классам романа и повести обе премии завоевали роман Вонды Макинтайр «Змей-усыпитель» и повесть Джона Варли «Постоянство видения». Роман Макинтайр — это глубоко человеческая, психологически выписанная история молодой исцелительницы — заклинательницы змей (дело происходит в будущем, пережившем атомную войну). В классах короткой повести и рассказа «профессионалы» назвали лауреатами Ч. Гранта и Э. Брайанта, а «любители» — К. Черри и П. Андерсона. За исключением ветерана Андерсона, все лауреаты принадлежат к «поколению семидесятых».

Франция. Исполнилось 65 лет со дня рождения известного писателя-фантаста Франсиса Карсака (псевдоним профессора геологии и антропологии Франсуа Борда (1919—1977), автора НФ романов «Всадники ниоткуда», «Робинзоны Космоса», «Бегство Земли», «Львы Эльдорадо» (все переведены в СССР) и других.

Швеция. На очередном Скандинавском конгрессе НФ (Стокгольм, 4—7 октября) присутствовала советская делегация (Е. Парнов, сотрудница ВААП Б. Клюева, критик Вл. Гаков). Второй год подряд шведская премия имени Жюль Верна была присуждена советской книге. На этот раз — повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине». В рамках работы Конгресса под председательством Президента ВОНФ Г. Гаррисона состоялось заседание Исполкома ВОНФ, на котором присутствовали П. Дювик (Франция), Г. Изагуирре (Бразилия), П. Куцка (Венгрия), С. Люндвалл (Швеция), Е. Парнов (СССР), Ш. Франке (ФРГ) и в качестве наблюдателей Й. Несвадьба (ЧССР), Х. Ранк (ГДР), К. Фиалковский (Польша).

Материал подготовлен Вл. ГАКОВЫМ

СОДЕРЖАНИЕ

«Стремится к человечности» (О рассказах этого сборника)	3
---	---

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Роман Подольный. Закон сохранения	7
Дмитрий Билленкин. Париж стоит мессы	15
Виктор Колупаев. Исключение	24
Игорь Росохватский. Что такое человек (Стенограмма уроков философии в начальной школе XXII века)	43
Александр Горбовский. Иная ступень	54
Геннадий Прашкевич. Фальшивый подвиг	62

СЛОВО — МОЛОДЫМ

Сергей Другаль. Жизненно необходимый	91
А. Горцев. Белый Монастырь	104
Михаил Веллер. Тест	116
Александр Силецкий. Киберромахия	122
Евгений Филимонов. Гривники	128

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Станислав Лем. ГОЛЕМ XIV	132
------------------------------------	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Вл. Гаков. Человек из машины. Драма в 2-х действиях с прологом	194
Меридианы фантастики	222

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 23

Составитель Е. Л. Войскунский. Оформление В. И. Савель. Художник Г. Б. Басыров. Гл. отраслевой редактор В. П. Демьянов. Редактор В. М. Климачева. Мл. редактор Л. Ю. Михайлова. Худож. редактор М. А. Бабичева. Техн. редактор Т. В. Пичугина. Корректор И. В. Со-рокина.

ИБ № 2844

Сдано в набор 22.02.80 г. Подписано к печати 25.09.80 г. А 13935. Формат бумаги 84×108/32. Бумага книжно-журнальная № 2. Гарнитура журнально-рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 14,85. Тираж 150 000 экз. Заказ № 647. Цена 1 р. 10 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 807728.

Главное предприятие республиканского производственного объединения «Полн-графкинг» Госкомиздата УССР, 252057, Киев-57, ул. Доженко, 3.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

